

ВАРЯ СВЕТАЯ

ХРАНИТЕЛЬ
СЕРДЦА МОЕГО

Варя Светлая

Хранитель сердца моего

«Автор»

2023

Светлая В.

Хранитель сердца моего / В. Светлая — «Автор», 2023

Она – пришелица, иномирянка, которую обвиняют в заговоре против короля. Он – могущественный маг, Хранитель мира и света. Она всем кажется опасной. Он тот, кто должен проверить и обвинить ее. Она – простая женщина. Он – тот, кто дал священную клятву никогда не любить. Они по разные стороны. Им не суждено быть вместе. Но нити сплетаются, а старые тайны зовут... От автора: Друзья! Перед вами нетипичная история о попаданке, у нее нет супер-дара, а принцы не падают к ее ногам. Но есть кое-что другое: сильная и запретная любовь, препятствия и Тайны. Много Тайн)

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	18
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	47
Глава 10	52
Глава 11	56
Глава 12	60
Глава 13	64
Глава 14	70
Глава 15	74
Глава 16	78
Глава 17	82
Глава 18	84
Глава 19	88
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Варя Светлая

Хранитель сердца моего

Глава 1

Когда я попала в другой мир, то и понятия не имела, чем это все обернется. Да и сложно предугадать дальнейшие события, если ты внезапно оказываешься в иной реальности.

Особенно, если ты ничего не помнишь. Прямо как в дурацких мыльных операх. Никогда не любила такие приемы в кино.

Но это жизнь. И я ничего не помнила. Нет, свою биографию, имя и прочее я знала по-прежнему. Амнезия коснулась лишь момента моего перемещения в другой мир.

В моем сознании сохранились две картинки. Вот я стою на кухне в своей квартире, в джинсах, кофте и домашних тапочках, попиваю кофе и думаю, как прожить этот день. А через миг – словно моргнула – я уже на поляне посреди странного леса в окружении крылатых тварей, подозрительно похожих на поросят.

У меня было такое ощущение, будто я уснула у себя на кухне, а проснулась здесь, в ином мире. Проснулась от своего крика. Да, я кричала, что попала в другой мир.

Именно так. «Я в другом мире!»

Вот еще одна загадка – откуда во мне сидела такая уверенность, что я в другом мире? Ведь еще вчера я была типичным представителем двадцать первого века. И точно не верила в существовании каких-либо других миров. Реальность мне казалась обычной, с серыми оттенками и без чудес.

Но все же я была в другом мире.

Я не успела и моргнуть, как на мой крик прибежали суровые мужчины. После пары бессмысленных вопросов и действий, они схватили меня. Надели на руки оковы, велели склонить голову и молчать, иначе будет больно.

И повели во дворец к королю. Да, так они и сказали. К королю.

Наверное, именно по дороге я впервые и поняла, что у меня амнезия.

Возможно, думала я, украдкой глядя по сторонам, я просто сошла с ума. Немудрено. Вполне ожидаемый финал для меня. Ну а что. Двадцать семь лет, неудачница в глазах окружающих – ни семьи, ни карьеры, три года терапии у психолога, шесть месяцев на антидепрессантах. Что еще можно было ожидать? Свихнулась.

Вот только ощущения были настоящие. Запахи реальными, тычки стражников и их грубые выкрики – тоже.

Пока я пыталась вспомнить хоть что-то и найти разумное объяснение, меня привели во дворец.

Это был самый настоящий дворец из сказок. Мозаичный пол менял переливался и менял цвет. Золотисто-белые стены увешаны картинами и гобеленами, в воздухе плавали лампы и свечи. У стен стояли люди и с любопытством разглядывали меня.

Один из стражников дернул меня за цепь так сильно, что я упала навзничь и тихо охнула от боли.

– Лежать, – грубо сказал он, – идет его величество.

Я подчинилась и зажмурилась, в надежде, что сейчас эта иллюзия развеется, и я окажусь у себя дома.

Послышались чьи-то быстрые шаги, шелест ткани, приветственные выкрики и чей-то шепот. А потом на долгие мгновения – тишина.

– Поднимите ее, – услышала я властный голос с хрипотцой.

Именно в эту секунду я поняла, что понимаю все, что они говорят. Все, до единого звука, хотя язык мне не знаком. Еще одна загадка.

Меня рывком поставили на ноги. С левой ступни слетела тапка, и я так и стояла, босая и испуганная.

В шагах десяти от меня возвышался постамент с огромным тронем в центре. Подле него стояли трое. В центре – поджарый брюнет с сияющей короной на голове. От блеска золота и серебра в его одежде рябило в глазах. Взгляд хмурый, высокомерный. Король.

Справа от него – высокий и тощий мужчина с колючими маленькими глазками. Губы кривятся в презрительной гримасе.

И последний, слева от короля. Высокая фигура укрыта темным плащом, а лицо скрыто капюшоном. В руке зажат посох или что-то похожее на него.

– Кто ты такая? Назови свое имя, – приказал мне тот, что стоял справа от короля.

Те немногие, что были в зале, молчали, жадно слушая каждое слово. Мое сердце бешено билось, а в горле пересохло от волнения и испуга. Я боялась, черт возьми, очень боялась. Недобрая атмосфера царил в этом сказочном месте.

– Лиза, – прохрипела я и добавила громче, – меня зовут Елизавета.

Король нахмурился и что-то прошептал фигуре в плаще.

– Что за странное имя, – сказал король задумчиво и окинул меня внимательным взглядом с головы до ног, – мои люди доложили, что у тебя нет метки. И что ты якобы из другого мира. Это так?

– Как они могли доложить? – ошарашенно прошептала я, – они же все это время были рядом, вели сюда и не отлучались...

– Не твоего ума дело! Отвечай его величеству! – рявкнул один из стражников и так сильно дернул за цепь, что в запястье у меня что-то хрустнуло, и я вскрикнула от боли.

«Боже, боже, куда я попала», – думала я, глотая слезы обиды и страха.

– Прекрати мучить ее, – внезапно произнес человек в плаще твердым и спокойным голосом. Через секунду волна облегчения разнеслась по телу. Боль исчезла, оставив после себя легкое жжение.

– Наш король задал тебе вопрос, – чуть мягче произнес стражник, – отвечай, ну же.

Я слотнула, переводя взгляд с короля на тощего мужчину и на фигуру в плаще.

– Я не знаю, о какой метке идет речь, – тихо ответила я, задержав взгляд на фигуре в плаще, – и, судя по всему, я действительно из другого мира.

Я неловко пожала плечами. Больше добавить мне было нечего. Где-то в глубине души я надеялась, что вот-вот проснусь в своей постели.

Тощий с глазами-пуговками спустился с постамента и сделал два шага в мою сторону.

– Как ты попала сюда? Почему одета как мужчина? – голос у него был скрипучий, и каждое слово он словно вырывал из горла и сплевывал. Враждебный тип. По нему сразу видно – хорошего не жди.

Он сделал еще шаг в мою сторону, и я инстинктивно попыталась обхватить себя руками.

– Я не помню, как очутилась здесь, – тихо произнесла я, – вообще ничего не помню. Я была у себя дома, а потом внезапно оказалась в том лесу. Увидела летающих существ, испугалась и закричала.

– Но при этом ты кричала, что попала в другой мир, – с кривой усмешкой сказал тощий.

– Да...

Хотелось бы мне знать, куда именно я попала.

– В твоём мире, – сказал король, – говорят на том же языке, что и мы?

Все жадно смотрели на меня, я кожей осязала все эти взгляды, цепкие и любопытные. Меня охватило дурное предчувствие.

– Нет, – с выдохом ответила я, – у нас много разных языков, но язык, подобный вашему, я не слышала.

– Как же ты можешь говорить на нашем языке?

Прекрасный вопрос. И меня он тоже очень волнует. Как и все происходящее.

– Я не знаю, – с глубоким вздохом ответила я, – это странно, но у меня такое ощущение... Словно я всю жизнь знала этот язык, но никогда им не пользовалась. Словно знания моментально попали в мою голову.

Поднялся тихий ропот и перешептывания. Кажется, всех сильно взволновали мои слова. Тощий со скрипучим голосом подошел еще ближе.

– Ты говоришь на нашем языке так, словно прожила здесь всю жизнь, – медленно произнес он, – но все же у тебя нет метки. Скажи, как ты ее удалила? – он подошел ко мне вплотную и посмотрел в глаза. От него веяло враждебностью, – как ты удалила метку? И кто подослал тебя?

Я хотела ответить, но чей-то крик из толпы заглушил меня.

«Убейте ее! Убейте!»

«Посадите ее в темницу!» – крикнул еще кто-то, и зал заполнился гневными возгласами и выкриками. От ужаса я онемела. Это какой-то кошмарный сон, дикое мракобесие! За что меня убивать? За что?

– ДОВОЛЬНО! – громогласно, на весь зал, раздался голос. Тот самый, что приказал тюремщику прекратить истязать меня.

В зале воцарилась тишина. Казалось, люди даже дышать перестали – такой силой обладал этот голос. Я посмотрела вперед. Король и таинственная фигура в темном плаще смотрели друг на друга так, словно вели беззвучный разговор.

– Моран, прошу тебя, проверь... – тихо сказал король, глядя на меня.

Тот кивнул и медленно подошел ко мне, опираясь на витой посох.

– Пролан, отойди в сторону, – властно сказал он тощему. Тот беспрекословно подчинился. Мои тюремщики тоже с почтенными поклонами отошли назад. Я осталась стоять одна. Молчание. Весь зал замер в ожидании.

– Знаешь ли ты, кто я? – сказал Моран и откинул капюшон.

Странно, но я была почти уверена, что он намного старше. Но я ошиблась. На вид ему было чуть больше тридцати. Светло-русые волосы, орлиный нос, коротко стриженная борода. От него исходила необъяснимая сила, энергия, название которой нет в моем мире.

Я растерянно покачала головой.

– Что ж... Приступим, – пробормотал он и положил ладонь на мой лоб.

Теплая волна спокойствия и умиротворения растеклась по жилам. А затем я посмотрела в его глаза. Голубые, пронизательные... и смутно знакомые. Захотелось плакать. И в то же время стряхнуть с себя его ладонь и убежать прочь. Он шептал какие-то слова, пристально глядя в глаза. Не выдержав его взгляда, я зажмурилась, и две теплые слезинки скатились по лицу. Все вокруг перестало существовать. Лишь его теплая рука, звучный голос и взгляд холодных глаз.

Вот каково было мое первое впечатление о нем. Я не знала, сколько это длилось. Может, час, а может, и несколько секунд. Время остановилось. Весь мир замер. Так мне казалось. Такой силой обладал этот человек.

А затем все переменялось, и мир стал прежним. Моран убрал руку, я открыла глаза. Люди молчали. Король и тощий, Пролан, взирали на меня. Первый – с недоверием и любопытством. Второй – с неприкрытой злобой и презрением.

Дикая, дикая ситуация... Господи, куда же меня занесло? И как выбраться отсюда?

Моран еще несколько мгновений изучающе смотрел на меня, затем резко развернулся и подошел к королю. Покачал головой и что-то прошептал ему. Пару секунд они вели тихий разговор. В этот момент решалась моя судьба. И отчего-то мне казалось, что именно слова Морана сыграют решающую роль. Кто же он такой?

Наконец, король величаво поднял руку. Все затаили дыхание.

– Подданные мои! У нас нет причин не верить этой женщине, – произнес король, – впрочем, как и верить тоже. Снимите с нее оковы! – приказал он стражникам.

Проклятые оковы на моих руках исчезли.

– Ради безопасности Эбергарда и своей собственной безопасности она отправляется в Цитадель света, где и будет тщательно проверена. Немедленно!

Он замолчал, взмахнул рукой и, резко развернувшись, пошел к выходу. Следом за ним засеменял Пролан и вооруженная охрана.

Остальные люди тоже начали расходиться. Не прошло и минуты, как зал опустел. Остались только я и Моран.

Я стояла неподвижно, не зная, плакать или смеяться. Меня не убили на радость толпе, что уже хорошо. Но отправляли в какую-то цитадель, куда совсем не хотелось.

Хотелось в безопасное место, домой.

Моран медленно подошел ко мне. Его губы беззвучно шевелились. Постепенно он перешел на шепот. Его глаза ярко светились бело-голубым огнем. Послышалось шипение, и пол под ногами Морана засиял странными символами. Я испуганно попятилась.

– Подойди, – сказал Моран и протянул мне руку.

Я не хотела делать этого, совсем не хотела. Но и оставаться в этом зале, с этими кровавыми людьми тоже. Не велик выбор, из двух зол пришлось выбирать меньшее. Я сделала робкий шаг и оказалась рядом с Мораном. Он положил руку на мое плечо и что-то произнес.

Окружающий мир разорвался на осколки. Вокруг не было ничего, мы словно плавали в вакууме, темном и беззвучном.

Но под ногами снова появилась твердая поверхность. Мы оказались в другом месте. В темноте вырисовывались каменные постройки и деревья. Какие-то люди спешили к нам.

– Где мы? – хриплым голосом спросила я.

– Добро пожаловать в Цитадель света, – ответил Моран и отошел от меня. К нему подбежали двое мужчин, и он им что-то сказал, указав на меня рукой. А затем, щелкнув пальцами, растворился в воздухе.

Глава 2

Все-таки меня заперли в темнице. Как того требовали некоторые во дворце. Сначала меня заставили подниматься на верх какой-то темной и бесконечно высокой башни. А затем закрыли в тесной комнатухе с крошечным окном под самым потолком.

В комнате этой не было ничего, кроме кровати, табурета со столом да свечи, которая волшебным образом сама загоралась в сумерки, и сама тухла с рассветом.

Словом, самая настоящая камера.

А утром, после беспокойного сна, я проснулась от чьего-то пристального взгляда. Меня внимательно разглядывал юноша с блестящими черными глазами.

Я инстинктивно натянула одеяло до подбородка, а незнакомец широко улыбнулся. Улыбка у него была искренняя и красивая. Даже в комнате стало чуть светлее. Первый человек в этом мире, кто одарил меня улыбкой. Я неуверенно улыбнулась в ответ.

– Доброе утро, – все еще улыбаясь, сказал он, – меня зовут Галвин.

– А меня Елизавета. Можно просто Лиза.

– А ты хорошенькая, Лиза, – простодушно сказал он.

Я смущенно улыбнулась. Никогда не считала себя красавицей. Единственное, чем я гордилась, так это своими волосами: светло-русыми, длинными и густыми. Глаза у меня большие и цвет меняют в зависимости от настроения и освещения. То серые, то голубые, то зеленые. Да и фигура не предел мечтаний: средний рост и средний вес. Словом, обычная.

– Спасибо, – протянула я и поднялась с кровати, – а ты кто? Мой тюремщик?

– Тюремщик? – воскликнул он, – что ты, нет! Я ученик хранителя. По правде говоря, мне нельзя здесь находиться. Но весть о том, что в цитадели находится человек из другого мира, всех взбудоражила. Мне не терпелось взглянуть на тебя. Ты выглядишь, как мы.

Он казался разочарованным. Я усмехнулась.

– Ты ожидал увидеть у меня три головы? Или что-то в этом духе? – спросила я.

Галвин прошелся по комнате и прикоснулся к стенам.

– Ну, одежда у тебя точно странная, – ответил он и улыбнулся, – я ожидал какой-то иной ауры от тебя. Но ты... Такая же, как мы.

– Приятно слышать, – сказала я и села на табурет, – зачем же тогда держать взаперти такую же, как вы? Почему я здесь, не скажешь?

Я очень пыталась сохранить дружелюбный тон, Галвин-то не был виноват в моем заточении.

Он подошел к двери и виновато улыбнулся.

– Извини, я не могу ответить. Мне не то, чтобы разговаривать с тобой, мне здесь находиться запрещено.

– Хотя бы скажи, что это за место и кому принадлежит? Кто такой хранитель?

Он остановился и присел на табурет.

– Ты в Цитадели света. Это самое легендарное и защищенное место в мире, а хранитель стоит во главе цитадели. Он...

Дверь с громким скрипом распахнулась, и в камеру вбежал тонкий мальчишка, держа в руках поднос. Следом за ним вошел угрюмый мужчина. Галвин замолчал на полуслове и смущенно улыбнулся.

– Ну вот, – прошептал он, – незамеченным пройти сюда не получилось. Как всегда.

Он кивнул мужчине и пулей вылетел из камеры.

Мальчик, упорно стараясь не глазеть на меня, водрузил поднос на стол и вышел.

Мужчина остался. Он сразу напугал меня. Лицо изрезано глубокими морщинами, глаза бесцветные и пустые. Пугающие. Он окинул меня презрительным взглядом и сел на табурет.

Из-за пояса он вынул кинжал с черным лезвием и вонзил в столешницу. Несколько секунд я зачарованно глядела на подрагивающий кинжал, а затем медленно опустилась на кровать.

Мужчина мельком взглянул на меня и кинул на стол лист бумаги и перо.

– Итак, – резко, без приветствия, начал он, – как твое имя?

– Елизавета, – сказала я, переводя взгляд на кинжал. Он все еще подрагивал, что противоречило всем законам природы. Этот кинжал чем-то напоминал маятник.

– В какой провинции Эбергарда ты родилась?

Я молчала, глядя на него с недоумением.

– Я не совсем понимаю вас, – ответила я.

Раздался легкий скрип. Перо, небрежно брошенное на стол, взвилось в воздух и быстро чиркало по бумаге.

– Так, значит, ты родилась за пределами Эбергарда? – резко сказал мужчина, – назови место, где ты родилась.

Перо дописало предложение и зависло в воздухе. Кинжал монотонно дрожал. Мне стало не по себе. Это же допрос, поняла я, но какой-то жуткий и странный.

– Я родилась в Саратове, – тихо сказала я, – это в России.

Перо быстро записало мои слова. Мужчина неодобрительно хмыкнул.

– И где же находится это место? На карте сможешь показать?

– Что-то я не вижу здесь карты, – буркнула я и демонстративно обвела комнату взглядом.

– Объясни на словах, в какой части света оно находится? За Вечным морем или за Красными горами? Или, может, в великой пустыне Рафи?

Он думает, что я родилась в их мире, поняла я.

– Мне не знакомы эти названия.

Мужчина несколько секунд молчал, глядя на подрагивающий кинжал.

– Где твоя метка? – сказал он.

Я шумно вдохнула и выдохнула.

– Я не знаю, что это. Никакой метки у меня нет. Послушайте, вы меня так допрашиваете, будто я сделала что-то плохое! А я вообще ничего не понимаю, где нахожусь, как сюда попала...

– Так, значит, ты из другого мира? – флегматично перебил меня он.

Он напоминал бездушную машину. Я кивнула.

– И как ты попала в наш мир? Магических сил у тебя для этого нет.

Я прикусила губу от приближающегося отчаянья.

– Я уже говорила! Я не помню! Сначала я была дома, а потом оказалась в лесу. Может, вместо того, чтобы допрашивать, вы поможете мне вернуться в мой мир?

Мужчина сощурился.

– Так тебе помог кто-то? – произнес он тем же флегматичным тоном, поглядывая на дрожащий кинжал, – кто-то провел тебя в наш мир? Кто это сделал? Назови имя, и мы поможем тебе, – его голос стал обманчиво вкрадчивым, – найдем его, и он вернет тебя в твой мир. Так кто же привел тебя? Имя.

Повисла долгая пауза. Перо замерло над бумагой. Мужчина выжидающе глядел на меня. Кинжал по-прежнему дрожал. Я выдохнула.

– Я не знаю, – тихо ответила я.

Кинжал резко замер, а перо упало на стол. Мужчина подскочил с табурета.

– Лжешь, – прошипел он, – ты лжешь. Ты знаешь, кто привел тебя. Видишь этот кинжал? Он знает, где правда, а где ложь. Назови имя!

Последнее слово он проревел.

– Я не помню! – крикнула я, – Не помню! Ничего не помню! Я просто хочу домой!

Тишина. Кинжал снова стал колебаться из стороны в сторону. Мужчина мельком взглянул на него, и его взгляд снова стал флегматичным и пустым.

– Ты не помнишь, – сказал он, – и это истина. Значит, истина и то, что ты из другого мира. Так? Ты действительно из другого мира?

– Вы уже спрашивали, – устало ответила я, – да, это так. И в моем мире так с людьми не обращаются.

Мужчина хмыкнул.

– Для чего ты оказалась здесь? В чем цель твоего перемещения?

Я спрятала усмешку. Мне и самой хотелось знать.

– Не знаю.

– Какие твои дальнейшие планы?

Его вопрос поставил меня в тупик. Столько всего произошло, что четких планов у меня пока не было, я пыталась прийти в себя и осознать, что не сошла с ума.

– Конкретных планов у меня нет, – ответила я, – пожалуй, обрести свободу и найти возможность вернуться домой. Это все.

Мужчина молчал, изучая меня. Кинжал успокаивающе дрожал.

– И это истина. Строишь ли ты какие-то планы против короля Торланна, его королевства и подданных?

Я не сдержалась и фыркнула. Серьезно? Они полагают, что я на такое способна?

– Конечно же, нет! – воскликнула я, – я даже не знала, как зовут вашего короля, не говоря уж о большем.

Кинжал дрожал.

– На этом пока все, – сказал мужчина и вырвал из столешницы кинжал, – на столе твоей обед.

Перо само залетело к нему куда-то в карман, а бумагу он аккуратно сложил и молча вышел.

На подносе были ломоть хлеба и кувшин с водой – настоящая роскошь после суток голодания. По крайней мере, меня не заморят здесь голодом, что уже радовало. Я жадно съела все без остатка, умыла лицо ледяной водой, и жизнь стала казаться чуть светлее.

В конце концов, я была жива. А, значит, еще есть шанс.

Глава 3

Следующие дни прошли как в туманном сне. Я спала, я ела то, что мне приносили. Часами смотрела в окно на меняющееся небо. Пела вслух песни, чтобы как-то успокоить нервы и делала легкую гимнастику, чтобы унять бессильную злость.

Больше с допросами никто не приходил. Я даже жалела об этом. Какое-никакое разнообразие в этом унылом месте. Когда песни и физические упражнения не помогали, я начинала молотить кулаками по двери и кричать, чтобы меня выпустили. Требовала, чтобы мне дали ответы на мои вопросы и кричала еще что-то про свои права... Меня всегда игнорировали. Никто не подходил к двери, даже если я выкрикивала проклятия и оскорбления.

Я была грязная, полуголодная и злая. Я мечтала о горячей ванне и сытном ужине. О своей теплой постели. Но больше всего о свободе.

Однажды, когда я в очередной раз молотила по двери, она неожиданно распахнулась, и в комнату вошел Моран.

Я не ожидала увидеть его. На этот раз он был одет во все черное, что придавало ему большей мрачности. Выражение лица было спокойным и непроницаемым. Он казался непоколебимым как скала.

Моран беглым взглядом окинул мою камеру и нахмурился. Сделав два шага к узкому окну, он что-то беззвучно произнес и начертил в воздухе какой-то знак.

В окно влетел огромный ворон и сел мужчине на плечо. Моран что-то шепнул ему. Ворон раздраженно каркнул и вылетел.

Все это время я зачарованно наблюдала за ним.

– Мне жаль, что тебе пришлось провести некоторое время здесь, – с выдохом сказал Моран, сел на табурет и вперился в меня ледяным, завораживающим взглядом.

Я тоже робко села на край кровати.

– Спасибо, конечно, за сочувствие, – сказала я с сарказмом, – но мне бы хотелось знать, за что я здесь. Почему меня держат как преступницу? Где я? Что это за место? Меня убьют?

Все это я выпалила на одном дыхании. Последний вопрос волновал меня больше всего. Моран сверкнул глазами.

– Нет, пока ты здесь, тебя не убьют, – медленно произнес Моран, – ты находишься в Цитадели света. Это главный оплот магии и мудрости. А также самая надёжная тюрьма. Цитадель света расположена на территории королевства Эбергард, но не принадлежит ему. Короля Торланна и его советника Пролана ты уже видела. Король и его советник считают, что ты представляешь опасность. Это одна из причин, почему ты здесь.

– Какую опасность я могу представлять? – воскликнула я, – я из другого мира и хочу только одного – вернуться домой! Могли бы и гостеприимство проявить, а не обращаться со мной, как с преступницей. В этой камере только крыс не хватает для полноты картины!

Моран внимательно, изучающе смотрел на меня. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Равнодушный и холодный. Отчего-то это еще сильнее разозлило меня. От досады я сдула выбившуюся на глаза прядь.

– Видишь ли, – сказал он спокойно, – все не так просто. Преступница ты или нет, еще предстоит выяснить. У тебя нет метки, и ты утверждаешь, что прибыла из другого мира. Этого достаточно, чтобы некоторые при дворе короля Торланна считали тебя опасной.

– Что за метка? – спросила я, – что это такое?

– Метка дается каждому с рождения. Невидимая обычному взору, она показывает, где человек родился, какими способностями обладает, есть ли у него искра и так далее. Метку практически невозможно удалить, а те немногие, кому удавалось сделать это, были отъявленными мерзавцами и преступниками. Честному человеку нет нужды удалять метку.

Я нахмурилась.

– Ну и что с того? Я и не удаляла ее. У меня нет метки, потому что я родилась в другом мире, это же очевидно. Почему бы вам просто не отправить меня назад, с помощью вашей магии? – сказала я.

Сердце мое отчего-то бешено билось, и стоило больших трудов скрыть свое волнение.

Моран откинулся назад и оперся спиной о стену.

– Если ты действительно из другого мира, то возникает еще больше вопросов. Как ты попала сюда? – сказал он, – искры, то есть магических способностей, у тебя нет и в зачатке, я это понял еще во дворце короля. А для того, чтобы пересечь границу миров и остаться при этом в живых, надо иметь колоссальные силы. Но у тебя их нет, значит, кто-то помог тебе. Мы хотим выяснить правду. Или ты удалила метку или кто-то привел тебя. Кто?

Он испытующе посмотрел на меня.

– Я не знаю, я уже говорила об этом! Я ничего не помню!

Моран встал и прошелся по камере, подошел к окну. Раздался тихий шелест, и в окно влетел ворон, в клюве он держал крохотный сверток. Моран взял сверток из клюва, бегло прочитал и убрал в складки плаща. Он почесал ворона по голове, а птица, издав странный утробный звук, села ему на плечо и посмотрела на меня. Глаза ворона ярко сияли синим пламенем.

Мужчина и ворон уставились на меня. Их взгляды были в чем-то похожи: внимательные, холодные и заораживающие.

– Скажи мне, что ты помнишь? – произнес Моран.

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох-выдох. Меня тревожил этот человек, и его ворон тоже. Чувствовала себя глупо.

– Помню, – тихо сказала я, не открывая глаз, – что была дома, у себя на кухне. Я завтракала... А дальше мои воспоминания обрываются, словно... словно их вырезали из моей памяти. Через мгновение я уже оказалась в том лесу. Такое ощущение, что я уснула дома, а проснулась уже здесь, в вашем мире.

Хотела бы я вспомнить, как оказалась в этом мире. Казалось, что именно в этом кроются все ответы, в том числе и тот, как спастись.

Но увы.

– Ты кричала, так? – голос Морана был на удивление успокаивающим.

Мои веки дрогнули, но глаза я так и не открыла.

– Да, – сказала я чуть тише, – кричала, что я в другом мире.

– Откуда ты знала это? Как поняла? – его интонация стала чуть настойчивее.

Я распахнула веки. Моран неподвижно сидел и внимательно смотрел на меня. Изучал.

– Не знаю, я просто была уверена, вот и все. Да и к тому же рядом летали существа, которых в моем мире просто быть не может. Все здесь выглядит иначе. Это чувствуется.

Моран снова сел на табурет. Его ворон пронзительно смотрел на меня. Не у каждого человека такой осмысленный взгляд, как у этой птицы.

– Твой мир сильно отличается от нашего?

– Да.

– Какая магия там преобладает? – Моран скрестил пальцы рук. Пальцы у него были длинные, и я на несколько секунд зависла, глядя на его ладони. Черт знает что творилось со мной в присутствии этого человека. Он меня и успокаивал, и волновал одновременно.

«Наверное, так влияет его магия на меня», – подумала я, а вслух сказала:

– В нашем мире нет магии. Вообще. Есть наука, технический прогресс и ни капли волшебства.

Моран хмыкнул и некоторое время молчал. У меня было к нему много вопросов, но отчего-то я робела и тоже хранила молчание.

– Твоя семья, наверное, очень волнуется, – неожиданно произнес он, – кто ждет тебя дома?

– Никто. У меня нет семьи, – сухо ответила я и отвернулась к окну. Разговаривать об этом не хотелось. Жаль, что нельзя превратиться в птицу и улететь куда-нибудь.

Моран нахмурился и задумчиво потер подбородок.

«Он слишком много хмурится», – пронеслось в моей голове, и я удивилась этой мысли. Внезапно стало интересно, какая у него улыбка.

– Мне очень жаль.

Я удивленно заморгала.

– Спасибо, – сказала я и слабо улыбнулась, – хоть кто-то сказал мне доброе слово в этом мире. Как долго меня будут держать здесь?

– До тех пор, пока мы не выясним все обстоятельства, до тех пор, пока не узнаем истину, – медленно произнес Моран, задумчиво стуча по столу пальцами, – пока это все, что я могу сказать тебе.

Я хотела спросить, про то, что будет потом, когда все выяснится, но внезапно произнесла совсем другое:

– Кто такой хранитель? Кажется, он главный и его все боятся.

Глаза Морана сверкнули веселой искоркой, но он ответил тем же серьезным тоном:

– Его боятся далеко не все. Хранитель – тот, кто охраняет и возглавляет Цитадель света и все, что она собой олицетворяет. Хранитель отмечен светом высших. С помощью магической силы и знаний он защищает мир от хаоса и тьмы. И этот человек – я.

Я застыла. В груди что-то замерло и, с громким ударом сердца, перевернулось. Моя интуиция затрепетала подобно птице в клетке. В глазах потемнело. И где-то на задворках сознания чей-то голос произнес: «Опасайся его. Опасайся хранителя».

Я встряхнула головой, желая отогнать эти странные мысли. Видимо, сказывалось пребывание взаперти.

– О, – неуверенно произнесла я, – так, значит, это тебя я должна благодарить за столь гостеприимный прием.

Я обвела красноречивым взглядом тесную камеру и почувствовала на себе пристальный взгляд Морана. В его ледяных глазах угадывалось что-то вроде любопытства. Так смотрят орнитологи на птиц. Или натуралисты на бабочек.

Он изучает меня, поняла я, и мне стало не по себе.

Неожиданно Моран приблизился ко мне настолько близко, что я почувствовала его дыхание. Он внимательно смотрел мне в глаза и слегка нахмурился.

– Странно, – задумчиво произнес он, – в первую встречу мне показалось, что у тебя серые глаза. Но сейчас они темно-зеленые...

Меня накрыла очередная волна предчувствия. Дурного предчувствия. Перехватило дыхание.

– Не показалось, – тихо ответила я, – это у меня с рождения. Глаза меняют цвет в зависимости от настроения или освещения. Бабушка шутила, что у меня глаза-хамелеоны.

Вспомнив бабулю, я загрустила. Именно ее чаще всего не хватало. А сейчас особенно.

Моран шумно выдохнул и отошел от меня.

– В моем мире это верный признак искры, – произнес он, – и все же никаких магических сил в тебе нет. Это странно.

Он переглянулся с вороном. Я вообще очень сомневалась, что этот ворон – просто птица. Он выглядел мудрым и немного пугающим.

Я пожала плечами. Жаль, что у меня нет этой пресловутой искры. Было бы легче, наверное, сбежать.

– Но я не из вашего мира, – с нажимом сказала я. – Может, для вашего мира это странно, а для моего – норма. Просто физиологическая особенность и не более.

– Слишком много странностей, – задумчиво произнес Моран и посмотрел на ворона. Тот едва заметно кивнул, – да. Пора.

Последние слова были сказаны ворону. Моран развернулся и подошел к двери, которая все это время была распахнутой.

– Ты права, – сказал он, обернувшись, – мы не проявили к тебе должного гостеприимства. Пора это исправить.

Он уже было отвернулся, но я громко окликнула его.

– Моран! А ты можешь вернуть меня домой, в мой мир?

Я с надеждой смотрела на его широкую спину.

– Нет.

Он развернулся и вышел за дверь, оставив ее широко открытой.

Не успел выйти Моран, как в камеру ворвался Галвин, довольный как кот, объевшийся сметаны.

– Лиза, – воскликнул он и указал рукой на выход, – идем! Мне велено отвести тебя в другие покои.

Он перешел на сбивчивый шепот.

– Ох, что сейчас творится в Цитадели! Хранитель только вернулся из заграничной поездки и страшно зол. Представляешь, оказывается, его прислужники неверно поняли и заперли тебя здесь, в этой жуткой камере. А должны были поселить в другом месте. Там тебе понравится больше, – он широко улыбнулся, – а еще он узнал, что я проник к тебе. Разумеется, узнал, он же хранитель! И отправил именно меня проводить тебя в комнату. А я так боялся, что меня накажут за это. Так, иди за мной и ничего не бойся!

Я слушала его рассказ с улыбкой. Такой милый юноша. И принес мне первую хорошую новость. Гляди, все скоро и наладится.

Мы долго петляли по бесконечным коридорам, проходили через десятки дверей. И, наконец, вышли в просторный светлый зал, в каждой стене которого было по две двери. Галвин объяснил, что во многих залах испокон веков именно восемь дверей, либо восемь окон. А крепостные стены, как и камень, из которого сложены башенки и дворец, пропитаны магией.

«Восемь – сакральное число», – многозначительно сказал он, проведя меня через одну из дверей.

Масштабы Цитадели поражали воображение. Это был не просто пресловутый замок с хозяйственными постройками, нет! Больше Цитадель напоминала небольшой такой городок.

Пока мы шли, Галвин вполголоса рассказал, что Цитадель света была построена в далекие времена, еще до того, как образовались многие нынешние королевства. Она стала средоточием магии и мудрости. А также защитой от хаоса, пришествие которого предсказывали многие пророки.

– Первый Хранитель Цитадели, – говорил он, – был выбран на собрании магов и королей десяти государств. Им стал глубокий старец, мудрый и обладавший сильной искрой высших. Сейчас мы это называем просто магией. Он исполнял предначертанное еще долгие годы, пока... А, вот мы и пришли!

Галвин распахнул передо мной дверь и провел в комнату. Она была определенно лучше той камеры, в которой меня держали. Никакой соломы на полу. Высокие арочные окна, увитые растениями. Стены и пол каменные, не грязно-коричневые, а гладкие и светло-серые. Широкая кровать, массивный стол и стул с изящными подлокотниками. Вместо огарка свечи – лампы в изогнутых подставках. И завершали всю эту дивную обстановку узкий шкаф да овальное зеркало. Зеркало! Я боялась даже мельком взглянуть в него – столько времени без ванны и расчески.

Галвин словно прочел мои мысли и произнес, подведя к еще одной двери:

– Это тебе должно понравиться, – он распахнул дверь и пропустил меня внутрь.

Это была ванная комната! Но вовсе не такая, к какой я привыкла в своем мире. В центре размещалась круглая купель, покрытая мрамором и разноцветными камнями. Из кранов была вода. На металлических крючках – хлопковые полотна. На низеньком столике – стеклянные флакончики и бутылки.

– Чудеса-а-а-а... – восторженно произнесла я и повернулась к Галвину, – а с чего вдруг такая честь мне?

– А почему нет? – ответил он, – да, кстати! Тебе следует переодеться. Женщины в нашем мире не носят мужскую одежду. Это считается верхом неприличия. Я, конечно, ничего против не имею, но многие в Цитадели возмущены твоим видом. В шкафу ты найдешь все необходимое, – он улыбнулся самой обаятельной улыбкой, – я тебя оставлю. Думаю, тебе не терпится принять ванну, – он понизил голос до шепота и весело добавил, – да и не помешало бы!

Ванну я принимала, пожалуй, несколько часов.

После мытья я обнаружила в шкафу одежду, неброскую и простую. Примерила светло-серое платье из незнакомой мне ткани, тонкой, но при этом плотной. Оно было с длинными рукавами, глухим воротом и струящейся юбкой.

К вечеру мне принесли ужин, на этот раз разнообразнее и сытнее. Дверь теперь никто не запирает. Я приступила к еде, когда вошел Галвин и попросил присоединиться к трапезе. Конечно же, я согласилась. Пока он был единственным, кто относился ко мне как к нормальному человеку.

Некоторое время мы ели молча.

– Галвин, – сказала я с улыбкой, – расскажи про ваш мир. Все-таки я совсем ничего не знаю про место, куда попала. Это будет справедливо, правда? Расскажи про ваше королевство, про короля. Про хранителя...

На последних словах я отчего-то глупо покраснела.

Галвин кивнул, сделал глубокий глоток воды и произнес:

– Наше королевство называется Эбергард. Как гласит легенда, Эбергард был основан тремя братьями, которые пришли сюда из далеких земель, что за Чистыми горами. Один из братьев был великим магом, второй – сильным воином, а третий – мудрецом. Магия, сила и мудрость – вот три основы, на которых держится наше государство. Наш нынешний король, Торланн, происходит от самих основателей королевства. Как и его предки, он мудр и силен, магия же теперь доступна не каждому. Я читал, что давным-давно почти все люди обладали магией, даром высших. Но со временем этот дар стал вырождаться, – он замолчал и задумчиво взглянул в окно, – но что-то я отвлекся... Эбергард – одно из десяти древних государств, которое принимало участие в первом собрании при выборе Хранителя Цитадели. И хотя Цитадель света и находится на территории Эбергард, она не принадлежит ни ему, ни какому другому королевству. Здесь действуют свои законы. Короли и вожди часто советуются с Хранителем, он принимает участие во многих важных делах мира и оберегает людей от приспешников хаоса и тьмы. Сохранение мира – одна из его обязанностей.

– Складывается впечатление, что Хранитель всемогущ, – пробормотала я.

– Нет, Хранитель не всемогущ, – ответил Галвин, – но в Хранители всегда выбирают того, чья искра сильна и ослепительна. Всю свою жизнь Хранитель посвящает Цитадели света, служению миру и борьбе со злом. Каждый из хранителей привносил что-то новое, открывал новые законы магии и пополнял библиотеку. Моран увеличил библиотеку уже на треть. Ему легко удается находить древние книги по всему миру. Он сам много пишет и читает, – он улыбнулся, – иногда мне кажется, что он никогда не спит.

Галвин говорил с искренним восхищением.

– Ты говорил, что являешься его учеником, – сказала я, – значит, что ты тоже когда-нибудь станешь Хранителем?

– Это значит лишь то, что моя искра достаточно яркая, чтобы меня мог обучать сам Хранитель. Во мне много магической силы, так говорят, по крайней мере. Но я ее пока слабо ощущаю и не всегда могу ею управлять. Конечно, есть вероятность, что когда-нибудь я мог бы стать следующим Хранителем. Но я не уверен, что хочу этого. И никогда не хотел.

– Почему?

– Это тяжелое бремя, – вздохнул он, – жизнь того, чье имя было названо как имя нового Хранителя, навсегда меняется. Отныне он должен служить всему миру и блюсти законы Цитадели, света и магического мира. Он навсегда покидает родной дом и не может завести семью. Цитадель становится его спутницей жизни, а накопленные знания и деяния – детьми. Тот, кто становится Хранителем, дает много клятв и обетов, один из которых – не иметь семьи и никогда не связывать себя любовными узами.

– О... – неопределенно протянула я, и на миг меня коснулась неясная тоска. Но только на миг.

Наш разговор прервал ворон, который принес какое-то послание Галвину. Он тут же ушел.

Я же легла спать и впервые за долгое время выспалась.

Глава 4

Следующие дни принесли много изменений. Теперь у меня была комфортная комната, ванная с постоянно журчащей водой, даже гардероб с добротной одеждой.

Мне позволили выходить из своей комнаты и гулять по территории Цитадели. Правда, для меня был закрыт доступ в два места: в библиотеку, куда я страстно желала попасть, как только узнала о ее существовании, и в крыло, которое принадлежало Хранителю

Тревога, то смутная, то отчаянно-острая не покидала меня. Ответов, как и воспоминаний, у меня не появлялось. А вопросов становилось все больше. Меня волновало, что я ничего не помню о том, как попала в этот не дружелюбный мир. Волновало, как вернуться домой. Волновало мое туманное будущее.

Хуже всего было то, что я ничего не могла поделать. Ничего! Громадная территория Цитадели незримо охранялась. Да и куда мне было бежать – не зная ни мира, ни его обычаев, ничего! Мое вынужденное бездействие нервировало. Я хотела заняться хоть чем-то, желательно тем, что будет как-то связано с моим волшебным спасением. Хотя на волшебство я, конечно, особо не надеялась.

Ничего не оставалось, как бесцельно слоняться по комнате, по саду, да по пустым коридорам. Если изредка там встречались ученики хранителя, то они тут же разбегались при виде меня. Словно я их чем-то пугала.

Единственным человеком, кто не избегал меня, был Галвин. Более улыбчивого и оптимистичного парня я не встречала. Он часто улучал минутку, чтобы поздороваться и перекинуться парой слов. Не думаю, что я была интересна ему, как девушка. Скорее, как инопланетянка.

Однажды на закате пришел Моран. Я уплетала свой ужин, глядя в широкое окно на яркое лиловое небо. Когда он бесшумно вошел в комнату, я чуть не поперхнулась. Его приход стал для меня полной неожиданностью. Еще большей неожиданностью была мысль, что я рада его видеть.

Видимо, это было написано на моем лице, потому что Моран едва заметно улыбнулся и вместо приветствия пожелал приятного аппетита. Хотя аппетит у меня пропал напрочь.

– Я бы хотел побеседовать с тобой. Расскажи мне о своем мире, – сказал он, садясь в кресло.

– Что именно тебя интересует?

Глаза Морана ярко сверкнули, на мгновение я увидела свое отражение в больших зрачках.

– Все, – спокойным и беспристрастным тоном ответил он, – меня интересует все.

Я задумалась, устремив взгляд за горизонт. С чего начать? С названия планеты? Со страны, в которой жила? С описания людей и нравов, с истории?

– Мой мир отличается от твоего, – вздохнув, ответила я и перевела взгляд на Морана, – и в то же время между ними есть много общего. Там, где я жила, нет королей, хранителей и невидимых меток. Там нет магии и крепостей. Там не запирают человека без причины. У нас это противозаконно...

На этих словах Моран хмыкнул, но ничего не сказал. Он лишь чуть подался вперед, переплетая длинные пальцы у подбородка.

– В моем мире больше свободы, – неуверенно продолжила я, – женщины и мужчины равны. Женщины часто занимаются мужскими занятиями.

Я замолчала, не зная, что говорить дальше. Продолжать можно было бесконечно: начиная от истории, заканчивая достижениями в науке. Но что-то мне подсказывало, что Морана интересует другое.

Хранитель пристально смотрел на меня, изучая. Подался чуть вперед и тихим, но уверенным голосом произнес:

– А кем была ты? Кем ты была в своем мире без магии, где женщины выполняют мужскую работу?

Никем.

Это первое, что пришло на ум. Конечно, этого я не сказала. А кем я была там? Здесь я пленница, но и там свободной себя не чувствовала, хотя и наплела хранителю о свободе. Меня всегда мучало чувство некой раздвоенности. Словно во мне не хватает важной детали, частицы чего-то важного, что делает людей цельными.

Моран по-прежнему пронзал меня своим ледяным взглядом. Не выдержав, я отвела глаза и подошла к окну. Солнце почти село, и в углах комнаты сгустились тени.

– Я просто жила, – тихо ответила я, стараясь придать голосу уверенности, – работала. К чему-то стремилась...

– Но кем ты была? – нетерпеливо перебил меня Моран.

Его вопрос поставил меня в тупик. Я обернулась и взглянула на него. Его глаза ярко блестели в полумраке, а я рассеянно подумала, почему еще не горят свечи в комнате.

– С собой, – ответила я, пожав плечами.

Женщиной, которая посещала психолога. А последние месяцы пила антидепрессанты. Вот кем я была на самом деле – не собой. Но говорить этого хранителю я не стала. Да и депрессия моя казалась теперь какой-то блеклой и незначительной на фоне последних событий. Глупой даже.

– Твои глаза изменили цвет, – задумчиво произнес Моран. – Уже в третий раз за вечер. И как он это заметил в таких-то сумерках? И почему не горят свечи и лампы?

Я молчала. Хранитель встал с кресла и едва махнул рукой. Тут же вспыхнули свечи и загорелись настенные лампы. Словно мысли мои прочитал.

– И все же меня интересует, – твердо сказал он через минуту молчания, – чем ты занималась в своем мире, кто были твои друзья, как проходили твои последние дни, до того, как ты попала сюда.

– Так все-таки ты веришь, что я из другого мира?

Моран не ответил на мой вопрос и подошел ко мне, взглянув в окно на темное небо.

– В твоём мире такое же небо? – спросил он, не глядя на меня, – такие же деревья и звезды?

Я с удивлением посмотрела на него. Сейчас в нем было мало от высокомерного и могущественного мага, больше он походил на обычного мужчину. Эта мысль внезапно смутила меня, и я тут же отвернулась от него.

Несколько секунд мы молчали, глядя, как на темно-лиловом небе загораются звезды. Наши плечи почти соприкасались, и на миг мне показалось, что мы уже много лет знакомы. Но только на миг.

– Не такое красивое, – прошептала я, не глядя на него, – и звезд ночью почти не видно. По крайней мере, там, где я жила. Думаю, ты очень счастливый, что каждую ночь можешь видеть всю эту красоту.

Моран резко повернулся и посмотрел мне в глаза. В его взгляде промелькнуло нечто такое, отчего у меня екнуло в груди.

– Ты должна вспомнить, как попала сюда, – отрывисто произнес он, – а я должен помочь тебе.

Он подошел к двери и обернулся.

– И в твоём мире есть магия, Елизавета. Иначе бы в наш мир ты никак не попала. А теперь следуй за мной.

Он повернулся и вышел из комнаты, а мне ничего не оставалось, как идти за ним следом. После молчаливого шествия по темным коридорам и пустынным залам, мы оказались на улице, на заднем дворе. Уже стемнело. Из сада доносился стрекот сверчков. Откуда-то выбежала одна из живущих здесь собак и залаяла.

– Тихо! – ласково сказала я, повернувшись к собаке, – тс-с-с! Тише, глупенькая, ты же всех разбудишь!

Собака тут же замолчала и лизнула мою руку. Моран удивленно посмотрел на меня.

– Это привычка с детства, – ответила я на его безмолвный вопрос, – меня этому научила бабушка. Она говорила, что животные чувствуют настроение людей. Надо им только показать, что ты не злодей, – я встретилась с ним взглядом и замялась, – ну ... что-то вроде того... Неважно... Так куда мы идем?

Моран прищурился и изучающе смотрел то на меня, то на собаку, ни говоря ни слова.

– Любопытно, – вымолвил он, наконец.

– И что же здесь любопытного?

Моран ничего не ответил. Вместо этого он стал чертить посохом на земле непонятные символы, которые тут же загорались ярко-синим светом. Струящиеся полоски света образовывали прозрачную сферу вокруг Хранителя. Он жестом пригласил войти меня в круг и коснулся моего плеча.

Я зажмурилась. А когда открыла глаза, мы были уже в другом месте. Нас окружали многовековые деревья, чьи корявые ветки, словно руки, тянулись к небу, усеянному миллионами звезд. Ноги щекотала густая трава и дикие цветы. Вдалеке пару раз ухнула сова. Рядом в кустах пробежало какое-то животное. Возможно, белка. Мы были в лесу. В темном и дремучем, как в детских сказках, что читала мне на ночь бабушка.

– Почему мы здесь? – спросила я.

– Потому, что ты попала в наш мир неподалеку от этого леса. Мы должны найти именно то место, где граница была пересечена.

– Но я не уверена, что узнаю его. К тому же, здесь темно.

– Ты его почувствуешь, – сказал Моран, – идем! Держись за мою руку, ты можешь упасть или, хуже того, попасть в ловушку для крарков.

– Кто такие крарки?

– Лесные вредители. Истребляют мелкий скот, питаются их кровью. Некоторые могут напасть человека. Ну же, идем!

Он протянул ладонь, и я крепко вцепилась в нее обеими руками. Его ладонь была твердой и теплой. Надо же, а я думала, она такая же ледяная, как и его глаза...

Моран шел так быстро, что я еле поспевала за ним. Несколько раз спотыкалась об огромные корни деревьев, что торчали из земли. Пару раз чуть не упала.

– Нельзя ли немного помедленнее, – задыхаясь от быстрой ходьбы, сказала я ему в спину, – и почему нельзя было прийти сюда днем?

– Потому что днем я занимаюсь другими делами, – отрезал он.

Вскоре перед нами открылась небольшая поляна. Сотни светлячков кружили над нами. Словно яркие огни гирлянды, они освещали поляну и тихонько звенели. Вдали виднелись очертания низких построек с остроконечными крышами. Мы были неподалеку от какой-то деревни.

– Мы на месте. А теперь можешь закрыть глаза, – тихо сказал он и положил ладонь на мою голову.

Я повиновалась.

Перед закрытыми глазами закружились зеленые и желтые огни, исполняя странный танец. Тело пронзил сковывающий холод. Каждая жилка, каждая клеточка превратились в лед. Мне стало страшно. А затем резко все исчезло. Мягкое тепло растопило стужу внутри тела, и в груди засияло маленькое солнце.

Я открыла глаза и оглянулась. Морана нигде не было. Светлячки и очертания деревни исчезли. Я оказалась в другом месте. Здесь не было ни деревьев, ни травы, ни неба – ничего. И ни единого звука...

Я сделала робкий шаг вперед и ахнула. Воздух передо мной зашевелился и покрылся рябью, как вода при сильном ветре. Рябь сгущалась, воздух становился светлее и приобретал прямоугольные очертания.

«Это дверь, – поняла я, – дверь в воздухе».

Ее очертания светились в темноте, словно свет лился из щелей. Меня непреодолимо влекло к ней. Я шагнула вперед. Раздался громкий шелчок, яркая вспышка света ослепила меня.

Я зажмурилась, а когда вновь открыла глаза, то увидела, что стою в длинном черном коридоре. В коридоре из черного стекла. Оглянулась – двери, через которую я шагнула, уже не было. Впереди же, в сотнях метрах, виднелись очертания такой же двери в воздухе.

«Мне нужно туда», – мысленно сказала я себе и сделала шаг вперед. В этот момент тишину разрезали сотни голосов. Они шептали, пели, молили, кричали, смеялись и рыдали. Ужас овладел мной. Ужас, что я останусь навеки в этом черном месте. Превращусь в безликий голос.

И я побежала.

Из стен и пола за клубился черный туман. Он извивался у моих ног, из него появлялись прозрачные руки. Десятки рук! Они хватили за подол платья, за ноги и руки.

Голоса стали громче. Они умоляли меня. Они звали меня. Они требовали меня остаться. Я знала, что если упаду, то туман поглотит меня, а эти руки разорвут на части. Но я бежала. Дверь становилась все ближе, а голоса все громче.

Осталось десять метров... Восемь ... пять ... два метра...

Еще рывок...

Я подбежала к двери и остановилась. Голоса резко стихли, коридор погрузился в сон. Я шагнула вперед, ожидая, что окажусь дома. Как только моя нога пересекла порог двери, раздался оглушающий хохот. Он доносился отовсюду и даже в моей голове. Я закрыла уши руками и закричала, стараясь заглушить этот дьявольский смех в своей голове. Я кричала и кричала, из носа потекла кровь...

Чьи-то руки схватили меня, я стала отбиваться, по-прежнему не открывая глаз.

– Нет! Нет! Нет! – кричала я, смахивая с себя цепкие пальцы. Издалека гулким эхом раздался чей-то голос. Знакомый голос... Он звал меня.

– ...открой глаза, – еле слышно говорил он, – открой же глаза...

Я не хотела этого делать. Я была уверена: если открою глаза, обладатель жуткого смеха тут же отдаст меня во власть черного коридора и туманным рукам.

– ...открой глаза, – спокойно повторял голос, – это я. Моран.

Моран? Кто это? Моран! Это же... Я открыла глаза. Хранитель склонился надо мной с озабоченным видом. Я лежала на влажной земле, запрокинув руки. Я была на той же поляне. Вот только теперь занимался рассвет.

– Что... Что это было? – голос мой охрип от пронзительного и долгого крика, – это был проход в мой мир? Почему я снова здесь?

– Это был не проход. Это твои воспоминания о нем, но большая их часть до сих пор скрыта, – ответил он.

– Ты хотел выяснить, кто перевел меня через границу миров, ведь так? – сказала я, – но нам это не удалось. Я никого не видела. Только слышала смех. Страшный смех и жутко злой. А еще там были сотни рук, – меня передернуло от воспоминаний.

– Я видел это, – лаконично произнес Хранитель.

– Ты видел мои воспоминания? Как тебе это удалось?

– С помощью магии, конечно, – он нахмурился и задумчиво прошелся по поляне. – Много в твоей истории скрыто. Либо кто-то намеренно скрыл твои воспоминания о твоём перемещении сюда, либо это сделала ты сама. Коридор, через который ты прошла и попала в наш мир, не похож на обычную границу. Кто-то привел тебя сюда... необычным способом.

Он потер подбородок и пристально посмотрел на меня, словно пытаюсь увидеть меня насквозь.

Я сделала пару шагов и пошатнулась. Меня все еще била мелкая дрожь, а ноги не слушались.

– Ты еще слаба. Возвращение твоих воспоминаний заняло больше времени, чем я предполагал. Тебе надо набраться сил. Неподалеку деревня, там мы перекусим и вернемся в цитадель.

Мы уже подходили к деревне, когда заметили покосившуюся хижину из потемневшего от времени дерева. Окна были прикрыты ставнями, а дорога к дому поросла бурьяном. Если бы не дымок, что шел из маленькой трубы, я бы решила, что жилище давно заброшено.

– Это нам подойдет, – пробормотал Моран.

Я недоуменно посмотрела на него.

– Но почему? – спросила я, – разве не лучше пойти в деревню? Наверняка, там есть какой-нибудь трактир. В вашем мире ведь есть трактиры?

– Есть, – сухо ответил он, – но лучше, чтобы нас пока не видели.

Он подошел к хлипкой двери и постучал. Послышались шаркающие шаги, дверь отворилась, и перед нами предстала необъятная старая женщина. Она была высокой и круглой, седые волосы на лбу перехвачены цветастым платком. Женщина окинула нас цепким взглядом карих глаз и произнесла низким гортанным голосом:

– Чего вам?

– Приветствую, добрая женщина, – сказал Моран, – мы забрели сюда в поисках хорошей и сытной пищи. Не найдется ли у тебя чего-нибудь для нас? Я заплачу.

Старуха окинула его внимательным взглядом, затем посмотрела на меня. Она громко цокнула языком, и неожиданно ее губы растянулись в улыбке.

– Конечно-конечно, – сказала она, – проходите, добрые путники. У меня вот-вот будет готов пирог.

Мы вошли внутрь. Хижина на удивление оказалась просторной внутри. Стены, пол, потолок, незамысловатая мебель – все было сделано из дерева. В доме пахло молоком, свежей выпечкой и сухими травами, которые повсюду были развешаны небольшими связками.

Старуха предложила нам сесть за грубо сколоченный стол, а сама удалилась в другую комнату. Моран молчал и выглядел глубоко задумавшимся, я же, напротив, озиралась вокруг и жадно рассматривала обстановку. Здесь было темно, но при этом очень уютно.

«Я бы могла жить в подобном месте» – внезапно подумала я.

Женщина вернулась с широким подносом в руках. Она поставила перед нами кувшин с молоком, пару кружек, круглый хлеб и блюдо с тушеным мясом. Разлив молоко по кружкам и нарезав хлеб, старуха хитро сверкнула глазами и произнесла:

– Так что же привело самого Хранителя в дом простой травницы?

Кусок мяса застрял у меня в горле. Я закашлялась и изумленно взглянула на нее, а затем на Морана. Вид у него был совершенно невозмутимый.

– Меня привел голод, – спокойно ответил он и откусил большой кусок хлеба, – у тебя отличная стряпня, травница. Сколько ты хочешь за свое гостеприимство?

Старуха потеряла руками и засмеялась.

– Ах, Хранитель! От твоих слов мое сердце стынет. Всегда ли ты был таким? Мне не нужны деньги, в моем возрасте золото уже ничего не значит. В благодарность я прошу немно-

гого – беседы со старой одинокой женщиной, – с этими словами она ткнула на меня пухлым пальцем, – я хочу говорить с ней!

Я нервно хихикнула и посмотрела на Морана. Его лицо не выражало ровным счетом ничего, он все с тем же спокойным видом жевал пирог.

– Хорошо, – только и ответил он и громко отхлебнул из кружки, – я подожду на улице. Старуха расплылась в довольной улыбке.

– Конечно, – весело произнесла она, – но после я бы хотела и с тобой побеседовать. Разве ты откажешь старой женщине в такой скромной просьбе?

Моран кивнул, не торопясь доел свою порцию и вышел из дома. Старуха дождалась, пока за ним закроется дверь и после этого поднялась со стула и скрылась на кухне. Спустя некоторое время она вернулась, вновь неся поднос. Только на этот раз на нем были лишь три чашки.

– Я приготовила травяной чай, – пропела она, – ничто так не располагает к приятной беседе, как хороший чай. А уж я-то знаю толк в травах. Чай старой Мэнни известен на всю округу. Как тебя зовут, девочка?

– Лиза.

– Лиза... – задумчиво повторила Мэнни и нахмурилась, – выпей-ка чаю, Лиза.

Она протянула мне чашку. Я вдохнула аромат, и от пряного запаха закружилась голова. Я сделала робкий глоток. Вкусная смесь мелиссы, ромашки, чабреца и чего-то еще приятным теплом влилась в меня. Стало хорошо и легко. Старуха Мэнни смотрела на меня с довольной улыбкой.

– Пей, милая, пей! – сказала она, – Мэнни знает, что тебе сейчас нужно немного легкости и радости.

Я сделала еще глоток, и еще. В голове прояснилось, волна счастья накрыла меня. Я сделала еще пару глотков и засмеялась, глядя в темные глаза травницы Мэнни.

– Да, – продолжала она, – смейся, девочка, смейся... Ведь скоро тебе предстоит плакать. Трудные времена тебя ждут. Время обретений и время потерь. Время краткого счастья и время расплаты за него. Старая Мэнни все видит, – она перестала улыбаться и, хмуро глядя мне в глаза, добавила, – дай мне свою руку.

Я поставила чашку и протянула ладонь. Мэнни обхватила ее своими большими теплыми руками и закрыла глаза. Минут пять травница сидела неподвижно, лишь закрытые веки иногда вздрагивали. Она распахнула глаза и посмотрела на меня немигающим взглядом.

– Ты нездешняя, – медленно произнесла она, – ты из далекого края. Настолько далекого, что даже до луны ближе, чем до твоей земли.

Она поднесла мою руку к своему носу и шумно вдохнула. Мэнни обнюхивала мою кожу, как собака обнюхивает чьи-то следы. Я зачарованно следила за ней и не могла вымолвить ни слова. Травница провела пальцем по тыльной стороне ладони и пробормотала тихо, будто говорила с самой собой:

– Хм... Интересная кровь... Интересная... – затем, устремив на меня свой взор, твердо произнесла, – твои родители мертвы. Давно мертвы.

Я кивнула. Это правда. Они умерли, когда мне только-только исполнилось шестнадцать.

– У тебя есть враги. Видимый и невидимый. Скрытый и явный, – следующие слова она произнесла шепотом, – одного из них ты сможешь одолеть только когда откроешь глаза. Это причинит тебе боль.

В тот момент я плохо понимала смысл ее слов, но слушала внимательно, стараясь запомнить каждую сказанную фразу наизусть.

«Скрытый и явный, – повторяла я про себя, – открыть глаза».

– И запомни: ты никому не должна рассказывать о том, что я прочитала по твоей ладони и глазам. Это может навредить тебе.

Я ошеломленно кивнула, хотя и не понимала, чем мне может навредить это размытое предсказание, даже если я кому-то расскажу о нем.

– Ты сомневаешься, – прищурившись, произнесла Мэнни, – но я понимаю. Такова молодость. Но послушай-ка совета старой женщины. Молчи. Любое слово, сказанное тобой невзначай, может принести много бед. Поэтому держи язык за зубами, девочка. Особенно о том, что я поведала тебе.

– Хорошо, – прошептала я.

– Вот и славно, – уже веселым тоном произнесла травница, – боюсь, Хранитель там уже заскучал. Не дело это.

Мэнни с тихим стоном поднялась и вышла из комнаты. Я услышала, как скрипнула дверь, а через секунду старуха вернулась с Мораном. Он выглядел немного озадаченным.

Они сели за стол: Моран рядом со мной, старуха – напротив. Мэнни так же, как и мне, протянула Морану чашку с чаем. Я поднялась было, чтобы покинуть комнату, но травница схватила меня за руку и остановила.

– Останься, девочка. Негоже тебе одной бродить по местной дороге, – произнесла травница тихим, но властным тоном.

Я пожалала плечами и села на место. На самом деле, не особо-то и хотелось уходить. Очень уж интересно было, что она Морану предскажет.

Мэнни внимательно следила за Хранителем. После того, как он сделал несколько глотков, она начала говорить, обращаясь теперь к нему:

– Ты мудр и силен, Хранитель. Твоя искра высших чиста и ослепительна. О твоей проницательности ходят легенды. Но порой ты не видишь дальше собственного носа. Изменения уже начались...

Она протянула руку, чтобы взять его ладонь, но он опередил ее и схватил ее за руку первым.

– О чем ты говоришь? – резко спросил он, – что ты знаешь?

– Я знаю лишь то, что говорю, – невозмутимо ответила Мэнни, не выпуская руку, – а говорю я то, что вижу. Порой видения мои четкие и ясные, порой – размытые, словно в черном тумане, – от последних слов я вздрогнула.

– Продолжай, – сказал Моран.

– Нити уже переплетены, – шепотом произнесла травница, – плетется новый узор на полотне судьбе. Много нитей и жизней будут повязаны в нем. Это уже началось... Будь осторожен, Хранитель, – голос ее становился громче, – и будь зорким. Порой разума и глаз недостаточно, чтобы увидеть.

Моран внимательно слушал. Он накрыл своей ладонью ладонь старухи и тихо спросил:

– Видишь ли ты другие нити в узоре? Видишь ли ты их лица или имена?

Но Мэнни шумно втянула воздух и произнесла:

– Ты требуешь от меня слишком многого, Хранитель. Я сказала все, что увидела. А теперь выпей-ка еще чаю, – она придвинула ему чашку, – он прогонит дурные мысли и подарит благость. Даже самым прославленным магам порой требуется простые человеческие радости, – с этими словами она подмигнула ему.

Моран изучающе смотрел на нее, а после взял чашку в руки и стал пить чай медленными глотками. С каждым глотком лицо его смягчалось, морщинки на лбу разгладились, а губы растянулись в легкой улыбке.

– Ты тоже допивай свой чай, девочка, – обратилась Мэнни ко мне.

Я сделала большой глоток и блаженно улыбнулась. В тот момент мне казалось, что в мире нет ничего, кроме этой уютной кухоньки, пожилой травницы с ее волшебной стряпней, да Хранителя с ледяными глазами, которые, впрочем, теперь вовсе не были холодными. От них веяло теплом и светом, как и все вокруг. Я смотрела на Морана, на то, как он смакует

каждый глоток напитка и непроизвольно улыбалась. Моран поймал мой взгляд и улыбнулся теплой улыбкой.

Мэнни хитро поглядывала на нас и тихо посмеивалась. Так мы и сидели втроем за столом да пили чай. Травница принесла хрустящий пирог с малиной и взбитыми сливками, которые таяли во рту.

Ярко светило солнце, птицы всюду щебетали за окном. В воздухе пахло тихой радостью и уютом. Больше ничего необычного Мэнни не говорила, и мы непринужденно разговаривали о погоде, о том, что в этом году весна рано пришла, о том, будет ли год урожайным да какими целебными свойствами обладают листья ежевики.

Точнее, разговаривали Мэнни и Моран, я же слушала их с открытым ртом. Было так уютно и светло, словно я попала домой.

Но чай был выпит, а местные новости рассказаны. Настало время уходить. Старая травница проводила нас до дверей.

– Благодарю тебя, травница Мэнни, за теплый прием и хороший завтрак, – произнес Хранитель, – как еще я могу отплатить за твое гостеприимство?

Старуха ухмыльнулась и, указав на меня пальцем, тихо произнесла:

– Не причини ей вреда, – я удивленно посмотрела на нее, – вот еще одно, о чем я прошу тебя.

Ее слова несколько не удивили Хранителя. По крайней мере, лицо его оставалось абсолютно невозмутимым. Он молча кивнул в ответ. Мэнни, казалось, удовлетворил его кивок. Оба замолчали, не говоря больше ни слова. Но меня это не устраивало.

– Но почему? – не выдержала я, – почему вы говорите так?

Мэнни перевела на меня взгляд и ласково потрепала по щеке.

– Потому что ты такая же, как я. А теперь уходите. Легкой дороги!

Я открыла рот от изумления. Все слова прощания вылетели из головы. Я хотела остаться и еще поговорить с этой женщиной, но Моран уже взял меня за руку и вывел на заросшую тропу. Он шел вперед решительным шагом, я нехотя шла следом, постоянно оглядываясь на Мэнни, которая продолжала стоять на крыльце и смотреть нам вслед. Неожиданно она вскинула руку и прокричала:

– Ты еще придешь ко мне! Я буду ждать тебя, – и она скрылась из виду.

«Ты еще придешь ко мне». Эти слова были обращены мне. Я знала это.

– Моран, – сказала я, – что она имела в виду, когда говорила, что я такая же, как она?

– Возможно, она увидела в тебе дар травницы, – ответил он, замедлив шаг.

– Травницы? – удивилась я, – но я не разбираюсь в травах или в растениях, или в чем-то подобном. Меня никогда не привлекало ничего подобного. Она просто ошиблась.

– Мэнни никогда не ошибается, – с улыбкой ответил Моран, – уверен, что ты любишь деревья и лес. Тебя слушают собаки. А еще тебе понравилось в доме травницы.

– Как? Как ты узнал, что мне там понравилось? – спросила я с удивлением.

– На твоём лице все было написано, – ответил он.

– Да я же была сама серьезность! – воскликнула я и после минутного молчания добавила, – неужели это было так заметно?

Он с улыбкой кивнул. Настроение у него было явно хорошее. Видимо, еще волшебный чай травницы действовал.

– И часто на моем лице читаются мои эмоции? – спросила я.

– К сожалению, не всегда.

Я хмыкнула и некоторое время шла молча, наслаждаясь прохладной свежестью леса и ароматом диких цветов.

– Что тебе сказала травница? – прервал затянувшееся молчание Моран.

– Я не могу сказать тебе. Она запретила мне делать это. Но ничего нового я не узнала. Сплошные загадки, – ответила я.

– Это в духе провидицы, – с едва уловимой улыбкой произнес Моран.

– Так ты знал, кто именно живет в этой хижине? – осенило меня, – знал, кем является Мэнни?

– Возможно.

– Да ты хитрец! И ты не будешь допытываться, что она увидела и рассказала мне? – спросила я.

– Нет, – спокойно ответил Моран, – ее видения предназначались только для тебя одной.

Он удивил меня. Такого ответа я ожидала меньше всего. Я ничего не ответила, и мы молча продолжили путь по узкой дороге, все дальше ступая в лесную чащу.

– Кстати, почему мы не перемещаемся? – спросила я.

– Потому что иногда полезно просто прогуляться в прохладном лесу. Так почему бы не воспользоваться случаем? – он смотрел прямо мне в глаза и улыбался. В его глазах отражалось утреннее солнце, которое согревало меня до глубины души. Я улыбнулась и кивнула в ответ.

Мы неспешно шли по лесу в полном молчании. Я не знала, что на меня действует: чай ли травницы, или присутствие мага, но на душе вдруг стало спокойно и легко. Будто и не было впереди пугающей неизвестности. Будто и не было ни страхов, ни вопросов. Только легкость. Только лес. Только я и этот человек. Все больше и больше притягивающий меня, хотя признаваться себе в этом я не собиралась.

Глава 5

Солнце уже было в зените, когда мы переместились обратно в Цитадель и оказались в моей комнате. Некоторое время мы молча стояли друг напротив друга.

Что-то изменилось в нем. Взгляд стал иным. А мне до чертиков хотелось, чтобы он стоял вот так близко как можно дольше. Не нужно было ни слов, ни взглядов.

Меня это успокаивало. Я говорила себе, что это потому, что он Хранитель, это воздействие его магической силы и не более. Не более.

Шум и крики в коридоре заставили нас вздрогнуть и отпрянуть друг от друга.

– Хранитель! Хранитель! – голоса становились громче.

– Мне нужно идти, – тихо сказал Моран, – я...

Но он не закончил фразу. Нахмурился, щелкнул пальцами и растворился в воздухе. Комната тут же стала слишком просторной, холодной и пустой.

«Это просто переутомление», – решила я и отправилась в купальную комнату. Горячая ванна всегда была лучшим способом привести мысли в порядок.

Галвин ворвался без стука в комнату, когда я стояла перед зеркалом и расчесывала волосы.

– У меня есть новости! – воскликнул он, – и они касаются тебя!

– И что же это за новости? – спросила я невозмутимо.

– Хранителю пришло послание из столицы. Король пригласил нас быть его гостями.

Я удивленно вскинула брови и спросила:

– Что значит «нас»?

– Это значит, меня и тебя, – он довольно заулыбался.

Я стала ходить по комнате. От этой новости не было радостно, как Галвину. Еще недавно люди короля хотели убить меня, или, в лучшем случае, посадить под замок. А теперь я гостья?

– Могу я отказаться от приглашения? – спросила я.

Улыбка сползла с лица Галвина.

– Конечно же, нет! – сказал он, – ты оскорбишь этим короля. И потом, разве это приглашение не является свидетельством доверия короля?

– Я так не думаю, – медленно произнесла я, – и не разделяю твоего восторга.

Галвин нахмурился.

– Послушай, – сказал он, подходя ближе ко мне, – я радуюсь не потому, что еду во дворец короля и буду там развлекаться на ужинах да танцах, хотя, признаться, это вовсе не вызывает у меня отвращения. Нет, я радуюсь потому, что это, в первую очередь шанс для тебя! Шанс показать людям, какая ты есть на самом деле. Показать, что ты всего лишь жертва обстоятельств. А не пешка в чьей-то игре.

– Так обо мне думают? – спросила я, – что я пешка в чьих-то руках?

– А ты еще не поняла? – ответил он, – поездка в столицу – твой шанс обрести свободу. Я имею в виду настоящую свободу, а не ту, что есть у тебя сейчас.

Он был прав. Я была ограничена стенами этого места. А мне хотелось познать этот мир и, в конце концов, найти способ вернуться домой.

– В твоих словах есть смысл, – сказала я ему, – да... Ты совершенно прав.

Я улыбнулась и присела на край стола.

– Так что? Когда мы едем? Мне уже можно собирать вещи?

Он улыбнулся и сел рядом, болтая ногами.

– У нас в запасе неделя. Хранитель решил, что на этот раз мы поедем как обычные люди. В повозках, запряженных лошадьми. Тебе удастся посмотреть наши края. Уверен, ты полюбишь эти земли. Их невозможно не полюбить.

Он двумя пальцами дотронулся до моей юбки и ощупал ткань.

– Вещи собирать тебе не нужно. В столице приобретем тебе пару готовых платьев. В этом появляться во дворце... Да любая посудомойка пришла бы в ужас от такого платья, – он рассмеялся, – не обижайся. Но правда, этот жуткий серый цвет тебе ни идет.

Я наигранно возмутилась. Но затем рассмеялась вместе с ним. На Галвина невозможно было злиться. Это был самый милый и добрый парень, которого я когда-либо встречала

Прошло несколько дней, и обитатели Цитадели готовились к поездке в столицу. Я же эти дни гуляла по саду, наблюдала, как работают послушники Хранителя, изучала жизнь вокруг. Я страстно мечтала попасть в библиотеку – думала, раз понимаю здешний язык, то вполне смогу и читать. Но туда доступ был закрыт.

Изредка я видела Галвина, но чаще всего он был загружен учебой, и то и дело появлялся, нагруженный свитками и увесистыми книгами.

Очень часто я ловила на себе взгляды обитателей Цитадели. Они со мной не заговаривали, но я чувствовала, что меня изучают, за мной наблюдают. Поначалу меня это напрягало, но со временем я привыкла к этому, и почти перестала обращать внимание на это.

Только один человек меня смущал и заставлял нервничать. Моран. Его взгляды я тоже часто ловила на себе. Я могла гулять по саду, рассматривать цветы, а он стоял вдалеке и смотрел на то, как я склоняюсь к бутонам, как провожу ладонью по шершавой коре деревьев.

Иногда я останавливалась и перехватывала его взгляд, пронзительный и сильный. Казалось, что он сможет прочесть всю мою душу, заглянуть в самые глубины подсознания. Меня пугало это, я совсем не хотела этого. Но с другой стороны, где-то в глубине души я страстно этого желала. Мы часто играли в гляделки. Иногда я делала вид, что не замечаю его, иногда игнорировала, иногда – смотрела в глаза и шутливо махала рукой. Все зависело от настроения.

Наверное, не стоило вести себя так неосмотрительно с Хранителем. Но дело в том, что порой я видела в нем не могущественного мага, а простого человека. Ну, может, не совсем простого, но человека.

И несмотря на то, что в нем было нечто пугающее, я хотела узнать его лучше. Было в нем что-то притягательное, будоражащее воображение. Было интересно, кто скрывается за этой холодной и непроницаемой личиной. Порой настолько, что я даже на время забывала, что нахожусь в другом мире, где у меня нет ни друзей, ни союзников.

Однажды, когда я играла с собакой на заднем дворе, ко мне незаметно подошел Моран. Несколько секунд он молча наблюдал за тем, как пес лижет мое лицо и руки. Затем присел рядом и погладил собаку.

– Тебя слушают все собаки, что живут здесь, – тихим тоном произнес он. Я повернула голову в его сторону и улыбнулась.

– И тебе здравствуй, Хранитель, – с легкой насмешкой сказала я, – разве в этом есть что-то удивительное?

У меня было хорошее настроение – так всегда бывало после общения с животными. Я по-прежнему улыбалась, поглаживала одной рукой собаку и смотрела на Морана.

Он рассеянно гладил пса с другой стороны и смотрел мне в глаза. На долю секунды меня посетило острое чувство дежа вю. Казалось, все это уже когда-то было со мной, когда-то очень давно. Сотни, тысячи лет назад точно так же мы сидели друг напротив друга и гладили дворовую собаку.

– Удивительно, – задумчиво, слегка охрипшим голосом произнес Моран и моргнул. Дежа вю развеялось, оставив после себя легкое недоумение. – Да, это удивительно, что тебя любят собаки. Этому псу, – он потрепал собаку по холке, – девять лет, и за все эти годы он никого не подпускал к себе, кроме меня.

– Девять лет! – воскликнула я. Пес перевернулся на спину, и я почесала его живот, – надо же, а выглядит он, так, словно ему год или два. Это тоже магия?

Я по-прежнему чесала пузо пса и улыбалась. Моран протянул руку и погладил животное.

– Я нашел его в лесу на другом конце мира, когда странствовал, – прикрыв глаза, сказал он, – у него была сломана лапа, и одному свету известно, как щенок оказался в самой чаще леса. Я исцелил его, и вместе мы прошли немало дорог... Хорошие были времена.

Его губ коснулась легкая улыбка, а взгляд был устремлен куда-то вдаль. Я ошарашенно смотрела на него, боясь сделать лишнее движение. Хранитель только что сказал что-то о своей жизни. И я была права – он все-таки человек, а не маг изо льда и холода.

– Так, значит, это твой пес, – тихо сказала я, – а ты его хозяин. Ты знаешь, что собаки похожи на своих владельцев? Значит, он копирует тебя, и, как и ты, никого к себе не подпускает.

Моран перевел на меня взгляд. В глазах вспыхнули голубые огоньки.

– Любопытная теория, – задумчиво ответил он, не сводя с меня глаз, – так значит, он, подобно мне, не подпускает к себе никого... Кроме тебя?

Последние слова поставили меня в тупик, я глупо заморгала и отвела глаза, позабыв все, что собиралась сказать. Некоторое время я молчала, чувствуя на себе его взгляд и не понимая, почему эти слова вызвали такое смущение.

– Думаю, – произнесла я, наконец, – у тебя с твоим псом было увлекательное путешествие.

Я больше не смотрела на него, и увлеченно гладила собаку.

– Это так, – сказал Моран, – и с тех пор мы хорошие друзья. И все-таки, как тебе это удалось? Почему он подпустил тебя к себе?

Я подняла на него глаза. Хранитель смотрел на меня с любопытством.

– Никакого секрета нет, – ответила я и встала на ноги, – просто я люблю животных, вот и все. А они это чувствуют. И, наверное, не видят смысла обижать того, кто их любит.

Моран тоже поднялся на ноги и встал напротив меня, пес крутился между нами, радостно виляя хвостом.

– Так просто, – задумчиво, пристально глядя мне в глаза, произнес Моран, – значит, весь секрет в том, чтобы просто любить?

Я непроизвольно улыбнулась и кивнула. Хранитель улыбнулся в ответ.

– Многим следовало бы у тебя поучиться, Елизавета.

Несколько минут так и стояли, молча глядя друг другу в глаза. Пес бегал вокруг нас с довольным видом, высунув язык. Вдалеке слышалось пение птиц. Все остальное словно померкло, исчезло. И казалось, что нет ничего более правильного, чем просто стоять под лучами солнца, смотреть друг на друга и разговаривать о собаках и любви... И снова это острое, как нож, чувство дежа вю...

Внезапно пришла мысль, что в других обстоятельствах, в моем мире, мы вполне смогли бы подружиться с Хранителем. А здесь же... Здесь...

– Мне пора идти, – прервал молчание Моран. – Спасибо за приятную беседу.

Он щелкнул двумя пальцами и растворился в воздухе, оставив меня с довольным псом.

Мысли набегали одна на другую. Я болтала с Хранителем, словно мы сто лет знакомы. Он немного рассказал о себе. Он поблагодарил меня за беседу!

– Чудеса, да и только, – прошептала я, потрепала собаку и побежала в замок.

Глава 6

Через несколько дней мы отправились в путь в двух крытых повозках. В одной ехала я, во второй – Хранитель с Галвином и еще одним послушником, имя которого я не знала.

Нас сопровождали несколько вооруженных всадников. Словом, кортеж наш был очень скромн, и никто бы не догадался, что в одной из повозок сидит сам всемогущий Хранитель Цитадели света.

– Помпезность и роскошь нужны королям и высокородным, – сказал Галвин, – Моран же предпочитает оставаться в тени.

Я была рада возможности посмотреть на королевство. Всю дорогу я ехала, высунувшись по пояс из окна. Мимо пробегали крохотные деревушки с яркими остроконечными крышами, каменные города с высокими постройками, наполненные шумом горожан и пением местных девиц, цветочные поля, густые леса с темными деревьями.

Иногда по ночам я видела странных существ: некоторые были похожи на огромных жирных гусениц с длинными ножками, другие – на крошечных фей.

Были там и большие сиреневые бабочки, от взмаха крыльев которых раздавался тихий звон, встречались и привычные мне животные: белки, лисицы, голуби...

Это был причудливый, прекрасный мир, в котором удивительным образом перемешались волшебство и реальность, привычное и необычное...

Мы ехали быстро, останавливаясь на ночлег в трактирах и гостиницах. Морана большую часть времени я не видела. Почти всегда он сразу уходил в отведенную ему комнату и ужинал там в одиночестве. Мне же компанию за ужином составлял Галвин, развлекавая рассказами о деревнях и городах. Иногда он садился ко мне в повозку и смешил шутками.

Наше путешествие подходило к концу. Мы остановились в очередной придорожной гостинице. Всем нам следовало хорошенько выспаться, ведь на следующий день мы должны прибыть в столицу.

Наступил вечер, за окном горели фонари. Я сидела за столом у окна в общем зале гостиницы и украдкой наблюдала, как Хранитель что-то говорил вооруженным охранникам, после чего вышел из зала в их сопровождении. Галвин убежал расплатиться за комнаты и заказать ужин. Другого послушника тоже нигде не было видно. Я осталась предоставлена самой себе.

«Интересно, – думала я, – они настолько глупые, что оставили меня здесь одну? Или настолько мне доверяют? Я ведь с легкостью могу сбежать».

Ну, конечно, не с легкостью. Все-таки у меня не было ни денег, ни знаний – ничего, что могло бы помочь выжить в этом мире. Я вздохнула и подперла щеку рукой. Побег – глупая затея. Нужно найти другой способ обрести свободу. И вернуться домой.

Послышался звук отодвигаемого стула.

– Наконец-то ты пришел, – весело произнесла я, ожидая увидеть Галвина.

Но когда повернула голову, то увидела вовсе не его. Передо мной сидел карлик, вальяжно развалившись на стуле. На круглой голове грива включенных синих волос, глаза прозрачно-зеленые, с короткими синими ресницами. И синяя с проседью борода до пояса. Я ошеломленно разглядывала его.

«Да это же вовсе не карлик!» – пронеслось в моей голове.

– Вы гном! – воскликнула я. Кого-кого, а встретить гнома я была пока не готова.

Гном прищурился и произнес ворчливым хриплым голосом:

– Я – гном?! Ты с луны свалилась, что ли? Как можно сравнить меня с этими грязными землекопами? Я – дэфор! Даже ребенок знает это.

Я смущенно молчала. Вообще-то этот дэфор не далеко ушел от истины, заявив, что я упала с луны. В каком-то роде так и было.

– Извините, – дружелюбно сказала я, – устала с дороги. К тому же я ожидала увидеть своего друга, а не вас.

Гном рассмеялся скрипучим смехом.

– И где же твой дружок?

Я ничего не успела ответить, как гном повернулся в сторону стойки и крикнул:

– Эй, Брол! Пойди-ка погляди, какую красавицу я обнаружил, – он снова закатился в смехе, – эта малышка перепутала меня с гномом.

Я проследила за взглядом дэфора. Человек, к которому он обращался, стоял за стойкой. Лица не было видно, высокую фигуру скрывал потрепанный плащ. Брол медленно обернулся и посмотрел на меня усталым взглядом. На вид ему было около сорока. Худое, вытянутое лицо. Мешки под серыми глазами. Седая щетина. Потрескавшиеся губы обнажены то ли в улыбке, то ли в оскале.

– Перепутала с гномом, говоришь, – шелестящим голосом произнес Брол.

От его голоса стало не по себе. Не переставая улыбаться, мужчина медленно двинулся к моему столу.

Я стала глазами искать кого-нибудь из нашего кортежа. Ни Морана, ни Галвина, ни охранников поблизости не было. Незнакомые люди сидели в зале, кто с едой, кто с выпивкой. Некоторые с интересом наблюдали за Бролом. Мне это нравилось все меньше и меньше. Я перевела взгляд на карлика. Или дэфор, как он себя назвал. Он сидел с беззаботным видом и раскачивал ногами, как ребенок. Я выдавила из себя улыбку.

– Извините, – сказала я, – мне стоит пересесть за свободный стол.

Я приподнялась со стула, но карлик схватил меня за запястье и крепко сжал.

– Отчего же, – прошептал он, – разве ты не хочешь составить нам компанию за ужином?

– У меня уже есть компания. Извините, – ответила я, пытаюсь высвободить руку. К столу приблизился Брол. Он молча передвинул меня ближе к окну и сел рядом, загораживая собой проход.

– Друг мой, – лениво произнес он, обращаясь к карлику, – ты делаешь даме больно. Отпусти ее руку.

Дэфор нехотя повиновался.

– Брол, ты помнишь того гвардейца из королевской стражи? – заговорщически произнес дэфор, – мы его тогда знатно напоили. Помнишь его пьяные рассказы, которым мы не поверили?

Брол сухо кивнул. Я переводила взгляд с одного на другого. Не нравилась мне эта парочка. И где же Галвин, черт его побери?

– Я, пожалуй, оставлю вас, – как можно более приветливым тоном произнесла я, – приятного вечера.

Я поднялась со стула и хотела выйти из-за стола. Брол схватил меня за руку.

– Сядь, – властно произнес он.

Было в его голосе нечто такое, что заставило меня беспрекословно подчиниться. Я глубоко вздохнула и села на место, украдкой поглядывая в сторону двери. В конце концов, в зале полно людей. Вряд ли эти двое сделают мне что-то плохое при посторонних. О том, что их намерения недобрые, моя интуиция вопила.

– Не так давно с нами приключилась интересная история, – произнес Брол, окидывая меня взглядом, – в одной из столичных таверн мы познакомились с королевским гвардейцем. Он был явно не в духе. Мы с другом решили развеселить его и угостили хорошим вином из Мэйриина.

– О, да! – вставил задорно карлик, – самое сладкое и самое крепкое вино в мире.

– И не из дешевых, – сказал Брол, – гвардеец пил и становился веселее. В благодарность он рассказал нам прелюбопытную историю.

Брол замолчал и перевел взгляд на мои руки, что я крепко сцепила в замок. Я не моргая смотрела на него, стараясь придать лицу самое невозмутимое выражение, на какое только была способна.

– Хочешь узнать эту историю? – шепотом спросил Брол и мрачно улыбнулся.

Я сглотнула. Единственное, что сейчас я хотела – это оказаться как можно дальше от этой странной парочки. Я не произнесла ни слова и неуверенно кивнула.

– Гвардеец рассказал, как прошла его смена. Ничего необычного не было до наступления вечера. Но в сумерки он услышал женский крик, доносящийся из Затерянного Леса. Вместе с товарищем он поспешил на крик. Сначала они думали, что на кого-то напал крарк. Но они ошиблись.

Брол замолчал и снова взглянул на мои руки, затем перевел взгляд на мое лицо.

– Ты бледна, – сказал он, – и так крепко сжала ладони. Тебя что-то встревожило?

Да меня тревожит абсолютно все! И этот тип со своим карликом, и история, которую он рассказывает, и то, что никто из моих спутников до сих пор не вернулся.

– Нет, – солгала я, озираясь по сторонам, – просто устала с дороги.

– Что ж, – произнес Брол, – избавлю тебя от подробностей. Гвардеец сказал нам такое, что просто не умещалось в сознании. Он сказал, что в лесу обнаружил девушку. Которая прибыла в нашу столицу напрямиком из другого мира.

Он сделал многозначительную паузу и взглянул на меня. Эту историю я прекрасно знала. Я постаралась сделать удивленное лицо.

– Это невозможно, – мой голос дрожал.

Но это вполне можно было списать на изумление. Я в очередной раз окинула взглядом помещение. Никто не появлялся. Куда же все запропастились?

– Вообще-то возможно, – с хитрой улыбкой произнес Брол и внезапно дотронулся до моих волос, – какие чудесные волосы. Длинные, блестящие. Большие глаза. Есть, чем гордиться. . . Ах, да! Гвардеец подробно описал, как выглядела та девушка. Хрупкая фигура, длинные волосы, огромные глаза. Странная мужская одежда и отсутствие метки.

Я с ужасом следила за тем, как Брол трогает мои волосы. От волнения перехватило дыхание. Усилием воли заставила себя отвести глаза. В очередной раз вперилась взглядом в зал. Ни Морана, ни Галвина, ни остальных знакомых лиц я не видела. Где же их носит, черт побери, когда они особенно нужны?

– Для чего вы все мне это рассказываете? – спросила я, не переставая озираться по сторонам.

– Покажи мне свою метку, – резко произнес Брол.

– Что?

Дэфор хрипло засмеялся и схватил мое запястье. Его руки были липкие и грубые. Меня передернуло.

– Лучше не спорь с ним, сладкая, – угрожающим тоном произнес карлик, – покажи свою метку, и мы отстанем от тебя.

– Метка не видима человеческому глазу, – как можно более спокойным тоном произнесла я, переводя взгляд с Брола на дэфора, – даже если я покажу вам ее, вы ничего не увидите.

– О, Брол сможет увидеть, – весело ответил карлик и подмигнул мне, – давай же, покажи ее. Ты ведь знаешь, где она находится?

Я знала это только приблизительно. Где-то в районе предплечья. По крайней мере, именно это место оголили мне королевские гвардейцы, когда поймали в лесу.

– Я не собираюсь ничего вам показывать! – ответила я, поднимаясь со стула.

Надо выбираться отсюда и поскорее. Надо найти Галвина и остальных. Твердая рука Брола перехватила меня за талию. Силой он усадил меня за стул.

– А теперь ни звука, – произнес он ленивым голосом, – сейчас ты последуешь за нами.

Ага, как же.

Я попыталась встать. Но ноги не слушались меня. Тело словно парализовало. Я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Как бы я не старалась, тело не подчинялось мне.

«Что он сделал со мной? – пронеслось в моей голове, – мне нужна помощь!»

Позабыв обо всем на свете, я открыла рот, чтобы закричать, позвать на помощь. Но губы оставались плотно сжаты, зубы крепко стиснуты, язык приклеен к нёбу.

«Что за черт?»

Я снова попробовала крикнуть, выдавить из себя хоть слово, но не издала ни звука. Я непрерывно силилась пошевелиться, вымолвить хоть короткий звук, но все было тщетно. От бессилия и злобы по щекам текли слезы. Я не шевелилась. Я молчала. Единственное, что я могла – это прожигать Брولا ненавидящим взглядом.

– Думаю, нам пора уходить, – с легкой насмешкой произнес Брол и поднялся со стула. Карлик засеменял следом.

– Что ты сидишь? – с деланным удивлением сказал Брол, – ты идешь с нами.

Меня охватил страшный зуд. Ноги сами зашевелились, руки оперлись о столешницу стола. Мое тело, словно марионетка, неловко поднялось и сделало несколько шагов в сторону выхода.

«Нет! НЕТ!»

Сознание билось в истерике. Я собрала всю свою волю, все свои силы, надеясь преодолеть эту зловещую силу, что управляла моим телом...и ничего. Губы растянулись в улыбку, ноги послушно ступали следом за Бролом, руки безвольно висели вдоль туловища. И лишь горячие слезы бессильной ярости жгли кожу.

Глаза бегали из стороны в сторону, надеясь наткнуться хоть на кого-то, кого я знаю. На кого угодно, кто мог бы мне помочь. Но на кого бы ни наталкивался мой взгляд, все тут же отводило глаза и занимались каждый своим делом. Никого не было рядом, кто мог бы помочь.

Мы подошли к выходу. Что-то мне подсказывало, что самое страшное ждет впереди.

Оказавшись на улице, Брол резко свернул за угол. Я послушно следовала за ним. Он и его синеволосяй прихвостень шли впереди, даже не оглядываясь – настолько были уверены, что я никуда не денусь. Впрочем, в этом они не ошибались. Мое тело полностью подчинилось приказу Бролу. К счастью, разум все еще принадлежал мне. Я должна придумать, как вырваться из этих гипнотических оков.

Брол вывел нас к заднему двору гостиницы. Неподалеку располагалась конюшня.

– Вот мы и на месте, – произнес Брол, глядя на меня, – встань прямо!

Ноги тут же приросли к земле, а тело вытянулось вверх. Спина прямая, плечи расправлены. Бабушка бы похвалила меня за такую осанку. Брол улыбнулся и вальяжно подошел ко мне.

– Хорошая девочка, – произнес он и погладил меня по руке. Мысленно меня передернуло. Тело же никак не среагировало.

Мужчина улыбнулся и одним движением сдернул с меня дорожный плащ. Следом за этим он прикоснулся к моей левой руке. Послышался легкий треск. Краем глаза я заметила, что рукав платья оторвался. Сам. Без чьей-либо помощи.

– А теперь позволь взглянуть на твою метку, – галантно произнес Брол.

Вот же мерзавец!

Мужчина прошептал несколько слов и возложил свою руку на мое предплечье, вторую – на лоб. Горячая волна пробежалась по телу. Предплечье и в районе солнечного сплетения адски жгло. Через секунду все кончилось. Брол широко раскрыл глаза и воскликнул:

– Потрясающе! Это просто потрясающе! Метки нет, – он взглянул на карлика, и оба закатились в громком смехе. От этого смеха стало не по себе.

– Так, значит, тот идиот не солгал, – тихо произнес Брол, – ты из другого мира!

Карлик подошел к нам и стал ощупывать мою руку с таким видом, словно увидел нечто удивительное.

– Брол, – сказал дэфор, продолжая ощупывать мою кожу, – а что, если она просто удалила метку?

– Это невозможно, – уверенно ответил Брол, – для этого нужно обладать колоссальной силой, а у нее нет ни намека на магию. Посмотри, какая она послушная. Можем сделать ее нашей комнатной собачкой. Как тебе такая идея?

Оба снова разразились в смехе. Меня охватила паника. До последней минуты я наблюдала за всем происходящим словно со стороны, но сейчас их смех привел меня в чувства.

«Надо бежать! Бежать сейчас же!» – думала я, силясь пошевелить хоть одним мускулом. Тщетно. Все было тщетно. Чертов Брол околдовал меня так, что гипнотизерам и не снилось.

– Мне это по душе, – смеясь, произнес карлик, – но сначала пусть нас проведет в свой мир.

Мои глаза округлились. Зачем им в мой мир? Что задумали эти чертовы извращенцы?

– Молчи, идиот! – гневно ответил Брол. Улыбки на его лице уже не было, – нам пора перемещаться, пока не обнаружили ее пропажу.

Что? Перемещаться? Нет-нет-нет! Тогда о спасении можно навеки забыть. Никто не найдет меня. Никто и не будет искать меня. Я испуганно смотрела на обоих, но они словно позабыли о моем существовании.

Брол раскинул руки и начал шептать слова заклинания. Они совсем не походили на те, что я уже слышала раньше от Морана...

Моран! Внезапно что-то щелкнуло внутри меня. Сердце затрепетало, а тело накрыло мягкой волной, унося все мысли. Остались одни ощущения. Чувства на грани интуиции. Не осознавая, что делаю, я закрыла глаза и мысленно позвала его.

«Моран!»

Слезы струились из-под закрытых век.

«Моран! Пожалуйста, мне нужна твоя помощь!»

Голос Брола становился все громче. Слова все призывней. Мои глаза по-прежнему были закрыты, но я чувствовала кожей, как завибрировал и сгустился воздух вокруг. Еще пару мгновений, и круг для перемещения будет готов.

«МОРАН! ПОМОГИ МНЕ! СЕЙЧАС ЖЕ!»

Внезапно что-то с громким свистом пролетело мимо моей щеки. Раздался жуткий грохот. Послышались грязные ругательства карлика. Я открыла глаза и выдохнула с облегчением. Слева от меня стоял Хранитель. С его ладоней струился ярко-синий свет, который плотной веревкой опутал Брола и карлика.

– Моран, какая встреча! – весело произнес Брол, словно встретился с ним в где-нибудь в таверне, – чем обязан?

Хранитель ничего не ответил и повернулся ко мне.

– Отойди в сторону, – сказал он ледяным тоном.

Если бы это было так просто. Я по-прежнему стояла столбом, не в состоянии пошевелиться.

– Отойди же в сторону! – взревел Моран.

Я сделала очередную попытку. Бесполезно. Я не могла ничего сделать, только смотреть на него умоляющим взглядом.

«Не могу! – мысленно говорила я, – не могу ни говорить, ни двигаться».

Хранитель перевел взгляд на Брола.

– Ты связал ее чарами подчинения, – сказал он спокойным тоном, – применил запретное заклинание. Нарушил закон Цитадели.

– Я не принадлежу Цитадели, – сплевывая, выкрикнул Брол, – будь она проклята со своими законами! Будь проклят ты, Хранитель!

Моран поднял выше руки. Синий свет сплел прозрачную паутину вокруг Брола и карлика. Оба кричали проклятия и оскорбления. Хранитель небрежно крутанул рукой, и их голоса исчезли. Губы обоих шевелились, но они не издавали ни звука. Словно невидимым пультом отключили звук. Я удовлетворенно вздохнула. Поделом мерзавцам. Послышались шаги. К нам подбежали Галвин, второй прислужник и охранники Морана.

«Как нельзя вовремя, – с сарказмом подумала я, – где ж вы раньше были?»

– Гектор, – обратился ко второму прислужнику Моран, – эти двое нарушили закон Цитадели. Ты должен немедленно доставить их в серую тюрьму. Возьми с собой нескольких людей. Галвин поможет тебе в перемещении. И проследи за тем, чтобы они не издавали ни звука. Они меня порядком утомили.

Гектор молча кивнул. Он и Галвин схватили Брола и карлика и переместились. Все исчезли, кроме Хранителя. Он стоял, повернувшись ко мне спиной. Я хотела шагнуть к нему, но мое тело по-прежнему было в оцепенении.

Я испуганно заморгала. А что, если я навсегда останусь стоять так? Словно услышав меня, Моран обернулся и подошел ко мне. Правую руку возложил на мой лоб, закрыл глаза и прошептал несколько слов. Тело обмякло, и я с трудом удержалась на ногах.

– Как ты? – тихо спросил Моран, все еще держа ладонь на моей голове.

– Не... – прохрипела я, – не очень... бывало и получше.

Я попыталась сделать шаг, но ноги дрожали, а тело качалось из стороны в сторону.

– Сейчас ты не сможешь идти самостоятельно, – сказал Моран, – побочное действие заклятия.

– А что...

– Говорить тоже не рекомендуется, – прервал меня Хранитель.

Он приблизился ко мне и неожиданно взял на руки, как пушинку. Я обхватила его за шею, пытаясь унять дрожь и успокоить дыхание.

Дрожала я вовсе не от заклинания Брола. Сердце бешено колотилось. Тело покалывали мелкие мурашки. А я мысленно молилась, чтобы Моран не заметил этого. Или списал бы на остаточное действие заклинания. Я тайком взглянула на его лицо. Оно не выражало ровным счетом ничего. Он спокойно нес меня, шагая уверенным шагом. За все это время мы не проронили ни слова. И лишь мое сердце гулко билось в такт его шагам.

Моран принес меня прямиком в комнату. Ненадолго оставил одну, а вскоре вернулся в сопровождении хозяйки гостиницы. Женщина несла в руках широкий поднос с едой. Не говоря ни слова, она водрузила его на стол и покинула помещение.

Как только за ней закрылась дверь, Моран сел за стол и разлил вино по кубкам. Я молча наблюдала за ним, боясь сказать хоть слово. Мне казалось, что для полного спокойствия нужно только это – смотреть на него. Следить за каждым его жестом, взглядом. Слушать его дыхание.

– Не составишь мне компанию за ужином? – спросил Моран.

Я вздрогнула и, ничего не ответив, села напротив него. Аппетита не было. Я вяло потянулась к своей тарелке. Вкуса еды я не чувствовала. Вино, которое я пила жадными глотками, казалось водой. Всего вокруг было ненастоящим, словно подернутым дымкой. Все, кроме Морана. И его пристальных, голубых глаз.

– Расскажи, что произошло, – сказал он, неотрывно глядя мне в глаза.

Я шумно вздохнула и сбивчиво рассказала все, не утаивая ни малейшей подробности. После того, как я закончила, Моран некоторое время молчал, хмуро глядя куда-то в сторону.

– Кто они такие? – спросила я, – этот Брол его сообщник? Он назвал себя дэфор.

– Дэфоры – раса, что населяет наши земли. В большинстве своем это миролюбивые создания, не помышляющие ничего дурного. Но бывают и исключения, – нахмурившись отве-

тил Моран, – а Брол... Когда-то мы были товарищами. Вместе учились в Цитадели. Но со временем наши пути разошлись.

– Они решили, что я могу провести их в свой мир, – задумчиво сказала я, – для чего им это понадобилось? Что им нужно в моем мире?

Моран ответил не сразу. Он медленно потягивал вино из кубка, неторопливо стучал длинными пальцами по столешнице.

– Пока об этом можно только догадываться, – хмуро ответил Моран, – возможно, к этому Брола подтолкнула его давняя страсть.

– И какая же?

– Страсть к власти. Он всей душой стремился стать новым Хранителем Цитадели света. Когда же это не произошло, Брол просто сбежал, разорвав все связи с цитаделью и старыми друзьями. Жажда власти омрачила его разум.

– Значит, он захотел обрести власть в моем мире? – я с ужасом смотрела на Морана, – с его способностью управлять людьми. Страшно представить, что могло бы быть, если бы ему удалось пересечь границу.

– Он уже перешел все дозволенные границы, – жестко сказал Моран, – связал человека чарами. Нарушил закон магического мира, один из главных запретов Цитадели. Теперь ему не удастся избежать наказания.

– Что с ним будет? – спросила я, – вы посадите его в тюрьму?

– Этого недостаточно! Его сила велика, и рано или поздно она причинит гораздо больший вред, чем сегодня вечером, – Моран нахмурился, – я намерен лишить его искры.

Я расширила глаза.

– А такое возможно? – спросила я, чувствуя необъяснимое волнение.

Моран еле заметно кивнул, нахмурившись еще сильнее.

– Как это происходит?

– Болезненно, – сухо ответил Моран, – это все, что тебе следует знать, Елизавета.

Он отвел глаза и стал задумчиво поглаживать брошь, прикрепленную к плащу. Брови сдвинуты, губы плотно сжаты. Внезапно захотелось увидеть, как его серьезное лицо преобразуется в улыбку. Захотелось услышать его смех. Увидеть, как смягчаются черты его лица.

– Просто Лиза, – ни с того ни с сего сказала я и глупо улыбнулась. Моран вскинул брови и взглянул на меня непонимающим взглядом.

– Что? – спросил он.

– Зови меня Лиза, – тихо сказала я, уже без улыбки, – пожалуйста.

– Хорошо, Лиза. – Еле слышно произнес Моран, глядя мне в глаза.

Порой казалось, что он видит меня насквозь. Видит мои страхи, надежды, эмоции. Настолько пронизательным и глубоким был этот взгляд. И удивительно знакомый.

Каждый раз, заглядывая в его ледяные глаза, я чувствовала это. Совершенно необъяснимое ощущение, что давно его знаю. Десятки лет знаю эти глаза, холодные и притягательные. Возможно, у меня просто разыгралась фантазия. Я отмахнулась от навязчивых мыслей и произнесла самым непринужденным тоном, на какой только была способна:

– Кстати, как ты меня нашел? Еще секунда, и Брол бы перенес меня в другое место. Ты подоспел как нельзя вовремя.

Моран ничего не ответил. Он по-прежнему смотрел мне в глаза, переводя взгляд на губы, волосы, руки... Я почти кожей осязала его взгляд.

«Он касается меня взглядом», – внезапная мысль ворвалась в мое сознание. Безумная мысль, но такая сладкая, манящая... Сердце бешено забилось, дыхание сперло, во рту пересохло, и я непрестанно облизывала губы.

«Один только его взгляд так на меня действует. А что будет, если он прикоснется ко мне? Прямо сейчас, – думала я, как в тумане, – наверное, я тут же сойду с ума».

Со мной определенно что-то было не так в его присутствии. Я постаралась взять себя в руки. Сконцентрироваться. Дышать глубже. Не смотреть на него так жадно. И гнать прочь шальные мысли. Моран нахмурился и встал. Наваждение тут же исчезло.

– Это не имеет значения, – тихо ответил он, направляясь к двери, – главное, что я нашел тебя. Спокойной ночи.

Он развернулся и вышел из комнаты. Оставил наедине с сумбурными мыслями.

«Главное, что я нашел тебя». Его голос эхом звучал в голове.

Я легла на кровать и закрыла глаза, надеясь унять в теле дрожь, которую вызвали его последние слова.

«Это просто воздействие его магической искры на меня», – успокоила я себя и провалилась в сон.

Глава 7

На следующее утро вернулся Галвин. На мои вопросы о Броле и карлике он сухо ответил, что оба под стражей. О том, куда он сам вчера запропастился, Галвин сказал что-то невнятное, пробормотав что-то про деньги и лошадей. Я плохо разобрала его слова, и перестала донимать расспросами. Галвин был не в духе, и явно не спал всю ночь. Морана я увидела лишь мельком, когда мы садились в повозки. Остаток пути я ехала в полном одиночестве.

Ночью мы прибыли в столицу. Город встретил нас светом уличных фонарей и запахами апельсина и корицы. Вдоль аллея росли лимонные деревья и розовые кусты. Повсюду летали светлячки, и то тут, то там появлялись редкие прохожие.

Королевский дворец был виден с любой точки города. Белоснежный, с голубыми прожилками, высокими шпилями и подвесными мостиками, он внушал невольное благоговение.

Во дворце нас встретили и отвели в покои.

На следующий день Галвин принес мне сверток с платьем и заявил, что вечером будет королевский прием. И я тоже должна там быть.

– Не волнуйся, – сказал он на мой вопрос, как себя вести, – и просто будь собой. Побольше улыбайся и почаще молчи. Во время ужина не подходи к королевскому столу, только если король сам не пригласит тебя. Не заговаривай с ним первой, только, если он сам к тебе обратится. И не забывай говорить ему: «Ваше величество», – он улыбнулся, – вот и все. Ничего сложного.

К вечеру я была готова. Никогда не считала себя первой красавицей, но платье из струящейся синей ткани сотворило чудо. Глаза казались ярче, распущенные по плечам волосы – светлее, кожа – прозрачнее.

Женщина-прислужница привела меня к овальным дверям зала, где было уже пиршество, да там и оставила. Я стояла в нерешительности, не зная, что делать. Так бы я и простояла, наверное, до самого утра, но один из гвардейцев распахнул дверь и легонько толкнул меня внутрь.

Перед глазами открылся большой зал, сияющий огнями ламп и свечей. Бело-золотые стены украшены гобеленами и гербами. В центре, у дальней стены, восседал король с самыми приближенными людьми. Хранитель, конечно, был в их числе.

Вдоль стен сидели все остальные. Было многолюдно и очень шумно. Голоса людей смешались со звуками музыки, что лихо отыгрывали музыканты. Десятки пар танцевали в центре зала, между ними ходили колесом и прыгали акробаты.

– Лиза! – ко мне подошел Галвин, – пойдём, я покажу тебе где сесть.

Он подвел меня к столу, что располагался в углу зала.

– Ты тоже за этим столом сидишь? – спросила я у него.

– Нет, я сижу вон там, – и Галвин указал на стол, что стоял совсем близко у королевского. Вид у юноши при этом был виноватый. Меня осенило, что столы и сидящие за ними располагались в определенном порядке, который зависел от их ранга и положения в обществе. Чем ближе к королю – тем выше положение. Все, как в нашем мире.

Я улыбнулась и села на свободное место между пухлым мужчиной и пожилой женщиной, которая громко хохотала над чьей-то шуткой.

Галвин убедился, что я удобно расположилась и оставил меня. Все вокруг радовались и веселились так, словно это была чья-то свадьба. У меня же подобного настроения не было. Как и аппетита тоже. Я смотрела в одну точку, считая минуты в ожидании того, чтобы этот пир поскорее закончился.

– Милочка, а у тебя чудной вид! – эти слова произнесла пухлая женщина, что сидела рядом.

Внезапно за столом стало тихо, и все взгляды устремились на меня. Я непонимающее взглянула на нее, а затем на всех остальных.

Мужчины смотрели на меня с интересом, некоторые похабно улыбались. Женщины же глядели с неодобрением, плотно поджав губы. Поначалу я не поняла, что она имела в виду. Но затем обратила внимание, как выглядели остальные дамы.

Все до одной были одеты в светлые платья из воздушных тканей. Мое же – темное, плотное. На их головах причудливые прически с переплетением множества кос, лент, камней. Мои же волосы распущены. По сравнению с их роскошными одеждами и прическами я выглядела в лучшем случае крестьянкой. Мой вид разительно отличался от их, и они этого не одобряли.

– Благодарю. Я не знакома со столичной модой.

– А откуда же ты? – допытывалась пышнотелая дама.

– Издалека, – лаконично ответила я и отхлебнула вина из кубка. За столом послышались шепотки. Люди, не стесняясь, глазели на меня так, словно у меня было две головы.

От дальнейших расспросов спас Галвин. Он пришел и сел рядом, беззастенчиво отпихнув мужчину справа.

– Я подумал, – бодро сказал он, отпивая вино, – что сейчас тебе особенно нужен друг. К тому же у меня там компания попала не очень веселая.

– Спасибо, – прошептала я, – ты пришел вовремя. Меня уже начали спрашивать, откуда я родом.

– Вообще-то все здесь знают, откуда ты прибыла. Каждый здесь в курсе, что ты из другого мира.

– Тогда к чему весь этот спектакль? – удивилась я.

– Таковы люди, – спокойно ответил он, – особенно в столице. И особенно при дворе короля.

Я хмыкнула и стала рассматривать танцующих. Ко мне подошел рослый мужчина лет тридцати и предложил потанцевать. Я вежливо отказалась и продолжила тихо беседовать с Галвином.

И после этого все словно с ума сошли. Я то и дело ловила на себе беззастенчивые взгляды, в которых читался немой укор. Меня рассматривали так, словно я оскорбляла их одним своим видом. Ко мне еще несколько раз подходили мужчины с предложением потанцевать. Некоторые из них были сделаны в достаточно грубой форме. После того, как я в очередной раз вежливо отказалась, Галвин раздраженно произнес:

– Налетели, как стервятники...

– Меня пугают эти люди, – прошептала я, – увидев меня впервые, многие из них желали мне смерти. Теперь эти же люди жаждут со мной танцевать. Я для них как чудная диковинка. Как странная зверюшка, которую внезапно стало модно заводить. Таким людям нельзя доверять, они могут предать в любой момент.

– Они просто люди, – ответил Галвин, – а людям свойственны слабости. Будь к ним снисходительнее. Не все из них хотели твоей смерти, и уж тем более не все воспринимают тебя как зверюшку. Уверен, многие приглашали тебя потанцевать просто потому, что ты хорошенькая.

Я сделала еще глоток вина и от скуки украдкой поглядывала в сторону королевского стола. Сначала внимательно оглядела короля, его советника, того самого, что увидела в самый первый день.

Затем я перевела взгляд на Морана. И замерла с ошарашенным видом. Хранитель громко смеялся, откинув голову назад. Вплотную к нему сидела пышногрудая женщина и что-то говорила и говорила ему, отчего он все сильнее смеялся. Она тоже смеялась, обнажая прекрасные зубы. Казалось, для них все остальное перестало существовать – так им весело было. И так близко друг к другу они сидели.

Кровь прилила к лицу. Виски пульсировали. Я не могла оторвать от них глаз. Я даже не моргала. Моран словно почувствовал мой взгляд и посмотрел на меня. Улыбка по-прежнему играла на его лице.

«Отведи глаза. Отведи сейчас же», – гневно говорила я себе, но ничего не могла с собой поделать. Обида, горечь, злость на него и на саму себя – все перемешалось во мне в тот миг.

Меня кто-то задел локтем, и я, наконец, вышла из оцепенения и перестала смотреть на Хранителя. Но эмоции не утихали. Странные эмоции, сильные. Я знала, что за эмоции это были. Ревность. Проклятая ревность внезапной стихией проникла в мое сердце. Я ревновала его. Это было ненормально.

Пожалуй, я окончательно свихнулась.

Или просто насочиняла ерунды. Он может разговаривать с кем угодно, как угодно смеяться, успокаивала я себя. Меня это не волнует. Нет и нет. Это не ревность, это просто вино. И волнение от всего, что произошло.

Поэтому, когда меня в очередной раз пригласили танцевать, я согласилась с самой кокетливой улыбкой, на какую только была способна. Не самый умный поступок, знаю...

Мой партнер по танцу был высок, молод и смешлив. Он закружил меня в быстром танце, то подхватывая за талию и поднимая к потолку, то беря за руку и кружа вокруг себя. После того, как танец закончился, мой кавалер галантно провел меня к столу и даже поцеловал руку.

– Что ты такое творишь? – зашипел Галвин, когда мой партнер по танцу удалился.

– А что такого? – спросила я с самым невинным видом, – я просто немного веселилась. В конце концов, мы на пиру.

– Да за вами весь зал наблюдал.

– Что ж, им выпала уникальная возможность лицезреть, как неуклюже танцует зверюшка из другого мира, – выпалила я, – я не вижу ничего предосудительного в этом. В конце концов, здесь все танцуют.

– Но до этого ты отказала в танце нескольким очень важным лицам! И теперь они могут увидеть в этом скрытый смысл, – сказал Галвин, – отказывая в танце одному, ты должна была отказать всем, чтобы никого не оскорбить.

– Ах, вот оно что! – громко произнесла я, – ты мог бы меня и предупредить об этом. В моем мире танцу не придают такого большего значения. У нас танец – это просто танец.

Я уставилась в кубок, пытаюсь скрыть раздражение. Галвин внимательно смотрел на меня.

– Твое настроение переменялось. Что произошло? – спросил он, глядя на меня пронзительным взглядом.

– Ничего! – рявкнула я и тут же испытала чувство вины. Галвин не был виноват в моем дурном настроении. Он всегда был так добр ко мне. Я смягчила тон и продолжила:

– Извини, пожалуйста. Я просто немного устала и перенервничала. Сам понимаешь, все эти взгляды, шепотки...

Галвин кивнул и пожал мне руку.

– Могу ли я присесть? – раздался над нами женский с хрипотцой голос.

Я повернулась. Возле нас стояла молодая женщина и улыбалась легкой улыбкой. Если бы меня попросили охарактеризовать ее одним словом, я бы уверенно сказала только одно: «Роскошная».

И это правда. Все в ней было роскошным: фигура с плавными изгибами, вьющиеся каштановые волосы, черные глаза с длинными ресницами, красивый изгиб губ. Если бы ее увидела Моника Белуччи, она бы зарыдала от зависти.

Несколько секунд я безмолвно таранилась на незнакомку, после чего кивнула. Женщина грациозно села и, глядя на меня с интересом, произнесла:

– Меня зовут Аланда Миррен. А ты, должно быть, и есть та самая пришлица из другого мира?

Она была первой, кто в этот вечер назвал все своими именами. Безо всяких «откуда ты родом» и прочего. Мне ее прямолинейность понравилась.

– Это верно, – ответила я и улыбнулась, – мое имя – Елизавета.

– Бедняжка. Представляю, как тебя утомили эти лицемерные выскочки. Вились вокруг тебя и глазели, как коршуны. Хорошо, что не съели, – она произнесла это тихо, но так, чтобы все сидящие за столом услышали ее, – могу представить, что ты чувствуешь. Я и сама когда-то была в подобной ситуации.

– Вы тоже из другого мира? – спросила я, зная уже ответ. Она покачала головой, – в таком случае вряд ли вы меня понимаете.

– Отчего же, прекрасно понимаю. Много лет назад и на меня глазели. Обо мне шептались, меня презирали, считая сам факт моего присутствия оскорблением. А потом эти же люди искали моего общества так же рьяно, как избегали ранее, – она произнесла это с обворожительной улыбкой, словно говорила о чем-то приятном, – и, кстати, ты можешь обращаться ко мне по имени и на «ты».

– Хорошо, Аланда, – сказала я, – так почему же люди избегали твоего общества?

– Потому что я была не из их круга, – ответила Аланда, – я из обычной фермерской семьи. Никто в нашем роду не обладал ни богатством, ни влиянием, ни магией. Так было до тех пор, пока один высокородный и влиятельный человек не увидел меня в поле, когда я помогала отцу собирать урожай. На следующий день он увез меня в свой замок и сделал любовницей при живой жене. Мне было шестнадцать. Ему – за пятьдесят. Я для него была трофеем, дорогой игрушкой, которую он наряжал, дарил драгоценности и земли, выводил в свет. Где все, конечно, ворочали от меня нос. До тех пор, пока он не овдовел и не женился на мне. Так я стала госпожой. А эти прихвостни, – она обвела взглядом сидящих людей, – внезапно испытали ко мне приступ дружеских чувств. Ну а теперь я сама вдова, – она улыбнулась, – влиятельная, богатая и, наконец-то, свободная.

– Но почему ты все это рассказываешь мне?

– Рано или поздно ты бы узнала о моей истории. Люди здесь страсть, как любят сплетни и грязные подробности, – ответила она, недобро сверкнув глазами, – так что лучше услышать правду из моих уст.

Она мне нравилась. Наверное, из-за своей прямолинейности, хотя при других обстоятельствах это выглядело бы неуместно. Но только не в этом мире, и не в этой ситуации. Я посмотрела в ее красивое лицо и улыбнулась. Неосознанно мой взгляд переметнулся туда, где сидел король и хранитель. Аланда проследила за моим взглядом и тихо произнесла:

– Хранитель – красивый мужчина, не так ли? – в ее глазах играли хитрые искорки.

– Никогда не рассматривала его в этом качестве, – холодно ответила я.

Аланда тихо засмеялась.

– Он очень красив. Многие девицы в королевстве рыдали, когда Моран дал клятву и надел плащ Хранителя. А сколько сердец было разбито от одного его взгляда! Ах, Моран... – она посмотрела на меня серьезным взглядом, – будь осторожна, милая. Я видела, как ты на него смотришь. Меня не провести, ведь я тоже женщина. И прекрасно знаю, что это такое.

Мы изучающе смотрели друг на друга. Доверять ей свои мысли я не собиралась. Но Аланда мне определенно нравилась. Она отличалась от других. Поэтому вместо того, чтобы все отрицать или строить из себя дурочку, я просто улыбнулась ей и спросила, знакома ли она с Галвином.

Аланда протянула ему руку, которую он мягко пожал и произнесла игривым тоном:

– У Хранителя все ученики такие красивые и высокие?

– Я не привык слышать комплименты от дамы, особенно от такой, как вы, – ответил ей Галвин с хитрой улыбкой, – это я должен говорить слова восхищения. Но ни одно слово не в силах описать всю вашу грацию и красоту.

Аланда и Галвин начали полный флирта разговор. Вскоре они уже ни на кого не обращали внимание. Искры между ними так и летали. Я в их беседу не влезала и рассеянно разглядывала зал и акробатов.

Центральные двери раскрылись, и в зал кто-то вошел.

«Кто-то запоздал с визитом», – лениво подумало я, разглядывая вошедшего. Это был мужчина. Очень высокий и стройный. Полы голубого камзола развевались при каждом шаге. Серебристые длинные волосы. Торчащие заостренные уши.

«Стоп! – закричала мысленно я, – это что, эльф??!»

Почему-то эльфов в этом мире увидеть я не ожидала. К тому же такого, который выглядел именно так, как я рисовала себе в воображении. Я восторженно смотрела на него, потеряв дар речи. Казалось, окружающие не замечали его, не обращали внимание, на то, как он грациозно и плавно двигается.

«Ну конечно, эльфы для них – привычное дело!» – подумала я, по-прежнему глядя на нового гостя.

Проходя мимо нашего стола, он замедлил шаг и повернулся в мою сторону. Словно услышал мои мысли. Лицо у эльфа было вытянутым и красивым какой-то жесткой, сверхъестественной красотой. А глаза... Большие, кошачьи, без зрачков глаза. Они сияли серебристым холодным светом и прожигали насквозь, выжигая разум до горстки пепла. Дикий ужас обуял меня. Голова закружилась, и показалось, что сердце вот-вот остановится.

Эльф подошел ближе, ухмыльнулся и произнес задумчивым тоном:

– Интересно...

Затем круто развернулся и направился в сторону короля. Я по-прежнему смотрела пустым взглядом на танцующие пары. В голове было горячо и пусто, как в выжженной пустыне. Аланда потрясла меня за руку.

– Что с тобой, Елизавета? – вид у нее был озабоченный.

– Ничего, все в порядке. Просто я устала, – ответила я. Рассказывать о своей странной реакции на эльфа я не хотела, – пожалуй, мне стоит пойти спать.

– Да ты же бледнее луны! – воскликнула Аланда, – я провожу тебя. Давай же, Галвин, милый, помоги мне!

Он встал из-за стола и помог мне подняться. Я понятия не имела, какой у меня был вид в тот момент, но судя по всему, неважный, раз они так беспокойно переглядывались между собой.

Я сделала несколько шагов и покачнулась. Галвин вовремя ухватил меня за локоть. Аланда взяла за другой, и они медленно повели меня к выходу. Все вокруг смотрели на нас. Казалось, даже музыка стихла.

«Чудесно, – думала я, – теперь они решат, что я перебрала вина».

Но мне было уже все равно. Я хотела поскорее оказаться в постели, подальше от любопытных глаз. Подальше от королей, Хранителей, дэфора, эльфов. Подальше от этого мира...

Глава 8

Я проснулась от яркого солнца. За окном щебетали птицы, где-то вдалеке журчала вода. Первые секунды я не могла понять, где нахожусь. Но в голову тут же вторглись воспоминания о вчерашнем вечере, утомительном и трудном.

Перед глазами всплыло лицо эльфа, и я поежилась. Интересно, почему на меня так подействовал его взгляд? Или, может, дело было в том, что он заговорил со мной? Либо просто сказало переутомление от всех событий, что произошли за последнее время.

Я глубоко вздохнула и с трудом заставила себя встать с постели. Что делать дальше и куда идти, я не знала. Выходить из комнаты не хотелось. На душе по-прежнему было тоскливо. Остался неприятный осадок после вчерашнего вечера. А тело болело так, словно меня всю ночь били.

Раздался легкий стук в дверь, в комнату вошла молодая женщина.

– Доброе утро, – сказала она, опустив глаза, – мне приказано помочь вам одеться и проводить в обеденный зал.

Возражать я не стала, и женщина помогла мне принять ванну, надеть платье и причесала волосы. После всех приготовлений мы вышли из комнаты, спустились вниз по лестнице, петляя по бесконечным коридорам.

– А кто будет в обеденном зале? – спросила я.

– Его величество, разумеется, – произнесла прислужница с гордостью, – и его свита.

Женщина привела меня в обеденный зал. Если можно было его так назвать. Больше это место было похоже на небольшой, но роскошный сад, расположенный под крышей на мраморных колоннах.

За овальным столом в центре зала сидели король с королевой, его советник, рядом – Моран, Галвин, Аланда и еще несколько человек, чьих имен я не знала.

Очень узкий круг людей для королевского завтрака. Очень. И я в числе приглашенных. Пожалуй, я бы страшно обрадовалась, если бы не было так страшно. Я подошла к столу и остановилась в легком замешательстве, не зная, что делать.

«Раз не знаю, как действовать – буду импровизировать», – решила я и обратилась к королю:

– Доброе утро, ваше величество.

– Приветствую, – протянул король, – понравился ли тебе вчерашний ужин? Я заметил, ты по достоинству оценила наши танцы.

Ну вот, опять. Такое ощущение, что танцы для них – повод для свадьбы, не меньше. Я улыбнулась:

– Благодарю, ваше величество. Мне понравилось все. И яства, и танцы, и приветливые люди, – в этом, конечно, я врала по полной.

Король улыбнулся одними губами и рукой указал на одно из свободных мест. Я села. Аппетита не было совсем. Кофе бы...

Аланда шепотом поздоровалась со мной и спросила, как мое самочувствие. Я заверила ее, что чувствую себя прекрасно. Галвин широко улыбнулся и подмигнул. Я улыбнулась ему в ответ и перевела взгляд на Морана. Он, как всегда, был сдержан и холоден. Хранитель смотрел на меня непроницаемым взглядом. Как обычно. Я вспомнила, как залиvisto он вчера смеялся с той женщиной, и на меня напало раздражение на саму себя. От этого волнение усилилось, я уставилась глазами в стол. Всеобщее молчание затягивалось.

«Что я вообще здесь делаю? – думала я, – что за безумие? Надо как-то сбежать отсюда. Надо что-то придумать».

– Как тебе спалось? – Галвин прервал мои бессмысленные рассуждения.

– Чудесно... Чудесно... – рассеянно ответила я и вновь посмотрел на Морана. («Ну почему я все время смотрю на него? Почему?!»), – а где эльф?

За столом повисла мрачная тишина. Галвин откашлялся и изумленно спросил:

– Э... Какой еще эльф?

– Это шутка такая? – ответила я, – тот, что вчера приходил во время ужина. Высокий, с большими сверкающими глазами.

Все уставились на меня. Пора бы уже привыкнуть к этим осуждающим взглядам. Один из людей короля что-то зашептал ему и Морану.

– Где ты видела его, расскажи, – властным, но тихим голосом сказал Хранитель.

Я посмотрела ему в глаза. В холодные, равнодушные голубые глаза, не выражавшие ровным счетом ничего. Постаралась придать своему голосу непринужденный тон:

– Он вошел в зал незадолго до того, как я ушла. Направлялся прямо к столу, где сидели вы, ваше величество, – я криво улыбнулась королю.

– Говорил ли он с кем-нибудь? – требовательно спросил Хранитель.

– Со мной, – ответила я и тут же поняла, что не следовало говорить об этом. Многие за столом ахнули, некоторые взирали на меня, так словно я была самым страшным в мире чудищем.

– Что он сказал?

– Да ничего особенного. Проходя мимо нашего стола, он остановился, посмотрел на меня и сказал: «Интересно!» И все...

– Все? – переспросил король, – больше он ничего не добавил?

– Нет, – ответила я, – «Интересно». Одно слово. И все.

Казалось, даже птицы слушали наш разговор. Настолько притихшими и внимательными были все за столом. Вид у многих был потрясенный. Мне это нравилось все меньше и меньше. Похоже, я сказала что-то неприемлемое...

– Ты говорила что-то про его глаза, – произнес Моран металлическим тоном. В этот раз я не решилась взглянуть на него.

– Да, – ответила я, – глаза у него большие и вытянутые, как у кошки. И без зрачков. Что-то среднее между белым и серебристым. Они сияли. Словно из глаз струился свет. Ну а после я удалилась в свою комнату.

Я решила не упоминать, что этот эльф напугал меня до такой степени, что по коже мурашки бегали.

– Ответь, откуда ты знаешь, что это был эльф? – спросил король, – разве в твоём мире есть эльфы?

– Нет, в нашем мире эльфов нет, – ответила я, – так же, как нет магии и королевств. Но у нас есть много преданий и сказок об эльфах и феях. О них написано много книг, а читать я всегда любила.

– Но как ты определила, что это увидела именно эльфа?

– Благодаря описаниям, что читала в книгах. Высокий рост, светлые длинные волосы, заостренные уши, невероятная красота.

Атмосфера за столом становилась все более мрачной. Некоторые взволнованно перешептывались между собой. Я пыталась прислушаться, о чем все шепчутся, но не понимала ни слова. Король что-то вполголоса говорил Морану. Он в ответ кивал и изредка бросал на меня взгляды. В его глазах читалась тревога... Что-то было явно не так.

«Тебе следовало молчать», – сказал внутренний голос. Я не могла не согласиться.

– Откуда ты так хорошо знаешь наш язык? – раздался чей-то грубый голос.

Я посмотрела на его обладателя. Толстый и низкорослый человек сидел левее Галвина. Он вперился в меня маленькими серыми глазками, в которых читались неприязнь и отвращение.

– Меня уже много раз спрашивали об этом, – спокойно ответила я, стараясь не замечать его злобный оскал, – я не знаю. Ваш язык я не учила. Он просто появился во мне, словно я с самого рождения разговаривала на нем.

Толстяк брезгливо сморщился и обратился к Морану:

– Хранитель, при всем моем уважении... Но почему это, – он указал на меня пальцем, словно я была каким-то мерзким насекомым, – сидит среди нас? Разве не следует держать ее подальше от людей, пока не выяснится, что она такое? Как можем мы верить ее словам? Она может быть кем угодно. Лгуньей, предательницей, затаившимся врагом! – толстяк уже размахивал руками, переходя на визгливый крик, – и даже если она на самом деле пришла из другого мира, то она – порождение зла! Чистое зло! Ведь только злобное отрепье могло увидеть эльфийскую мерзость!

– Довольно! – прервал его король и обратился к Морану, – Хранитель?

Моран ответил толстяку, не меняя своего обычного выражения лица:

– Это человек, Парек. Такой же, как ты и я. Она не лжет. Это все, что тебе следует знать.

Остальное я буду обсуждать только с королем.

Меня охватило оцепенение. Я переводила взгляд с Морана на толстяка и обратно. Они обсуждали меня так, словно я была некой причудливой зверюшкой, диковинкой, и моя жизнь зависит от их прихотей и суждений!

«Порождение зла»? Я?

«Она не лжет», – эхом раздавались в моей голове его слова.

Они изучают меня, наблюдают за мной, как ученые наблюдают за подопытными крысами. И на что я могла надеяться? О чем думала? Две слезинки предательски скатились по щеке, упав на белоснежную скатерть. Я быстро вытерла щеки и решительно встала.

– Ваше величество, благодарю за чудесный завтрак и ваше радушие, но я уже сыта, – мой голос дрогнул, но я взяла себя в руки и выдавила из себя улыбку, – вы не будете возражать, если я оставлю вас?

Король холодно кивнул. Путь от стола до выхода казался бесконечно длинным. Десятки глаз жгли мою спину. И пара голубых, холодных глаз. Ну почему, почему это стало так важно для меня? Я выпрямила спину и подошла к выходу.

Главное, сохранять спокойствие. Но как только я оказалась в коридоре, скрытая от любопытных глаз, тут же перешла на бег.

Какое-то время я бесцельно слонялась по саду. Через несколько часов вернулась в комнату и стала нарезать круги по комнате. Меня терзали злость, обида, горечь и бессилие что-либо изменить.

Пытаясь успокоить нервы, я схватила первый попавшийся предмет в руки – расческу, что лежала на столике у кровати, и принялась яростно расчесывать волосы.

Раздался стук в дверь, и безо всякого разрешения в комнату вошел Галвин, смущенный и улыбающийся.

– Интересное занятие? – он указал на расческу, – я знаю, чем тебя отвлечь. Хочешь, покажу тебе одно место?

Я согласилась, и Галвин привел меня в картинную галерею. Она отличалась от наших. Хотя бы тем, что картины плавали в воздухе, некоторые просто висели неподвижно.

Мы прошли несколько шагов вперед, и он подвел меня к одному из портретов. На нем была изображена печальная женщина.

– Хорошая работа! – рассеяно сказала я, оглядывая зал, – а пойдём вон тот пейзаж посмотрим.

Я потянула его за рукав в сторону другой картины.

– Погоди! Разве ты ничего не замечаешь?

– Нет, – искренне ответила я.

– Вглядишься, – он подвел меня ближе к портрету, – эта женщина очень похожа на тебя.

Я пригляделась. Сходства, на мой взгляд, было мало.

– Галвин, может, и эта дама и похожа на меня, но лишь в общих чертах. Разрезом глаз, пожалуй. И только, – ответила я.

Я еще раз взглянула на изображенную женщину, на ее нарисованные глаза, которые вовсе не были похожи на мои. И внезапно все поплыло перед глазами.

– Что-то... мне... не... – просипела я и, разом потеряв все силы, упала на пол.

Галвин подбежал и подхватил меня. Голову пронзила тупая, ноющая боль. Глаза заслезнились, зрение утратило остроту, а с горла хлынула какая-то жидкость. То ли слюна, то ли кровь. Стало жарко, очень жарко! Мне казалось, я горю, я сгораю изнутри.

Жидкость все текла и текла из моего рта, по шее и груди. А я думала о том, что испортила такое чудесное платье. Все плыло, летело и плясало перед глазами. Все вокруг горело, и я горела. Горела, затапливая своей слюной и кровью свое же платье.

Издали, подобно отзвукам эха, я услышала голоса. Голос Галвина. Он звал меня по имени, а потом так громко прокричал: «Хранитель!», что головная боль усилилась в сотни раз и разорвалась на мелкие осколки.

Я пыталась сказать Галвину что-то про платье и про то, что меня надо бросить в воду, чтобы потушить огонь во мне. Но язык не слушался, я позабыла все слова, которые когда-либо знала. В голове появлялись разные образы: забрызганное кровью и слюной платье, фонтан с холодной водой, пылающий огонь, женщина на портрете...

Больно... Больно!

И его лицо...

– М... Моран ... – кажется, прохрипела я и погрузилась в горячую тьму.

Глава 9

Я плавала в огне и боли. Голова болела. Тело горело. Но будто бы чуть меньше. Иногда я приходила в себя и слышала, как какие-то люди ходят рядом и тихо переговариваются. Глаза я не открывала. Боялась. Что будет больно, и что огонь вспыхнет с новой силой. В темноте спокойнее. Плыви себе и плыви... Я снова впадала в забытие, а там было еще приятнее...

– Что это может быть? – услышала я чей-то баритон над головой.

– Щетка для волос, – ответил знакомый голос, – она расчесывала ей свои волосы, когда я пришел.

– Жестокий способ. Он приносит жертве страшные муки.

– У нее есть шанс?

И я снова уплыла в темноту и забвение... Изредка тело прорезала боль, меня вновь охватывал огонь и нещадно пожирал.

Порой в пылающую черным огнем темноту проникали чьи-то голоса. Они звали меня, требовали вернуться... Но зачем?

Я плыву в темноте. Мне больно, очень больно. Я умираю... Умираю...

И слова...

– Нет! – чей-то голос врывается во тьму, – открой глаза!

Чей-то властный, чей-то знакомый голос... Я была рада его слышать и не рада. Не открою глаза. Я плыву в темноте... Я хочу умереть, потому что мне больно, и я горю...

Внезапная прохлада пронзила горячую тьму. Голубой свет манил меня издалека, звал, настойчиво и властно... Глаза, голубые, холодные сияли в темноте. Надо идти к ним... Идти к свету, к спасению...

И снова темнота.

А затем яркая вспышка света... Нет, не света, огня! Адского пламени! Я в аду! Я горю! Я слышу, как трещат мои кости, и плавится кожа...

...И чей-то далекий голос, идущий из запредельных глубин, позвал меня по имени. Не властно. Просто позвал. Будто просил. Этот голос...

– М-м-м... Моран... – то ли выдохнула, то ли прохрипела я, – ты спас меня?

И совсем рядом, у самой щеки, его голос, спокойный и твердый:

– Да.

Я улыбнулась. И в этот раз упала в свет.

Когда я пришла в сознание, то увидела возле кровати колченогий столик с банками, флаконами, зельями, книгами. Высокий худощавый мужчина в темно-синем одеянии склонился надо мной. Он проверил мой пульс, затем внимательно осмотрел глаза и лицо.

– Хорошо... Хорошо, – бормотал он, – вы меня видите?

Я кивнула и попыталась спросить, сколько была без сознания, но он жестом прервал меня:

– Для начала вам следует немного поесть и выпить это, – он протянул глиняную чашу с каким-то отваром. Я с трудом выпила его, преодолевая головокружение и тошноту. После того, как поела супа и выпила еще какой-то настойки, наконец, почувствовала, что могу говорить.

– Спасибо, – произнесла я слабым голосом. Лекарь скупо улыбнулся, – сколько я пролежала так?

– Около пяти дней.

– Пять дней! Но что... что это было? – спросила я и непроизвольно коснулась своей головы. И только в этот момент заметила, что на голове у меня повязка. Вся голова была перебинтована узкими полосками ткани.

– Что?.. – прошептала я, трогая голову.

– Яд, – флегматично ответил лекарь, – в щетке для волос было смертоносное количество яда, часть которого скопилась в ваших волосах и неизменно убила бы, несмотря на все наши старания.

В голову пришла внезапная догадка.

– Вы остригли мне волосы? – спросила я.

– Не совсем, – неожиданно весело ответил он, – часть волос выпала уже к вечеру первого дня, а остальное просто сбрили.

«Я лысая», – равнодушно подумала я. Лысая... Зато живая. Это было главным. Слабая, еще с трудом шевелившая конечностями, но живая.

– Хранитель? – спросила я, – можно ли его позвать?

Лекарь с интересом посмотрел на меня и нахмурил лоб.

– Хранителя нет во дворце, – сухо ответил мужчина.

– Ясно, – промычала я, – а Галвин?

– Я уже послал за ним, скоро он придет. Юноша очень волновался за вас.

Я замолчала и прикрыла глаза, пытаюсь осмыслить услышанное. Кто-то пытался отравить меня. Но кто? Кому это понадобилось?

«Да кому угодно», – угрюмо шепнула интуиция.

Верно. Это мог сделать даже тот толстяк, что кричал и тыкал в меня пальцем во время завтрака. Это мог быть любой из тех, кто сидел на пиру и косился на меня. Любой, кто считал меня мерзким и недостойным жизни существом.

Мои размышления прервал скрип двери. В комнату вбежал Галвин. Он в два рывка преодолел расстояние от двери до кровати, сел на край кровати и сжал мою руку.

– Хвала небесам, ты очнулась! – сказал он и, как обычно, улыбнулся.

Порой мне казалось, что девиз Галвина: «В любой непонятной ситуации – улыбайся. И в понятной тоже».

– Что? Что произошло? – спросила я, – лекарь говорил про какой-то яд...

Галвин бросил на мужчину гневный взгляд.

– Об этом позже, – сказал Галвин, – сейчас важно то, что ты пришла в сознание. Как ты себя чувствуешь?

Чувствовала я себя плохо. Меня мучило, кружилась голова, а еще было невыносимо тоскливо. Хотелось увидеть Морана. Но его здесь не было. И лишь Галвин, как настоящий друг, был рядом и смотрел с искренним волнением. И о чем я думала? Я слабо улыбнулась и произнесла:

– Ну... Теперь я лысая.

– Тебе пойдут платки, – сказал Галвин, – в нашем мире есть женщины из далекого королевства, которые специально бреют головы.

– Они воительницы?

– Скорее, отшельницы. Я дам тебе почитать книги о них, когда ты будешь полностью здорова.

Он был таким добрым, таким искренним. Он был хорошим другом.

– Спасибо тебе. Спасибо за все, – сказала я и сжала его руку.

Вдруг в воздухе заискрило, все пространство на секунду озарилось светом, и у подножия кровати появился Моран. Выглядел он несколько потрепанным и изнуренным.

Хранитель взглянул на меня, улыбнулся, сделал пару шагов. Его взгляд упал на мою руку, которую по-прежнему сжимал Галвин. Улыбка сползла с лица Морана, и он принял свое привычное, каменное выражение лица.

В комнате повисла тишина.

Я открыла рот для приветствия, но Галвин опередил меня, вскочив на ноги, и воскликнул:

- Хранитель! Ты явился раньше! Надеюсь, все прошло успешно?
- Вполне, – ответил Моран и взглянул на меня, – я вижу, что ты пришла в себя...
- Да, – перебила я его, – и мне кажется, что ты...
- Тебе не стоит сейчас много говорить, – прервал он меня, – набирайся сил.

Моран положил на мой лоб ладонь, теплую, твердую. Приятное тепло и спокойствие разлились по всему телу.

– Спи... – тихо и властно сказал он и еле слышно добавил, – я рад, что ты жива.

– А я рада, что ты здесь, – то ли прошептала, то ли подумала я и погрузилась в спокойный и глубокий сон.

Сны были мягкие и тягучие, как сладкий зефир. Мне снился Хранитель, он улыбался мне невероятной улыбкой, которую я никогда прежде. Моран протягивал мне руки, я бежала, смеясь, к нему и никак не могла приблизиться. Затем все потемнело, и черноту разрезали светящиеся миндалевидные глаза. Эльф с пира смотрел на меня, и повсюду раздавался его голос: «Интересно... Интересно... Интересно...» Голос становился все громче, а интонация все мрачнее.

– Моран! Моран! – звала, кричала я во тьме, – спаси меня! Моран!

Но его нигде не было. Я расплакалась и, вздрогнув, проснулась.

Розовый свет с окна падал на лицо, а возле кровати стоял он, Моран, плотно сжав губы.

Хранитель хмурился и молчал. Некоторое время я непонимающе озиралась по сторонам, затем стала внимательно изучать свои ладони. Я поняла, что чувствую себя лучше: голова не болела, меня не мучило, остались лишь слабость и лютей голод.

И появилось еще кое-что. Необъяснимое желание подняться сию же минуту и бежать, бежать без оглядки, подальше от этого замка, этого розового света и даже от него. От этого хмурого мужчины, к которому меня и тянуло, но он же меня и пугал. Чем? Я не знала.

– Я хочу есть, – сказала я, – а после уехать отсюда... Подальше.

– Тебе принесут ужин, – ответил Моран.

– Не стоит. Я могу сама встать и отправиться на кухню... Кстати, где здесь кухня? – сказала я.

– На кухне едят лишь слуги. Не пристало...

– Мне пристало, – оборвала я его и вздохнула, – я не являюсь ни высокородной, ни слугой. Я – никто. Здесь, по крайней мере. Так что кухня – вполне подходящее место.

Моран нахмурился еще сильнее.

– Хорошо. Хочешь на кухню – пойдешь туда. Но уехать отсюда пока не получится. Король и его советники хотят задать тебе несколько вопросов, – сказал он немного раздраженным голосом.

Мне не понравилась интонация, с которой он это произнес. Что-то подсказывало, что это будет не самая приятная беседа.

– И о чем меня будут спрашивать? – спросила я.

– Это будет касаться покушения на твою жизнь. И еще кое-о-чем, – раздражение в его голосе усилилось.

– Об эльфе, – пробормотала я и зачем-то добавила, – он мне снился.

Моран изменился в лице и наклонился ко мне.

– Когда? – резко спросил он.

– Сегодня... Сейчас. Незадолго до моего пробуждения. Во сне я видела его лицо и слышала те слова, что он сказал мне в тот вечер. Думаю, я все еще под впечатлением от того вечера. А еще... – я замолчала, глубоко вдохнула и на выдохе продолжила:

– А еще мне снился ты.

Больше ничего говорить я не стала и уставилась в его глаза. Мы молча смотрели друг на друга бог знает, сколько времени. Мысленно и взглядом я рассказывала ему свой сон, как звала, как бежала к нему. А он...

– Я догадался, – сказал он вслух, и лицо его прояснилось, – я услышал твой зов. А когда появился в твоей комнате, ты еще спала, вот и я решил...

– Хранители могут чувствовать чужие сны с их участием? – спросила я. Такая перспектива меня не очень радовала.

– Нет.

– Тогда почему? – спросила я. Меня это взволновало, но я стремилась не подавать вида.

– Не знаю, – тихо ответил Моран, – это необъяснимо. Так же, как и твое появление здесь.

– Наверное, это эмпатия, – сказала я, произнеся последнее слово на своем родном языке.

– Что это значит? – спросил он.

– Эмпатия – слово из моего мира. Способность ощущать эмоции и чувства других людей, а также их настроение. Особенность некоторых людей – никакой магии, – улыбнулась я.

– В нашем мире с этим не согласились бы. У нас есть люди, которые умеют чувствовать настроение других существ. Таких немного, и я не отношусь к их числу. Чувства и мысли окружающих можно прочесть и без волшебной способности. В этом смысле я больше полагаюсь на разум и жизненный опыт.

– Другого ответа от хранителя я и не ожидала, – ответила я, непроизвольно растягивая губы в улыбке, – и все-таки. Может, ты меня услышал, потому что я каким-то образом передала тебе часть своих мыслей? Часть своих будущих снов? При прикосновении... или еще как-то?

– Возможно, – медленно произнес он, – но, в таком случае, это будет первый случай в истории.

– Уникальный, – улыбнулась я, – как и все произошедшее со мной.

– Уникальный... – тихо повторил он, глядя мне в глаза.

В его взгляде я увидела нечто такое, отчего внутри у меня все задрожало и, каждая клеточка тела пришла в танцующее движение. Его взгляд не был взглядом заинтересованного мужчины, в этом взгляде не было ни желания, ни влечения – ничего такого... Но в нем был свет. Какой-то удивительный, мягкий свет, от которого по телу разлилась радость. Я не могла, да и не хотела говорить. Моран тоже молчал. Казалось, мы даже не дышали.

А затем он моргнул, слегка вздрогнул и произнес обычным сдержанным тоном:

– Твой сон можно будет обсудить позже, когда вернемся в Цитадель. Мне пора. Будь готова к завтрашней встрече с королем. За тобой придут.

– Постой! – сказала я, – не уходи. Нашли ли того, кто пытался отравить меня?

– Нет.

– Но есть хотя бы какие-то догадки, кто мог это сделать?

Моран нахмурился и молча покачал головой. Затем резко развернулся и вышел из комнаты.

Через какое-то время я нашла в себе силы подняться и отправиться на поиски кухни. Там меня встретили несколько человек, в том числе совсем юные повара в огромных колпаках.

При виде меня дети разбежались в разные стороны. Сначала я решила, что их напугал мой вид: худющая, бледная, с перевязанной головой и потрескавшимися до крови губами. Но затем заметила, что и взрослые поглядывали на меня с опаской. Они избегали моего взгляда, на все вопросы отвечали отрывисто и односложно. И все время переглядывались между собой, пока я ела кашу с топленым молоком. Мне были не рады.

После я отправилась в купальную комнату. Мытье оказалось непривычно быстрым. Отсутствие волос явно сэкономило время. Я обтерлась хлопковым полотном и посмотрела в зеркало. Худая, бледно-желтая, лысая... Я выглядела ужасно. Без преувеличения. Ну и к черту! Поскорей бы вернуться в Цитадель света, а потом...

«А что потом?» – спросил мой внутренний голос.

Я замерла. Меня пугал этот вопрос. Потому что я не знала. «Потом» можно искать ответы и возможности вернуться домой. Либо привыкать и остаться здесь. Оба варианта одинаково страшили и тревожили.

Я не была уверена, что хочу назад, так как всю свою жизнь чувствовала себя там чужой. В чужом месте, в чужой жизни. Но и этот мир не принимал меня, для него я была еще более странной и инородной, чем для своего. К чему стремиться? Куда двигаться? Я не знала. Потом – будет потом. «Буду решать проблемы по мере их поступления», – подумала я и отправилась спать.

Глава 10

Следующим утром, легко позавтракав, я начала приготовления к предстоящей беседе. Не без труда надела простое платье с закрытым воротом, стремясь хоть как-то скрыть худобу. На голову повязала расшитый цветами платок, который обнаружила в шкафу. Наверняка, Галвин позаботился об этом. Несколько раз умывала лицо ледяной водой, чтобы немного придать румянца щекам. Тщетно. Вид у меня был изнуренный и больной. Махнув рукой, я села в кресло и принялась терпеливо ждать, когда кто-нибудь явится за мной.

Через десять минут пришел угрюмый мужчина и молча провел в зал, где меня уже ожидали.

Это помещение разительно отличалось от остальных. В нем было всего одно окно, и потому там стоял полумрак. Горело несколько свечей, что добавляло большей мрачности. Да и лица людей не выражали никаких теплых эмоций. Они сидели за овальным столом. Король, его советник Пролан, тот самый, что хотел моей смерти при первой же встрече, Моран и женщина с вытянутым лицом. К ним присоединился тот, что меня привел. Все они молча взирали на меня. Я смутилась и тихо сказала:

– Доброе утро, ваше величество, Хранитель...

Голос мой дрожал. Сесть мне никто не предложил, поэтому я так и осталась стоять, крепко сцепив руки. Первым заговорил Пролан:

– Некоторое время назад ты обмолвилась, что видела эльфа со светящимися глазами. Верно?

– Да.

– Кто рассказывал о тебе о них? – спросил он.

Я вздохнула и попыталась кратко объяснить, что читала об этом в книгах в моем мире. Некоторое время они молчали. Затем Пролан вновь заговорил:

– А в ваших книгах ты читала что-либо о светящихся глазах, которые так тебя поразили?

– Нет, – ответила я, крепче сцепив руки, – не помню...

Он вышел из-за стола и прошелся по комнате. Прямо-таки прокурор во время судебного заседания.

– Может, кто-то из нашего мира рассказывал тебе об этом? – сказал он, остановившись напротив меня.

– Нет. Со мной, в принципе, немногословны здесь, – я попыталась улыбнуться. Не очень получилось. Все происходящее больше напоминало допрос, чем простую беседу. И я совсем не понимала, в чем же была виновата.

– А не могла ты придумать эту историю, чтобы привлечь к себе внимание? – с насмешкой спросил Пролан, внимательно изучая мое лицо.

На мгновение я онемела от возмущения и почувствовала, как загорелись щеки.

– Что?! – воскликнула я, – чего-чего, а внимания здесь у меня в избытке! Я ничего не выдумывала, это полная чушь!

– Ты оскорбляешь советника короля, милочка! – взвизгнула женщина с вытянутым лицом.

Я с изумлением посмотрела на нее. Что она несет?

– Я не... – начала было я говорить, но она прервала меня, раздраженно взмахнув рукой.

– Ты только что сказала, – с ехидной улыбкой произнесла она, – что Пролан сказал чушь.

Что ты имела в виду? Что он лжец? А, может быть, глупец?

Я растерялась и все же ответила:

– Я не имела в виду ни того, ни другого. У меня не было цели оскорблять кого-либо.

Женщина усмехнулась и произнесла высоким противным голосом:

– И все-таки твои слова говорят об обратном...

– Достаточно! – неожиданно для меня произнес Моран и посмотрел на женщину, – Элайя, разве ты не видишь в каком она состоянии? Она еще не пришла в себя после отравления. Не стоит искать тайный смысл в ее словах.

Он повернул голову и обратился ко мне:

– Присядь.

Никакого света в тот момент в его глазах не было. Пугающий и властный, вот какой он был. Но все-таки Моран заступился за меня.

Я села. Пролан продолжил свой допрос. Иначе назвать это действие было бы просто глупо.

– Кто отравил тебя? – спросил он и снова принялся шагать по комнате.

Мне стало смешно. Просто театр абсурда! Еле сдерживая смех, граничащий со слезами, я ответила:

– Я не знаю.

– Откуда у тебя взялась щетка для волос? – Пролан остановился и встал рядом со мной.

– Я не знаю, – стараясь сохранять спокойствие, ответила я.

– Почему именно ей ты воспользовалась, хотя у тебя были другие? – голос Пролана становился громче.

– Я не знаю.

Он подошел еще ближе и наклонился к моему лицу. Глаза его горели недобрым огнем.

– Как ты попала в наш мир? – громко произнес Пролан, – кто привел тебя?!

– Я НЕ ЗНАЮ!

Он отошел на несколько шагов назад и усмехнулся.

– Успокойся, – приказным тоном сказал советник.

Я вскочила со стула, меня пробирала мелкая дрожь. Все происходящее казалось безумным бредом.

– Послушайте, – начала я говорить, – я не имею никакого понятия, как оказалась здесь. И меня это не радует так же, как и вас. Я нахожусь в чужом мире, где мне нет места, в мире, где все смотрят на меня, как на уродца. Я не знаю, как мне вернуться домой, и смогу ли я когда-нибудь сделать это. А еще больше недели назад кто-то хотел меня убить, и я чуть не умерла. Кстати, это было больно! Почему бы вам не заняться поиском настоящего преступника вместо того, чтобы допрашивать меня так, словно это я совершила тяжкое преступление. Но в чем моя вина? Объясните! Объясните же!

Я замолчала, так как чувствовала, что если скажу еще слово, то просто расплачусь от гнева и бессилия. Я обвела взглядом сидящих за столом и уставилась в крошечное окно.

Улететь бы куда подальше... Свободы. Мне хотелось свободы. Я поняла, что по-прежнему являюсь пленницей, просто темница сменилась. Поток моих бессвязных мыслей прервал его голос. Голос Морана:

– На самом деле, кое-какие подозрения в твоей вине есть.

Я замерла, по-прежнему глядя в окно немигающим взглядом. Я моргнула, и две слезинки скатились по лицу.

– Скажи ей, Хранитель, – с придыханием сказала Элайя, – посмотрим, что она на это ответит.

Я украдкой вытерла слезы и взглянула прямо ему в глаза.

– И правда, скажи, – тихо сказала я, – в чем моя вина?

Он переглянулся с королем и произнес, отчетливо проговаривая каждое слово:

– Эльфы действительно существуют в нашем мире. Но многие годы мы не поддерживаем никаких отношений. На это есть причины. Почти все они выглядят именно так, как ты описала.

За исключением глаз. Светящиеся глаза – признак самых высокородных и могущественных эльфов.

– И что же в этом такого? – слишком резко спросила я.

– А то, – ответил Моран, не глядя на меня, – что при желании они могут становиться невидимыми и оставаться зримыми лишь для тех, кто с ними скреплен печатью. Или сговором.

Я все еще не понимала.

– Даже если так, – громко произнесла я, – то что же в этом преступного?

– Хранитель выразился слишком мягко, – вставила Элайя, – наши расы не просто не поддерживают отношения. Наши расы – злейшие враги, которые лишь несколько десятилетий, как не воюют.

– Но это временно, – сказал Пролан.

– Да, как и всегда, – со странной улыбкой ответила Элайя.

Несколько секунд я переваривала услышанное. Одно дело – быть чужестранкой, пришедшей из другого мира. И совсем другое – потенциальной изменницей.

Я почувствовала резкую слабость и села на стул. Господи, что же это такое? Я молчала. Говорить больше не хотелось. Вообще. В памяти внезапно всплыли слова травницы Мэнни. «Держи язык за зубами», – говорила мне она. Ох, ну почему я не запомнила этот совет? Тогда бы точно умолчала об эльфе. Но уже поздно. Все слова сказаны, и меня считают предательницей. Союзницей их злейшего врага. По крайней мере, понятно, почему меня хотели отравить. У меня появился новый вопрос:

– Если так, если вы считаете меня виновной, то почему не позволили мне умереть? Зачем нужно было исцелять меня от яда?

– О! – произнесла Элайя, – да потому, что кое-кто не верит, что ты в сговоре с эльфом. А некоторые убеждены, что ты сделала это сама, когда поняла, какую ошибку совершила, рассказав всем про эльфа. Либо тебе приказал сделать это твой хозяин...

«Ужас... Ужас», – мысленно повторяла я.

Мне казалось, что я попала в очередной безумный сон. Все их обвинения, все их доводы были безумны. Но не лишены при этом логики. Меня посетила ужасающая мысль: если они вылечили меня от яда, будучи при этом убеждены в моей виновности... То, следовательно, приготовили для меня более страшное наказание. Более мучительное. Которое они исполнят сразу же после того, как вытянут из меня все подробности.

Чем больше я смотрела в их лица, тем сильнее убеждалась в своей правоте. Мне следовало защищаться, каким-то образом опровергнуть все их обвинения, какими бы абсурдными они ни казались. Довольно быть слабой и плаксивой. Я глубоко вдохнула, выдохнула и произнесла:

– Я согласна, что ваши обвинения логичны и не лишены смысла.

При этих словах Элайя громко цокнула языком и усмехнулась. Я продолжила говорить, стараясь не обращать внимание на ее сарказм:

– На вашем месте я бы думала так же. Но правда в том, что я не виновата. Я никогда не видела этого эльфа до того вечера. Я не была и не нахожусь ни с кем в сговоре. Если бы это было так, стала бы я так беспечно говорить во всеулышание о том, что видела эльфа?

– Да ты просто тронулась умом при перемещении в наш мир, – перебила меня Элайя, – вот и начала болтать о своем хозяине.

Я проигнорировала ее слова и продолжила твердым голосом:

– Кроме того, я не стала бы убивать себя при помощи яда, и никаким другим способом. Мне слишком дорога моя жизнь. Я не знаю, как доказать свою невиновность... Моя вина лишь в том, что я сижу здесь, хотя должна находиться в другом месте, в другом мире. Я попала сюда не по своей воле. И понятия не имею, как оказалась здесь! И почему увидела этого эльфа, тоже

не знаю! Клянусь, я никогда не видела его прежде. И не вступала ни с кем в стговор. Я на такое просто не способна.

Я выдохнула. Плакать не стала. Может, позже, но в тот момент я была больше злой, чем печальной. Элайя что-то шептала Пролану, тот кивал и хмурился, затем он наклонился к королю и что-то ему сказал. Король же обратился к Морану и сказал тихо, но так, чтобы всем было слышно:

– Может, пришла пора подвести ее к зеркалу и дать камень?

– Не думаю, что зеркало что-то покажет, – сказал Моран, – к тому же мой человек опрашивал ее с помощью кинжала истины.

Я, не отрывая глаз, следила за обоими. О каком зеркале и камне шла речь? Мы встретились взглядом с Мораном.

«Вот сейчас я точно зареву, как глупая девчонка», – подумала я и жалко улыбнулась ему. Сама не зная, зачем. Это вышло непроизвольно. Неожиданно он улыбнулся мне в ответ – на доли секунды уголки его рта поднялись вверх, а у глаз образовались тонкие морщинки. На доли секунды. А после он вновь принял мрачное выражение лица. Но этого вполне хватило, чтобы появилась маленькая искорка надежды.

– О, Моран, – сладко улыбаясь, перебила его Элайя, – ты всегда был идеалистом...

– Но раз Ваше Величество желает, – повысил голос Моран, – я проведу ритуал с зеркалом.

Король кивнул и обратился ко мне:

– Ступай.

Я неловко кивнула и направилась к выходу.

«Разве можно ее так просто отпускать? Ее следует заточить!» – услышала я визгливый голос Элайи за своей спиной.

Что ей ответили, я не расслышала – входная дверь за мной уже закрылась. В коридоре было тихо и безлюдно. Страшно хотелось в сад, на воздух, но что-то подсказывало, что лучше поспешить в свою комнату. Точнее, в камеру. Самую комфортную камеру в мире.

Глава 11

Остаток дня я провела в своих покоях. Я то ходила по комнате быстрыми шагами, то замирала у окна и смотрела на порхающих бабочек.

Несколько раз заставляла себя уснуть, но тщетно. Кружилась голова и снова тошнило. Я не знала, отчего именно: от яда ли, или от волнения.

Мне то хотелось сбежать сию же минуту, то сделать вид, что ничего не случилось. Ко мне никто не заходил, и никто не принес еды. Я сидела голодная, нервная, дерганая и слабая, когда дверь открылась, и вошел Моран. Он кивнул мне и сказал:

– Сегодня мы отправляемся в Цитадель.

– Где будут проводить какой-то ритуал с зеркалом? – усталым голосом спросила я.

– Да, к тому же твои слова проверят на искренность, – ответил он.

– Что это за зеркало такое? – сказала я и вперилась в него взглядом.

– Зеркало показывает истинную сущность человека. А также его намерения, – нехотя ответил он, – зеркало не дает скрыть правду.

– Какое чудесное зеркало, – сказала я и опустила на стул. Сил стоять почти не было, – в нашем мире на него был бы спрос. Но раз так, то почему нельзя было сразу отвести меня к этому зеркалу? Для чего нужно было устраивать этот допрос?

Он глубоко вздохнул и произнес:

– Потому что некоторые ритуалы требуют подготовки. Иные же проводятся только в Цитадели. Король не мог отправить тебя на проверку, не услышав мнение советников. А те для начала пожелали тебя опросить.

Моран направился к двери. Прикоснувшись к дверной ручке, он обернулся и сказал:

– Через час Галвин перенесет тебя. Будь к этому времени готова.

– Моран, подожди! – воскликнула я и поднялась на ноги, – вы говорили, что эльф становится видимым для тех, с кем скреплен печатью. Значит, ее можно как-то обнаружить, верно?

– Это так, – сухо ответил Хранитель.

– Так почему бы не проверить меня? – сказала я, подходя ближе к нему, – что для этого требуется? Оголить предплечье, вытянуть руки, закрыть глаза? Проверь меня, даже если это будет больно! Проверь, и ты увидишь, что никакой печати эльфа на мне нет!

Я стояла почти вплотную к Морану, глядя на него с надеждой и странным волнением, готовая к тому, что он положит руку на мой лоб, сотворит какое-нибудь заклинание, или делает еще что-то подобное. Но Хранитель не шевелился. Он отстранился и спокойно произнес:

– Я уже проверял тебя. В первый же день твоего появления здесь. Печати эльфа на тебе нет.

Я почувствовала внезапное облегчение, словно скинула с плеч тяжелую ношу. Улыбнулась и радостно воскликнула:

– Разве это не доказывает, что я невинна?

Моран в ответ не улыбнулся. Он пристально изучал меня с хмурым видом.

– Нет, – сухо вымолвил он, наконец, и вышел, хлопнув дверью.

Я непонимающе уставилась на нее. Улыбка сползла с моего лица. Внезапная радость и облегчение тут же исчезли, не оставив и следа. Злость, обида и что-то еще неясное захлестнули меня.

Через минуту пришел Галвин. Не мешкая, он начертил знаки перемещения, прокричал заклинание, и мы перенеслись в Цитадель.

Я огляделась по сторонам. Стояла глубокая ночь, кругом ни души. Мы сделали пару шагов, как перед нами появились Хранитель и Пролан, окруженные яркой вспышкой света.

Оба тяжело дышали, у Пролана из уха текла кровь. Он повернулся и бросился на меня, хватая за шею.

– Ты, мерзкая тварь! – кричал он и сдавил сильнее мое горло, – это ты, ты все устроила, ты их подозвала!!!

Я захрипела и замолотила руками его по спине и голове, но он лишь сильнее сжал меня и выкрикивал ругательства. В глазах потемнело.

«Вот и смерть моя», – успела подумать я.

Послышались звуки борьбы, все вокруг озарила яркая вспышка красного света и отбросила Пролана в сторону.

– Пролан, ты нарушаешь приказ короля, – холодно произнес Моран, – ее запрещено трогать до того, как мы не выясним всю правду.

Пролан уже поднялся на ноги, и крикнул, гневно глядя на Хранителя:

– Я вершу правосудие! Эта тварь чуть не убила нас, она в сговоре с грязными эльфами. Лучше уйди с дороги, Моран, и дай мне закончить начатое.

– Это не правосудие, Пролан, – спокойно произнес Хранитель, – это самосуд. Ты нарушаешь приказ короля, и ты знаешь, что бывает с теми, кто решился пойти против его воли.

Пролан с отвращением посмотрел на меня, затем перевел взгляд на Хранителя и расхохотался:

– Да ты защищаешь ее, Моран! Она что, твоя девка? Для этого ты держишь ее в Цитадели? – он не прекращал смеяться, – что за жалкое зрелище! А этот сопляк, – он указал пальцем на Галвина, – он тоже ею пользуются, да? На правах любимого ученика?

– Не смей говорить так! – крикнул Галвин и побежал было к Пролану, но Моран магией привязал его на месте, и Галвин не мог сделать ни шага, нелепо размахивая руками.

Пролан все хохотал и хохотал, как безумный. Моран молча взирал на него, ни один мускул на его лице не дрогнул. Он повернулся в сторону Галвина и жестом заставил его молчать. Затем его взгляд обратился ко мне, и на секунду его лицо переменилось. Я взглянула в его глаза, на мгновение мне передались все его эмоции. Волнение. Гнев. И что-то еле уловимое, похожее на... Нежность? Мои глаза удивленно расширились, Моран тут же отвел взгляд и обратился к Пролану:

– Ты оскорбил меня, оскорбил моего ученика, оскорбил мою гостью. Может, ты забыл, с кем говоришь? Я – Хранитель Цитадели света. Ни один король не смеет говорить со мной так. Ты вел себя неподобающе мужчины, – он щелкнул двумя пальцами и добавил, – исчезни.

Воздух прорезал свистящий звук, который все нарастал. Черная масса, появившись из воздуха, направлялась прямо к Пролану. Это были вороны. Сотни огромных черных птиц со сверкающими синими глазами кружили над его головой и били крыльями по лицу и телу.

Миг – и сотни черных клювов обхватили Пролана за одежду, кожу, волосы. Он закричал. Он молил о прощении, он угрожал, он торговался. Но было поздно. Черные вороны подняли его над землей и исчезли вместе с ним, озарив все вокруг красной вспышкой света.

Я ошарашено смотрела в то место, где только что был Пролан. Галвин по-прежнему стоял неподвижно, прикованный магией Морана. Сам же Хранитель медленно подошел ко мне и прикоснулся к шее, туда, где совсем недавно были руки Пролана.

– Боль пройдет, – тихо произнес он.

В этом я не была уверена. Некоторая боль не проходит никогда. Но шея действительно перестала болеть.

– Спасибо, – одними губами прошептала я.

«Если бы ты был просто мужчиной. Просто мужчиной. Не магом, не Хранителем», – думала я, глядя ему в глаза.

Он, словно услышав мои мысли, отпрянул, повернулся к Галвину и освободил его от невидимых пут.

– Хранитель! Куда ты его отправил? – спросил Галвин.

– В низины, – ответил Моран.

– В низины? – встревоженно произнес Галвин, – но, Хранитель! Он же... Он же там погибнет! Мне, конечно, Пролан совсем не нравится. Но все же... Он – один из главных советников короля. Это же пре... – голос его снизился до шепота, – преступление против короля.

– Преступлением было оскорблять меня, – ответил Моран, – за что он и понес наказание. И не волнуйся, Пролан не погибнет там, побродит по низинам день-два, а после вороны принесут его прямиком в столицу.

Я подошла к ним. У меня было много вопросов.

– Что произошло? – сказала я, – почему Пролан набросился на меня?

– Кто-то вмешался в наш процесс перемещения, – не глядя на меня, ответил Моран, – кто-то невидимый. Этот некто вошел в круг и стал перемещаться вместе с нами. Мы обнаружили его только тогда, когда он попытался переместить нас в другое место. Я противостоял ему. Мы зависли в пространстве межвременья.

– Что такое межвременье?

– Во время долгого пребывания в межвременье чары ослабевают. Поэтому постепенно стал появляться силуэт незнакомца. Тогда-то Пролан и набросился на него с кинжалом, между ними завязалась борьба. Пролан ранил незнакомца, тот в ответ полоснул его по уху. Если бы не хаос межвременья, он бы убил Пролана. Он успел сбежать, мы переместились сюда.

– Сбежал из круга перемещения? – удивленно воскликнул Галвин, – но как такое возможно?

– Это невозможно, – сухо ответил Моран, – так же, как и попасть в круг во время перемещения.

– Но кому-то это все-таки удалось, – прошептала я.

Моран резко взмахнул рукой.

– Довольно об этом, – сказал он, – Галвин, отправь послание королю. Сообщи о произошедшем, но без лишних подробностей. Не забудь сообщить, что нам нужен новый наблюдатель вместо Пролана. Невинность Елизаветы до сих пор вопросом.

С этими словами Хранитель ушел, взмахнув полами своего темного плаща.

Мы с Галвином переглянулись.

– Что еще за наблюдатель? – шепотом спросила я.

– Пролан должен был быть им. Наблюдать за тем, как будут проходить ритуалы.

– Что это будут за ритуалы?

– Зеркало. Камень. Сосуд. Сначала тебя подведут к зеркалу. Оно покажет твои намерения и сущность. Затем черный камень вложат тебе в руку. Он заставит тебя говорить только правду. После этого ты отопьешь из сосуда памяти. Он выудит из тебя воспоминания и покажет их тем, кто будет присутствовать при ритуале. К сосуду редко прибегают, так как воспоминания в сознании человека изменчивы и не всегда показывают то, что было на самом деле. К тому же, это очень болезненная и неприятная процедура, – ответил Галвин, – мне очень жаль.

– Почему будут применять сразу три ритуала? Разве не достаточно одного этого камня? – спросила я.

– Пролан настоял на этом, – ответил Галвин, – король поддержал его.

Мне стало страшно. Я совершенно не хотела делиться своими воспоминаниями с кем бы то ни было. И намерениями тоже. Мне совершенно не хотелось, чтобы кто-либо узнал о них. Особенно Хранитель. Особенно.

– Галвин, – сказала я, – а что такое низины? Куда отправил Хранитель Пролана?

Галвин нахмурился и понизил голос.

– Низины – древнее и заброшенное место на краю света, – ответил он, – это место пустоши, сумрака и живых теней. Когда-то задолго до появления нашего королевства, там были

огромные города, которые населяла мудрая раса. Те немногие, кто побывал в низинах и сумел вернуться живым и в здравом рассудке, утверждают, что видели там руины древних зданий и змеистые дороги. Это гиблое место.

– Ты сказал, что Пролан там может погибнуть...

– Да, – со вздохом сказал Галвин, – но Хранитель там не раз бывал и отправил его со своими воронами. Уверен, он позаботился о том, чтобы Пролан там не сгинул.

– Зачем Хранителю бывать в низинах?

Галвин пожал плечами и ничего не ответил. Больше допытываться я его не стала, и мы разошлись по своим комнатам. Остаток дня я только и думала, что о низинах да древних городах. А ночью мне приснились живые тени. Кровожадные и злые.

Глава 12

Следующим утром, когда я сидела за завтраком, дверь в комнату отворилась, и безо всякого разрешения вошел Галвин. Как всегда, он широко улыбался. Все ему нипочём. Мне бы так.

- Доброе утро, – сказал он, оглядывая меня веселым взглядом, – я привел тебе гостей.
- Гости? – недоуменно переспросила я, – это очередная шутка?
- Точнее, гостью, – раздался женский с хрипотцой голос из-за спины Галвина.

А через мгновение в комнату вошла Аланда. Она небрежным жестом сняла с себя пурпурный плащ, стянула перчатки и теперь стояла в роскошном алом платье, усыпанном камнями и кружевами. Одним словом, великолепно.

- Аланда! – воскликнула я, – как же я рада тебя видеть! Но как ты оказалась здесь? Она подошла ко мне и приобняла, обдав ароматом духов.

– А кто мне мог запретить? – ответила она, – я – Аланда Миррен, мое имя кое-что да значит. Галвин, милый, не мог бы ты оставить нас наедине. Сам понимаешь, как женщины любят поболтать о всяких пустяках, вряд ли тебе будет интересно с нами.

Галвин улыбнулся и поцеловал ей руку, сверкая глазами. После вежливо попрощался с нами и вышел из комнаты. Дверь закрылась за ним, и мы остались наедине.

- Как ты оказалась здесь так скоро? – спросила я.
- Меня переместил маг, который служит нашей семье, – ответила она.

– О, разумеется. Об этом я как-то не подумала, – сказала я, – и что же, этот маг живет с вами?

- Нет, конечно, – с улыбкой произнесла Аланда, – он живет со своей семьей. Почему-то стало грустно. Аланда внимательно посмотрела на меня и произнесла:

– Ты думала, что все маги дают клятву? – спросила она. Я кивнула, – это не так. Клятву приносит лишь Хранитель. Остальные маги могут спокойно заводиться семьей. Жену, любовницу, десять любовниц, если захочется. Это не возбраняется. И лишь Хранитель выше этого. Выше семьи, выше любви... Это несправедливо, не так ли?

Я нахмурилась и пристально посмотрела ей в глаза, пытаюсь понять, что ею движет. Она спокойно отвечала на мой взгляд, улыбаясь дружелюбной улыбкой.

- Зачем ты пришла, Аланда? – спросила я, – неужели о магах разговаривать? Она окинула меня оценивающим взглядом.

– Я пришла, потому что хочу с тобой подружиться, – ответила она, – вижу, тебя это удивляет. Далеко не все в нашем мире такие злобные шакалы, как Пролан и эта карга Элайя. Есть и другие. Такие, как я... И как Моран.

Услышав его имя, я непроизвольно вздрогнула. Аланда заметила это и, оглядываясь по сторонам, произнесла более тихим голосом:

- Надеюсь, нас не подслушивают?
- Не знаю, – ответила я, – но не исключаю такой возможности.

Аланда подошла ко мне почти вплотную и зашептала на ухо:

– Послушай, мне абсолютно все равно, видела ты эльфа или нет. Кто-то говорит, что ты можешь быть скреплена с ним печатью. На это мне тоже наплевать. Что-то есть в тебе такое... что расположило меня к тебе. Я хочу тебе помочь. Наверное, потому что когда-то и сама нуждалась в помощи.

- И чем же ты можешь помочь мне? – тоже шепотом спросила я.

– Кое-кто доложил мне, что тебя будут проверять с помощью камня и сосуда. Камень будет мучить тебя болью, если ты соврешь. А сосуд высосет из тебя воспоминания, и ты превратишься в овощ. В безликую тень. Ничто не будет ни радовать, ни волновать тебя.

– Что?!

– Тебя об этом не предупреждали?

– Галвин упоминал об этом вскользь. Но я ничего не знала о воздействии сосуда! Это же ужасно!

– Вот именно! – сказала Аланда, – были случаи, когда после ритуала с сосудом люди начисто лишались воспоминаний. Ты понимаешь, что это значит? Ты не будешь помнить своего прошлого. Ты забудешь всех, кого знала, любила. Ты потеряешь свою жизнь! Тот, кто не имеет прошлого, не имеет и будущего. После такого долго не живут.

– Но что мне делать? – с ужасом спросила я.

– Я слышала, что ритуал с сосудом памяти могут отменить, если первые два ты пройдешь успешно. Зеркало – меньшее зло. А вот камень...

– И что же с ним не так?

– С ним все в порядке. Но любую твою ложь, которую обнаружит камень, Пролан расценит как повод для сомнений. А после этого он с радостью будет выуживать с тебя воспоминания, до тех пор, пока твое сознание не станет пустым.

– Но я не боюсь этого камня, – ответила я, – я намерена говорить только правду. Это в моих же интересах.

Аланда посмотрела мне в глаза и хитро улыбнулась уголками губ.

– Не сомневаюсь, – шепотом ответила она, – но что, если Пролан спросит тебя о Хранителе? Ты не думала об этом?

Я раскрыла рот и тут же закрыла. В первую секунду захотелось прикинуться дурочкой и сделать вид, что я не понимаю, о чем она говорит. Но, поразмыслив, я поняла, что это бессмысленно. Аланда давно раскусила меня.

– Пролана не будет, – спустя долгое молчание ответила я.

– Это не имеет значения. Даже если наблюдателем будет другой человек, он в любом случае будет из шайки Пролана. И будет задавать те вопросы, которые интересны Пролану.

– Но при чем здесь Хранитель вообще? – выпалила я и тут же понизила голос, – зачем им спрашивать меня о нем?

Аланда усмехнулась и покачала головой.

– Неужели ты думаешь, – произнесла она, – что только я одна заметила, как вы смотрите друг на друга?

Мое сердце бешено забилося.

– И как же мы смотрим друг на друга? – с волнением в голосе прошептала я.

– Как на самое желанное и недостижимое сокровище в мире, – уже без улыбки ответила Аланда.

– Тебе просто показалось, – ответила я, – он не может смотреть на меня так.

– При этом ты ни слова не сказала о себе, – задумчиво произнесла Аланда.

Я вздохнула и прикрыла глаза рукой. Оговорила. Я должна была сказать: «Мы». «Мы не можем смотреть так друг на друга». Выдала себя с головой. Аланда мягко убрала мою руку и взглянула в глаза.

– Послушай, – произнесла она, – я не осуждаю тебя. Я тебе сочувствую.

– Спасибо. Так что же мне делать? Говорить правду? Даже если будут спрашивать о глубоко личных вещах?

Аланда хитро улыбнулась.

– Вовсе нет, – сказала она, – ты должна попытаться обмануть камень.

– Но как такое возможно?

– Говори завуалировано. Так, чтобы это было правдой, но никто бы не понял истины. Не давай односложных ответов. И перед ритуалом выпей это.

Она сунула руку в расшитый жемчугом кошелек и протянула розовый флакончик.

– Что это? – недоверчиво спросила я.

– Ничего особенного. Одна из травяных настоек, что я иногда принимаю. Она подарит тебе спокойствие и равнодушие, – ответила Аланда, – это успокоит твой разум и поможет пройти проверку.

Я взяла флакон из ее рук и быстро спрятала под подушку.

– И все-таки, – сказала я, – почему ты помогаешь мне?

– Потому что могу, – ответила Аланда. В ее голосе звучала гордость, – а еще я ненавижу Пролана. Ничто не доставит мне большего удовольствия, чем расстроить его планы.

– Какие же у него планы относительно меня?

– Сломать твою волю, – спокойно ответила Аланда, – а после, возможно, и убить. Но думаю, ты и сама это прекрасно понимаешь.

Я молча кивнула. Добавить к ее словам было нечего. Аланда взглянула в окно и воскликнула наигранным удивленным тоном:

– Свет, уже почти полдень! Я должна покинуть тебя. У меня масса дел.

Я искренне поблагодарила ее и пожала ей руку.

– Главное, будь стойкой, – сказала она и потрепала меня по щеке, – и помни, что ты всегда можешь обратиться к Аланде Миррен за помощью. Что ж, мне пора. Хочу еще повидаться напоследок с Галвином. Какой красавец!

Она задорно подмигнула мне и, послав воздушный поцелуй, вышла из комнаты.

Я сидела у окна, крутя в руках флакончик, что преподнесла Аланда. Жидкость в нем пахла травами. Что бы это ни было, пить я его не собиралась. Конечно, мне нравилась Аланда, настолько, насколько может нравиться человек в этом враждебном мире. Но доверия она не вызывала.

Я чувствовала, что она сказала правду, рассказывая о тех испытаниях и проверках, что меня ждут.

Но все же я решила, что ничего пить перед проверкой не буду. Мне скрывать нечего. А если спросят меня о Хранителе... Что ж... Скажу правду. Например, что очень хорошо к нему отношусь и ценю его мудрость и знания. Звучит вполне благопристойно. В конце концов, в этом нет ничего плохого.

Я четко осознавала, что не хочу компрометировать Хранителя. Ни своими взглядами, ни мыслями, ни иррациональными эмоциями. Все-таки это была моя проблема, а не его. Вины Хранителя в этом не было.

Я искренне надеялась, что предстоящие проверки никак не повлияют на Морана и его репутацию.

А моя репутация... Даже становилось смешно, когда я думала об этом. У меня в этом мире и не было никакой репутации. Была только я. Лиза. Человек, которого выдернули из не самого приятного мира и выкинули в другой, более красивый, но и более жестокий.

Я четко решила, что достойно пройду все проверки, чего бы мне это ни стоило. А потом добьюсь того, чтобы меня освободили и начну новую жизнь. Найду работу, спасибо бабуле, которая научила меня шить да вязать. В этом мире эти навыки точно сгодятся. Подыщу скромное жилище, разобью небольшой сад... Непременно узнаю ответы на все свои вопросы. Кто переместил меня сюда и для чего. И, может, мне даже удастся вернуться в свой мир... А если нет – то построю свою жизнь здесь, в этом мире.

Но для начала мне нужна свобода. И уверенность, что меня больше никто не попытается убить. У меня были смутные опасения, что того, кто покушался на мою жизнь, никто не ищет. Что никому нет дела до того, что преступник спокойно разгуливает на свободе и может в любой момент попытаться закончить начатое... По крайней мере, хоть какой-то плюс был в моем заточении в Цитадели. Все-таки какая-никакая безопасность.

Я снова прикоснулась к флакончику и поднесла его ближе к глазам.

«А что, если в нем вовсе не успокаивающий отвар, а яд? – внезапно подумала я, – что, если это и есть главная причина, по которой Аланда приходила ко мне?»

Нет. Это не яд. Она бы не стала поступать настолько опрометчиво, все подозрения сразу бы пали на нее.

Во флакончике была просто травяная настойка.

Но все-таки я вылила в сливное отверстие в ванне всю настойку, до последней капли. Моя совесть чиста. Мне вовсе не требуется успокаивать разум, чтобы пройти испытания. Просто говорить правду, вот и все.

Глава 13

Следующие дни проходили так, словно я никогда не бывала в столице, и не услышала никаких обвинений в свой адрес.

Галвин принес мне книги. Как и следовало ожидать, читать я могла так же легко, как и говорить. Выбор книг был ограничен. В основном это были сказания о великих подвигах славных воинов да истории любви. Вымышленные истории, конечно.

Никаких биографий, географии или реальной истории государства – ничего из того, что меня на самом деле интересовало, Галвин не приносил. Иногда я думала, что от меня намеренно скрывали нужные знания.

Но я все равно была счастлива. Книги – есть книги. Они служили лучшим утешением в эти дни. Рассказы о подвигах я пролистывала, а вот о любви читать было намного интереснее. В этом мире были очень красивые легенды и сказания. Почти во всех книгах, что я успела прочесть, о любви говорилось, как о великом даре богов, который намного чище и сильнее искры высших.

«Этот дар, – читала я, – может стать как спасением, так и проклятием. Душа каждого на этой земле помечена особым знаком, который зазвучит лишь в тот момент, когда встретит такой же знак в другой душе. Все в этот миг изменится, и исполнится предначертанное, написанное на древних скрижалях...»

Так было написано в предисловии одной из книг, что я начала читать. В ней рассказывалась легенда о том, что боги отметили даром любви всех живущих на земле. Этот дар помогал им чувствовать друг на друга расстояния, передавать мысли и образы, незримо помогать друг другу, даже если между ними раскинулись континенты. Невидимая тонкая нить тянулась между двумя людьми, которую не могли обрубить ни время, ни расстояние.

Поначалу люди наслаждались этим даром и жили в гармонии и счастье. Но всему приходит конец. Сменялись эпохи и цивилизации, и со временем люди изменились, позабыв о даре богов. Жажда богатства и безграничной власти завладела их разумом.

Особые знаки людей меркли, им все сложнее было встретить созвучную душу. Но даже если они находили друг друга, то должны были исправить свои старые прегрешения, что темным следом тянулись за ними из прошлых жизней.

Если же созвучным душам не удавалось преодолеть все преграды, исправить то, что следует и очиститься, то великий дар навсегда покидал их жизнь. Такова была расплата за предательство высшего дара богов.

Дальше в этой книге рассказывалось о влюбленных, которые достойно прошли все испытания, и в итоге жили долго и счастливо, творя добрые дела во славу богов и их дара. Сказка, в общем...

Я захлопнула книгу, подошла к зеркалу и поправила платок на голове. Несколько дней назад Галвин торжественно вручил мне флакон с маслянистой жидкостью.

«Мажь голову два раза в день, – сказал он, – и твои волосы будут расти быстрее».

Я прилежно мазала голову чудо-маслом, и волосы действительно росли с невероятной скоростью.

К моему удивлению, новые волосы вились и стали чуть светлее. Теперь на голове красовались короткие спиральки, едва достоящие до мочек ушей. И хотя моя макушка больше не блестела лысиной, я по-прежнему обматывала ее платком, немного стесняясь нового образа.

Галвин со смехом говорил, что в этом длинном платке я похожа на одну из старух-странниц, что ищут затерянные города.

«Уж лучше быть похожей на странницу, чем на овечку», – подумала я, взяла корзину, кувшин с водой и разбавленной в ней золой и отправилась в сад.

В последнее время, неожиданно для самой себя, я стала ухаживать за цветами, подрезать засохшие веточки, поливать их и удобрять золой с очага, как учила меня бабушка.

Это расслабляло и помогало немного отвлечься от навязчивых мыслей и томительного ожидания предстоящей проверки. К тому же мне ужасно надоело сидеть целыми днями без дела, и хотелось быть хоть чем-то полезной.

Я пришла в сад и решительно направилась к одному кустарнику. Он был сухим, листья давно осыпались, из земли торчали корявые мертвые корни. Я заметила этот куст, когда один из послушников Хранителя хотел его срубить. Я долго просила юношу не делать этого, обещая, что постараюсь выводить растение.

Почему-то я вбила себе в голову, что если куст зацветет, то мои проблемы тут же решатся. Для меня это засохшее растение олицетворяло всю мою нынешнюю ситуацию.

Я сидела на коленях и полола землю вокруг кустарника, когда услышала тихие шаги позади себя.

– Мой ученик поведал, что ты упросила его не срубить растение, – услышала я задумчивый голос Морана. Я впервые его увидела с того момента, как Пролан набросился на меня.

Я неловко поднялась с колен, вытирая руки о полотенце, что захватила с собой.

– Это так, – ответила я, щурясь от солнца, – надеюсь, это не возбраняется?

– Вовсе нет, – сказал Моран, – но почему ты так настойчиво пытаешься ухаживать за этим кустом? Ему уже ничего не поможет. Растение мертво.

– Ты слишком категоричен, Хранитель, – сказала я и провела рукой по сухим веточкам, – в нем еще теплится жизнь. Я верю, что забота и должный уход сделают свое дело. За этим несчастным растением никто не ухаживал, никто не дарил ему любовь и тепло, вот оно и зачахло.

Я замолчала, опустила на колени и продолжила работу. Неожиданно Моран опустился рядом и стал молча наблюдать за тем, как я ловко вырываю сорняки.

Нас ярко освещало солнце. И хотя я не смотрела на Хранителя, но остро чувствовала на себе его пронзительный взгляд. Мне, как обычно, становилось спокойнее. Казалось, все проблемы растворились, и существовал лишь этот миг. Этот засохший кустарник, мои перепаханные землей руки, да этот мужчина с голубыми глазами.

– Ты думаешь, растение завяло из-за недостатка заботы и любви? – неожиданно произнес Моран, заставив меня вздрогнуть.

– Конечно, – ответила я и взглянула на него, – в конце концов, любое живое существо нуждается в сострадании.

– Даже если это существо сотворило нечто ужасное? – спросил Моран, внимательно глядя мне в глаза.

– Все совершают ошибки, – твердо произнесла я, – и все имеют право на второй шанс. Чтобы исправить то, что сделано. Искупить вину. И начать новую жизнь.

– Твои суждения тоже категоричны, – с улыбкой произнес Моран, – и, к сожалению, наивны. Не все заслуживают второй шанс, и тем более сострадания.

– Я верю в то, что говорю, – сказала я и вырвала очередной сорняк.

– Бессмысленно продолжать этот спор, – спокойно произнес Моран и поднялся на ноги, – если хочешь дальше ухаживать за этим мертвым растением, я не возражаю. Я распоряжусь, чтобы мои послушники дали тебе все, что для этого потребуется.

Он повернулся и стал медленно удаляться. Я тоже поднялась на ноги и направилась за ним.

– Постой, Моран! – вскрикнула я. Хранитель обернулся.

– Мне говорили, – сказала я, – что меня будут проверять с помощью сосуда воспоминаний. А еще, что после этой проверки я забуду все, что когда-либо помнила. Превращусь в тень и...

– Верно, – не дал договорить мне Хранитель, – именно такими бывают последствия от применения сосуда. Но проверять тебя будут только в том случае, если камень и зеркало покажут, что ты действительно в сговоре с эльфом. Если же твоя совесть чиста, то тебе нечего опасаться. Я оставлю тебя, мне пора в столицу.

Он развернулся и ушел.

Что ж, это были хорошие новости. Настроение значительно улучшилось, и я с большим воодушевлением принялась за прополку.

За работой я не заметила, как пролетело несколько часов. Я чувствовала приятную усталость во всем теле. Обвела взглядом результаты своего труда, села на одну из скамеечек и удовлетворенно закрыла глаза.

Поначалу я наслаждалась пением птиц и ароматом цветов. Но затем на смену безоблачным мыслям пришли другие, которые донимали меня и днем, и ночью.

Я в очередной раз думала о серьезном обвинении, что мне предъявили. О том, что меня подозревали в сговоре с врагами королевства. С эльфами.

Мне никак не давала покоя мысль о прошлых войнах между людьми и эльфами. За что они ненавидели друг друга? Что стало причиной этой многолетней вражды? И как такое возможно?

Ведь эльфы... Они такие... милые, что ли. Добрые, светлые. Такими я их всегда себе представляла. Да и люди не монстры. Не все, по крайней мере.

Я пыталась найти хоть какие-то упоминания об этом в книгах, но тщетно. В библиотеку доступ был запрещен, я довольствовалась тем, что приносил Галвин. Но в этих книгах даже намек не было о войне. Словно кто-то стер все упоминания об эльфах и многолетней вражде.

Как-то Галвин случайно обронил, что лучшая библиотека находится в покоях Хранителя. Это была святая святых, и вход туда был разрешен только самым высокородным, избранным из избранных. Уж явно не мне.

Но каждый раз, когда я думала об этом, мне все сильнее и сильнее хотелось проникнуть туда. Подгадать время, когда Морана не будет на месте, взять пару книг и бежать, бежать скорее в свою комнату.

Но в моем блестящем плане были явные пробелы. Во-первых, я не могла знать, когда именно Моран будет вне крыла своей башни, во-вторых, скорей всего, там все усеяно всякими магическими штучками и ловушками.

Я поднялась со скамьи, взяла корзину с инструментами и вернулась назад, прошла по внутреннему залу, где, на удивление, никого не было в этот час. Стояла странная, непривычная тишина, которую прерывал лишь лай собак, доносящийся с заднего двора.

Все куда-то пропали. Хранитель тоже ушел... Я остановилась, как вкопанная. Раз он ушел, то я смогу попробовать проникнуть в его покои! Конечно, я не собиралась заходить внутрь, это было бы очень опасно, тем более в моем нынешнем положении. Но если бы просто взглянуть, издали, на что это похоже. Его покои. Его библиотека. Может, она находится не в самих покоях, и доступ туда открыт? Или относительно открыт.

Я подошла к двери и выглянула наружу. Солнце садилось, и Морана нигде не было видно, как и других людей.

Я резко развернулась и побежала к запретному для простых смертных крылу. Туда, где находились покои самого Хранителя. Это крыло отличалось от остальных тем, что его башня уходила высоко в небо, утопая в густых облаках.

Вход в это место мне был запрещен. И я решила отправиться туда именно сейчас. Мысленно я ругала себя последними словами, но при этом не сбавляла шага. Любопытство, желание узнать историю людей и эльфов жгли меня и были подобно зуду, который я не могла игнорировать. Это был глупый поступок. Но я надеялась на свое везение.

Я быстро бежала, постоянно озираясь по сторонам. Никто не встретился по пути. Никто не увидел меня.

Так, по крайней мере, я думала. С каждым шагом вход в крыло Хранителя становился все ближе, а мое положение – все более шатким. В тот момент мной руководила решительность. Или решительная глупость.

Я подбежала к двери и остановилась. Обернулась. Посмотрела по сторонам. Вокруг ни души. Стояла почти осязаемая тишина.

Я глубоко вдохнула и открыла дверь. Петли тихо заскрипели, но мне этот звук показался громом. Я распахнула дверь, подождала несколько минут... и ничего не произошло. Никто не прибежал, не сработали никакие ловушки, которых я опасалась. Обычная распахнутая дверь слегка раскачивалась и словно приглашала войти внутрь.

«А, была – не была!» – подумала я и ступила за порог.

Передо мной открылся самый незамысловатый вид, какой только можно представить. Серые стены, каменный пол, узкая винтовая лестница. Никаких гобеленов, картин, мозаик. Все аскетично и просто. В духе Хранителя. Я провела рукой по перилам и начала свой подъем.

Поначалу это было легко. На каждом этаже я останавливалась и осматривалась. Многие этажи были пусты, на них не было ничего, кроме маленького окошка, больше похожего на узкую бойницу.

На некоторых этажах были неприметные двери. Входить в них я не решалась. Интуиция говорила, что библиотека находится гораздо выше. Возможно, настолько высоко, что придется подниматься не один час.

Я поднималась выше. Дыхание сбилось, мышцы ныли. Считать этажи я давно бросила. Иногда мелькала мысль, что меня могут хватиться и начать искать. Но возвращаться было уже поздно. Почти половина пути была пройдена. Я надеялась на это.

Через еще четверть часа я присела отдохнуть и перевести дыхание.

«Как он поднимается сюда каждый день?» – думала я.

А потом вспомнила, что он умеет перемещаться в пространстве. Мне бы такую способность.

Я поднялась и принялась разминать уставшие ноги. Выглянула в окно. Увидела лишь небо. Смахнув пот со лба, начала уже было подниматься дальше, как услышала чьи-то голоса. Кто-то разговаривал через два, может, три пролета выше. Я замерла. А что, если меня услышат? Тогда уже никакая проверка мне не поможет.

Медленно-медленно, стараясь не дышать, я на цыпочках подкралась к двери, что была на этаже. Обхватила дверную ручку. Повернула. Ничего. Попробовала еще раз, но в другую сторону. Заперто. Спрятаться было негде. Можно было попробовать сбежать вниз. Очень и очень тихо сбежать.

– Как ты посмел закинуть Пролана в низины? – неожиданно раздался голос короля прямо надо мной.

Я прижалась к стене и зажала руками рот.

– Пролан оскорбил меня, – услышала я голос Морана.

Но как он там оказался? Он ведь был внизу, и не мог быть здесь.

«Он просто переместился, дура», – ответил внутренний голос.

Как я могла об этом забыть? Черт! Черт! Если я сейчас попадусь, то подпишу себе смертный приговор. Уже подписала своим глупым поступком.

Король с Мораном были слишком близко и могли услышать мои шаги, если бы я начала спуск. Я закатила глаза. Придется стоять здесь затаившейся мышью и надеяться, что меня не обнаружат. А после, если повезет...

– Но он не простой землевладелец! Он советник короля! Мой советник! Своим поступком ты пошел против короля, ты это понимаешь? – голос короля звенел от гнева.

– Ты забываешь, Торланн, что Хранитель Цитадели света не подчиняется ни одному из королей. Мы долгие годы были добрыми друзьями, но все же я не являюсь твоим вассалом. Следовательно, я не могу пойти против твоего слова, – голос Морана был спокоен. Впрочем, как всегда, – скажи, что будет с тем, кто оскорбит короля? Его ждет наказание, не так ли? А с тем, кто оскорбит Хранителя? Ответ ты знаешь, Торланн. Пролан сделал это нарочно. Он оскорбил моего ученика, оскорбил меня. Усомнился в священной клятве, которую я дал, надев этот плащ. Он виноват, Торланн, и он понес наказание. Ему это пойдет только на пользу.

– Но ты отправил его в низины! В низины! – гневно сказал король, – отправил, не посоветовавшись со мной!

– А разве ты всегда со мной советуешься, когда издаешь указы? Или когда вершишь правосудие?

– Это совсем другое! – ответил Торланн, – я – король. Моран, в любом случае, наказание для Пролана было слишком жестким по сравнению с тем, что он сделал.

– По-твоему, оскорбление и покушение на жизнь человека – недостаточно серьезный проступок? – голос Морана повысился.

– На кого он покушался? – спросил король.

– На Елизавету, он хотел ее задушить. Я остановил его.

Король что-то пробормотал, я услышала шаги взад-вперед, взад-вперед.

– Послушай, Моран, – совсем другим тоном, в котором не была гнева, произнес король, – в столице, при дворе стали появляться слухи. Люди шепчутся, что ты слишком благоволишь к Елизавете. Слишком опекаешь ее. И что твое отношение к ней намного теплее, чем следовало бы. Ты так рьяно помогал лекарю исцелить ее от яда. Скажи мне, как другу, это так?

Повисла долгая пауза.

Сердце забило быстрее и громче, я даже испугалась, что они услышат это. Крепче зажав рот руками, я внимательно прислушивалась.

– Люди всегда о чем-то шепчутся, – ответил, наконец, Моран. Спокойным и даже насмешливым тоном, – не стоит воспринимать все толки всерьез. Я принес священную клятву, ты сам присутствовал при этом. И ты, как никто другой, знаешь, от чего мне пришлось отказаться, когда я надел плащ Хранителя. Я сделал свой выбор много лет назад. Никто не заставит меня изменить его. Я верен своей клятве, и никогда ее не нарушу.

«Ни семьи, ни любви. Цитадель становится супругой хранителя, а детьми – его знания и мудрость», – вспомнила я слова Галвина.

Внезапная боль тонкой иглой ужалила мое сердце. Я прикусила губу до крови, из глаз хлынули слезы. Они беззвучно капали на руки, платье, пол. А я лишь сильнее сжимала рот, боясь всхлипнуть или простонать от невыносимого разочарования. Они говорили о чем-то еще, но я не слушала, не слышала их. Я застыла, и желала только одного – уйти поскорее отсюда. И жалела, что поднялась сюда. Жалела, что появилась в этой башне. В этом месте. В этом мире.

Неизвестно, сколько я простояла вот так, в одном положении. Может, час. Может, десять минут. Время словно остановилось. Я не слышала, как король с Мораном ушли. А когда заметила, что в здании стоит тишина, то еще очень долгое время не решалась пошевелиться.

Я досчитала про себя до двух тысяч и сделала несколько шагов к лестнице. Тело затекло до такой степени, что я чуть не упала на пол.

Я медленно плелась вдоль стены, держась за нее. Целую вечность я добиралась до лестницы. А когда рука коснулась перил, я стремительно побежала вниз по ступеням. Быстрее! Еще быстрее!

Спуск оказался ненамного легче, чем подъем. От волнения и бега дыхание сбилось. На каждом пролете мерещились тени, которые только и ждут, чтобы схватить и отвести к Хранителю.

Но никто не схватил меня, никто не бежал за мной следом. И когда я, наконец, распахнула дверь и вышла наружу, то увидела, что двор по-прежнему пуст. Я перевела дыхание и спокойным шагом направилась в свою комнату. Мне повезло. Но везение не может длиться вечно. Это я знала точно.

Глава 14

Оказавшись в своей комнате, я тут же рухнула в кресло, задрала подол юбки и начала массировать ступни и голени.

Прошло минут пять, прежде, чем я увидела его.

Моран стоял лицом к окну. На его фигуру падала тень от лимонного дерева. Он неспешно повернулся и медленным шагом подошел ко мне. Лицо его было угрюмым. Он выглядел мрачным и пугающим.

– Что ты делала в моей башне? – спокойным ледяным тоном сказал он.

Я изумленно уставилась на него. Все. Теперь точно конец. Достойный финал для законченной дуры.

– Я... Я... Как ты узнал?

– Неужели ты думаешь, что я не замечу чужого присутствия в своей башне? Что тебе там понадобилось? Отвечай! – в его голосе зазвучали гневные нотки.

Я невольно съезжилась. Сама виновата. Остается говорить правду. И надеяться на то, что он не знает, что я стала невольной свидетельницей его разговора с королем.

– Я хотела проникнуть в библиотеку и взять несколько книг, – тихо ответила я, – я бы обязательно вернула их!

– В библиотеку? – с удивлением повторил Моран, – но почему ты не могла просто попросить? Для чего нужно было красться, подобно вору, и подслушивать чужие разговоры?! Когда ты могла просто попросить!

Он почти кричал, и я никогда не видела его в таком гневе. Мне нечего было ответить на это. Этот поступок теперь казался самой большой глупостью, какую только доводилось совершить. Я вцепилась руками в подлокотники и молча смотрела на него.

Моран быстрым шагом подошел ко мне и наклонился.

– Скажи, – сказал он, глядя мне в глаза, – скажи, как могу я верить в твою невиновность, когда ты делаешь все, чтобы доказать обратное? О чем ты думала?

Я вжалась в кресло и на секунду зажмурилась. Он пугал меня. Он стоял совсем рядом, но никогда еще не был так далеко от меня.

Хранитель отошел на несколько шагов и встал, скрестив руки. Больше Моран ничего не произнес. Он ждал моего ответа. Я начала говорить, тщательно подбирая каждое слово:

– Я слышала, что самая лучшая библиотека находится в крыле хранителя. Я хотела взять там несколько книг об истории вашего королевства. Те книги, что дает мне Галвин, не содержат никаких сведений. Мне хотелось узнать больше об этом мире, ведь никто мне ничего не рассказывает. Я сделала это тайком, потому что думала, что ты откажешь в моей просьбе, – я перевела дыхание и тихо продолжила, – я знаю, как это выглядит. Это было очень глупый поступок, но в нем не было злого умысла.

– Это был непростительный поступок, – отчеканил он, – ты утратила мое доверие. Отныне тебе запрещено покидать пределы этой комнаты. А после всех ритуалов и проверок твоей истинной сущности я решу, как дальше поступить.

Он резко развернулся, взмахнув полами плаща, и вышел из комнаты.

Вот и все. Я сделала глубокий вдох и закусила губу до крови. Теперь я официально пленница. В моей памяти вновь всплыли слова о клятве Морана.

Я обвела комнату взглядом и уверенно поднялась с кресла. Что ж...

Робкие надежды порушены, мосты сожжены. Больше никаких слез. Никаких взглядов в его сторону. Никаких тайных вздохов. Никаких мыслей о нем.

Довольно быть плаксивой девочкой. Главная моя цель – доказать, что я невинна. Доказать, что я ни с кем не состою в сговоре. Главное – выжить. Обрести свободу. И убраться отсюда как можно скорее, чтобы забыть, забыть все, как страшный сон.

Я подошла к зеркалу и взглянула на свое отражение. Может, это зеркало тоже было не простым? Может, и оно показывало истинную сущность? Но в зеркале я видела лишь себя. Бледную, большеглазую, с покрытой головой платком. Но в глазах больше не было слез. Не было света надежды. Лишь решительность сверкала холодным блеском. Она придавала мне сил. Где-то в глубине души пульсировала боль. Но я проигнорировала ее.

– Довольно. Довольно, – прошептала я и отвернулась от своего отражения.

Пора включать голову. Давно пора.

Я налила воды, опустилась в мягкое кресло и стала размышлять. Итак, что я имею. Я попала в другой мир. Волшебный, но далеко не дружелюбный. Все убеждены, что кто-то помог мне пересечь границу между мирами.

Это было похоже на правду. Самой осуществить подобное мне было не под силу, увы. Так кто же перекинул меня сюда? И главный вопрос – для чего? Какую цель преследовал этот некто?

Я потеряла лоб и напрягла память. О перемещении я так ничего и не вспомнила. Даже размытых воспоминаний не осталось. Пришли на ум слова Морана о том, что я могла сама заблокировать эти воспоминания.

Мой психолог говорил что-то о выборочной памяти. Когда подсознание человека намеренно блокирует болезненное воспоминание. Что-то вроде внутреннего защитного механизма, чтобы уберечься от боли или безумия...

Что, если так? Что, если я сама заблокировала свою память? Значит, я могу сама все и восстановить.

– Думай, думай, – зашептала я и закрыла глаза, силясь вспомнить события последнего дня в моем мире, – ну же, вспоминай.

Но ничего не происходило. Я помнила лишь свое утро и чашку кофе. Дальше – чернота и холодный туман.

Что ж, к этому вопросу я вернусь позже.

Что у нас дальше? Эльф, в сговоре с которым меня подозревают. Это обвинение было абсурдным и глупым. Но все-таки я его видела. Почему? Я вновь закрыла глаза и начала вспоминать тот проклятый вечер. В голове появлялись разные образы.

Эльф, идущий по залу решительным шагом...

Смеющееся лицо Хранителя...

Лесная поляна и блеск светлячков...

Туманный коридор и тянущиеся ко мне руки...

Страшный смех...

Травница Мэнни и ее слова...

«Такая же, как я», – так она, кажется, сказала...

Моран, и его изучающий взгляд...

«Это был не проход, – сказал тогда он, – это были твои воспоминания» ...

Воспоминания... Видения о том, что уже произошло...

«Она такая же, как я» ...

Такая же... Как Мэнни...

Я распахнула глаза и резко поднялась с кресла. Ну конечно же! Старая Мэнни не только травница. Она еще умеет видеть то, что скрыто от людских глаз. Я снова вспомнила проход между мирами в туманном коридоре. Он казался реальным, осязаемым, но не был настоящим. А это значит...

– Я видела не эльфа! – громко воскликнула я, обращаясь к пустой комнате, – я видела воспоминание о нем!

Не свое. Чужое воспоминание. Призрачный фантом. Видение из прошлого, которое я приняла за живого человека. Точнее, за эльфа. Глупо упомянув о котором, я поставила под угрозу свою жизнь и свободу. Но как доказать остальным, что это было просто видение? Увидят ли они это в зеркале? Да и ограничатся ли моими словами? Что-то мне подсказывало, что нет.

– Надо поговорить с Хранителем. Сейчас же все объяснить ему, – сказала я вслух и побежала к двери.

Распахнула ее, сделала шаг вперед. Мощная воздушная волна отбросила меня назад. Я пролетела несколько метров и рухнула на пол, ударившись головой о стену. Перед глазами вспыхнули искры. Все тело пронзила жгучая боль, и стало тяжело дышать.

«Дыши. Дыши», – мысленно приказывала себе я. Но боль все сильнее опутывала тело, постепенно погружая меня в темноту, пока я полностью в ней не растворилась.

Я очнулась от солнечных лучей, что играли на моем лице. С трудом разлепив веки, обнаружила, что по-прежнему лежу на полу, широко раскинув руки.

Тело нестерпимо болело. Я приподняла голову и застонала. Встать на ноги сил не было. Я перевернулась на живот и медленно поползла к кровати. Каждое новое движение, каждый вздох причиняли острую боль. Настолько острую, что я еле сдерживалась, чтобы не закричать.

Я преодолела расстояние в несколько метров за добрые четверть часа. С громким стоном забралась на кровать и осмотрела свое тело. Видимых переломов не было. На это я очень надеялась.

Тело болело от сильного удара о пол. А голова... Возможно, у меня было сотрясение мозга. Но я все же надеялась, что это просто ушиб. И не более.

Я перевела взгляд на дверь, от которой меня отшвырнуло. Моран все предусмотрел. Он не только устно запретил мне покидать комнату, но и сделал все возможное, чтобы мои попытки выйти не увенчались успехом. И вызвали боль. А ведь я могла и погибнуть. Ударься я головой об угол стола, к примеру...

Поверит ли Хранитель теперь моим словам? Поверит ли, что я видела лишь отголоски прошлого? Поверит ли король? Или они больше поверят какому-то зеркалу, чем моим словам. А что, если зеркало покажет этого эльфа, только лишь потому, что в последнее время я много думала о нем?

Я застонала и прикрыла глаза. Если они решат, что я виновна, доверившись своей безумной логике, то что тогда? Они сразу убьют меня? Прилюдно казнят?

«Нет, – жестко ответил мне внутренний голос, – сначала они будут вытягивать из меня сведения, которыми, как они считают, я обладаю».

Да. Поэтому они меня и исцелили. Поэтому Моран и помогал лекарю, как я услышала в его разговоре с королем. Чтобы все выведать. Потому что он уже тогда считал меня... Интересно, в этом мире есть такое понятие, как шпион? В общем, уже тогда он был уверен в моей виновности.

Мои сумбурные размышления прервал скрип двери. Я подняла голову и увидела одного из служителей Цитадели. Тот самый, что запирает меня в первой комнате – камере. Он прищурился одним глазом и скривил рот в насмешке.

– Из столицы прибыл наблюдатель, – прокаркал он, – сегодня на закате состоится первая проверка.

Мужчина ухмыльнулся и направился к выходу. Не дойдя пару шагов до двери, тюремщик резко развернулся и с довольной улыбкой добавил:

– Кстати. Хранитель велел передать, чтобы ты оставила все попытки сбежать, – он мерзко хихикнул и швырнул в меня кожаный бурдюк, – выпей это. До зеркала ты должна дойти своими ногами.

Он засмеялся еще громче и противнее, словно сказал нечто смешное. И вышел из комнаты, по-прежнему смеясь.

Я же дотянулась дрожащей рукой до бурдюка и сделала два больших глотка. Боль не прошла, но стало немного легче. И самое главное, теперь я могла встать.

– Что же. На закате, так на закате. Я буду готова, – вслух произнесла я и поднялась с постели.

«Найти бы платок на голову покрасивее», – промелькнуло в моей голове. Да какой, к черту, платок, когда решается моя судьба!

Через несколько часов я узнаю, насколько хорошо правосудие в этом королевстве. И насколько оно справедливо.

Глава 15

Я стояла у окна и смотрела на дивный пейзаж. Золотисто-розовое солнце утопало в легких облаках. Неистово пели птицы, свежий ветер доносил ароматы лимонного дерева и павшей листвы. Этот мир был прекрасен, как ни крути. Жаль, что мне не удалось найти в нем место.

За моей спиной открылась дверь, и послышались громкие шаги. Я не оборачивалась. Мне до последней секунды хотелось насладиться этим видом, впитать в себя этот запах и этот воздух.

– Пора идти, – услышала я голос стражника. Того, что приходил утром. Я обернулась.

– Как вас зовут? – зачем-то спросила я.

– Не твое дело, – с раздражением ответил он и схватил меня за руку. Он сделал резкое движение, и на моем запястье появился полупрозрачный браслет, с длинной тонкой цепочкой.

– Пошевеливайся, – прохрипел он.

И он потащил меня, словно собаку на поводке, к выходу.

Я снова пленница. Я снова в оковах. Видимо, все это должно закончиться так, как началось. Круг замкнулся.

Очень быстро мы пришли во внутренний дворик замка, где уже был Галвин. Он с печалью посмотрел на меня, но не проронил ни слова. Мой тюремщик передал Галвину в руки цепочку от оков и удалился.

«Собачку передали другому владельцу», – пронеслось у меня в голове, и я нервно хихикнула.

– Больше всего на свете я хочу снять их, – тихо произнес Галвин, указывая на мои оковы, – но не могу.

Я в ответ лишь пожала плечами.

– Я сожалею, – сказал он, глядя на меня, – правда, очень сожалею. Не знаю, что там произошло между тобой и Хранителем, но он был очень зол. Но все наладится, все будет хорошо.

«Нет, не будет», – подумала я. Но в ответ лишь кивнула. Галвин еще раз посмотрел на меня и приступил к заклинанию перемещения. И снова голубая сфера, яркая вспышка света, плавание в воздухе...

Еще миг – и мы оказались в громадной пещере. Сверху свисали огромные сталактиты. Стены пещеры были покрыты черными камнями, на них светились высеченные, не понятные мне символы. Впереди высилась отвесная скала.

Над пропастью плавало зеркало в серебряной, почерневшей от времени, оправе. К зеркалу вел мост. Узкий, веревочный, раскачивающийся от порывов ветра. И полупрозрачный. Словно сотканный из света и воздуха.

Галвин шел впереди, я плелась за ним следом. Стены мерцали начертанными символами. Было холодно.

На краю скалы нас ждали трое. Три темных силуэта, которые я поначалу никак не могла разглядеть. Наконец, мы подошли к ним. На мгновение я застыла от удивления. Перед нами стояли Хранитель, король и... Пролан.

Не знаю, кого меньше я ожидала увидеть: Пролана или короля. Но точно знала, что их присутствие ничего хорошего не предвещает. Один – ненавидит меня, а второй – король. А если присутствует король, то дело очень и очень серьезное.

Они молчали. Я тоже не проронила ни слова. Вряд ли мое молчание усугубило и без того шаткое положение.

Перевела взгляд на Морана. Он равнодушно разглядывал браслет на моей руке. А затем поднял на меня глаза. Два куска льда. А не глаза.

– Я должна кое-что сказать, – произнесла я, глядя на Хранителя.

– Говори, – раздался голос короля. Но я не стала поворачиваться в его сторону и начала говорить, стоя в том же положении, и глядя в глаза Морану:

– Ваше величество, я кое-что поняла вчера вечером. Я хотела сообщить об этом Хранителю, – мое лицо скривилось в подобии улыбки, – но мне не удалось. Но это неважно. Важно то, что я поняла. Видите ли, я видела не эльфа. Точнее, не живого эльфа, – я услышала смешок Пролана, но не обратила на это внимание и продолжила говорить, – это было просто видение. Я видела либо то, что произошло в прошлом, либо то, что скоро случится в будущем.

Я замолчала. Никакой реакции.

– Ты могла придумать все, что угодно! – крикнул Пролан и подошел ко мне, – у тебя было достаточно времени для этого.

Он выхватил цепочку из рук Галвина и резко потянул на себя. Нахлынула новая волна боли, и у меня подкосились колени. Но я не издала ни звука.

«Не буду плакать. И кричать не буду, – думала я, чувствуя, как к горлу подступает ком, – не буду вам назло!»

Пролан снова дернул за цепь. Чертов садист явно получал удовольствие от этого. Я стиснула зубы и закрыла глаза. Они все тут садисты, все...

– Довольно, Пролан! – услышала я голос Морана, – ты делаешь ей больно. Отпусти ее. И покончим с этим поскорее.

Раздался легкий щелчок, браслет на руке исчез.

– Ты должна подойти и взглянуть в зеркало, – сказал Моран ничего не выражающим голосом.

Я кивнула и с легкой улыбкой посмотрела на Галвина. Вид у него было встревоженный. Теперь уже мне хотелось сказать ему, что все будет хорошо. Я обвела всех взглядом и неуверенно направилась к зеркалу, крепка держась за перила.

Следом за мной шел Моран. Я чувствовала его ровное дыхание на своей шее. Спокойный, ледяной. Жестокий. Вот какой он на самом деле! А я дура, просто дура!

Сделала шаг вперед. Еще один. Стала напротив зеркала. Хранитель остановился в шаге от меня. Время пришло. Я подняла глаза и взглянула на свое отражение. Подол моего платья развеялся на ветру. Платок плотно укутал голову и шею. Лицо бледное и утомленное. Потухший взгляд. В зеркале была я. Просто я. И отражение Морана за спиной.

Я перевела взгляд на него, и услышала странный звон. Он доносился из глубин зеркала. Снова взглянула на себя, и зеркало пошло рябью. Звон усилился, теперь он звучал в моей голове. Темный туман выползал со всех его сторон. Он обволакивал мое отражение, обнимал, как пылкий любовник.

Звон усилился до такой степени, что я зажала руками уши. Отражение в зеркале этого не сделало. Она, то есть я, просто стояла, прикрыв глаза, наслаждаясь прикосновением тумана. Моран подошел ко мне вплотную, и глядя на мое отражение произнес:

– Покажи свои намерения.

Та, что была в зеркале, резко открыла глаза и взглянула на Хранителя. Она стала раскачиваться, а затем вытянула руку и указала пальцем на Морана.

– Покажи свои намерения! – повторил Моран.

Мое отражение в зеркале внезапно повернулось спиной. Под ее ногами появилась каменная дорога. Внезапно тень от ее ног отделилась и поднялась, как человек. С минуту тень и мое отражение смотрели друг на друга... и разошлись в разные стороны. Отражение стало удаляться, постепенно уменьшаясь в размере. До тех пор, пока не исчезло окончательно.

Зеркало теперь отражало только Морана. Моего же отражения не было, словно я... словно я вампир какой-то.

В голове что-то щелкнуло. Я резко развернулась и обхватила Морана за плечи.

– А теперь ты покажи свои намерения! – вскрикнула я и посмотрела в зеркало, – покажи теперь ты свою сущность!

На секунду Хранитель обомлел от неожиданности. Но этого хватило, чтобы зеркало стало покрываться рябью и менять отражение Морана.

В зеркале он постепенно становился моложе. Исчезла короткая борода и темный плащ. Он был юным, очень юным и весело смеялся, глядя на настоящего Хранителя. Но внезапно его смех оборвался, и двойник Хранителя опустил голову и с ужасом посмотрел на свои руки. Они были в крови. Он поднял их высоко над головой и открыл рот, чтобы что-то сказать.

Но в этот миг Моран вышел из оцепенения и стряхнул с себя мои руки.

– Что ты творишь?! – закричал он, трясая меня за плечи, – что ты творишь?!

– А что творите все вы?! Да вы никакого права не имеете! Никто из вас не имел права запираить меня! Никто из вас не имел права проверять меня. Никто из вас не имел права сажать меня на цепь, – мой голос становился громче, – и никто, слышишь, никто не имеет права копаться в моей душе!

– Как и в моей!!! – взревел он.

Раздался оглушительный звон. Я мельком взглянула в зеркало. Теперь оно показывало только нас, кричащих и вцепившихся друг в друга. Звон усилился. Он раздавался не только в моей голове, а повсюду. А затем мы услышали смех. Дьявольский смех. Он перемешивался со звоном. В пещере стояла настоящая какофония звуков.

Внезапно все стихло, так же резко, как началось.

Я снова взглянула в зеркало. Что-то было не так...

Ударил яркая вспышка света, и зеркало взорвалось на сотни мелких осколков. Они разлетелись по всей пещере, вопя на сотни голосов. Они кричали и визжали, словно были живыми. Вонзались в мое тело. А я словно оцепенела и не могла пошевелиться.

– Бежим! – услышала я голос Морана. Он схватил меня за руку и силой потащил к скале.

– Галвин! – кричал Моран что есть мочи, – Галвин! Срочно возвращайтесь назад! Сейчас же!

Галвин тотчас же произнес заклинание, выстраивая вокруг себя голубую сферу. Пещеру озарила яркая вспышка света, и все трое, Галвин и король с советником исчезли.

Мы бежали к скале. Осколки стремительно летали по воздуху. Я оглянулась назад и सदрогнулась – мост позади нас исчезал.

– Моран, – сбивчиво заговорила я, – мост исчезает. Мы можем переместиться отсюда?

– Нет, – не оборачиваясь ответил он, – мы успеем добежать.

Путь к скале казался бесконечным. Каждую секунду казалось, что мост под нами исчезнет, и мы рухнем в бездонную пропасть.

Но мы успели. Мост растворился через мгновение после того, как мы ступили на твердую поверхность.

Я перевела дух, и услышала громкий удар. Мерцающий синим пламенем сталактит сорвался с потолка пещеры. Потом еще один и еще.

Я с ужасом посмотрела на Морана. Он уже начал говорить заклинание для перемещения.

Стены в пещере с пронзительным гулом задрожали.

«Скорее же, скорее», – мысленно говорила я ему.

Камни падали один за другим. Из пальцев Хранителя вылетели голубые змейки энергии. Земля под нами задрожала, как при землетрясении.

«Скорее...»

Светящиеся полоски сплетали узор, образуя сферу. Кусок скалы провалился вниз почти у наших ног. Земля ходила ходуном.

«Скорее же!»

Моран поднял на меня глаза и взял за руку. Грохот усилился, и вся пещера пришла в разрушение.

Последняя полоска энергии взвилась в воздух и нарисовала вокруг нас очередной узор. Стена позади обрушилась, засыпая пылью.

Моран произнес слова заклинания. Земля под нами с оглушающим грохотом провалилась...

Мы полетели в зияющую чернотой пропасть. Вслед за камнями и визжащими осколками. И наступила тьма.

Глава 16

Я плавала в темноте и тумане. Со мной уже было такое. Когда-то давно... Но тогда был огонь, что пожирал мое тело. А теперь вместо пламени – лед. Лютый холод и тьма. Я плавала в ней, я искала выход. И не находила. Я не знала своего имени. Я не знала, что я за существо такое. Я все потеряла. Я все утратила. Потеряла нечто важное... Нечто, без чего не смогу быть собой. Тьма – все, что осталось. И я плыла.

– Лиза... – услышала я тихий голос, – Лиза, открой глаза.

Я не хотела подчиняться ему. С закрытыми глазами было комфортно и спокойно. Никаких проблем, никаких вопросов, ответов на которые я не могла найти. Чьи-то руки бережно обхватили меня и приподняли с холодной земли. Стало теплее.

– Лиза, – снова услышала я и распахнула глаза.

Надо мной склонился Моран, держа меня одной рукой за плечи, а второй за голову. Я безотчетно улыбнулась, увидев его. Но через секунду вспыхнули воспоминания о недавних событиях. Подслушанный разговор, воздушная волна, проверка в пещере... Улыбка сползла с моего лица.

Зачем он вообще держит меня? Зачем прикасается? Я не хочу этого! Не хочу!

Я уперлась руками в грудь Хранителя и оттолкнула его от себя. Шатаясь, поднялась на ноги. Моран протянул мне руку, чтобы помочь, но я отмахнулась от него. Потерла слезящиеся глаза и огляделась.

Где я? Вокруг простиралась каменистая равнина. В небе светила тусклая луна. Вдали виднелись очертания черных, как смоль, гор. Никакой растительности, за исключением похожих на скелеты деревьев без листвы. И тишина... Не было слышно ни пения птиц, ни шороха листвы – ничего. Лишь ветер завывал где-то далеко.

Я сделала несколько шагов, пошатнулась и остановилась. На большее сил пока не было, а голова плохо соображала. Я все еще была слаба то ли после удара воздушной волной, то ли после падения в пещере.

В темноте сверкнула яркая вспышка света, и возле меня вспыхнул маленький костер. Не имея больше сил стоять, я нехотя опустилась у огня и стала наблюдать за танцующими язычками пламени. В мыслях царил хаос, и я пыталась хоть немного привести их в порядок. Моран приблизился и сел рядом. Я краем глаза взглянула на него – так же, как и я, он задумчиво глядел на огонь.

– Почему? – неожиданно произнес он тихим голосом.

Я исподлобья взглянула на него непонимающим взглядом, но не сказала ни слова.

– Почему ты велела зеркалу показать мои намерения?

Ах, вот он о чем. Да какая уже разница.

Я отвернулась от него и нахмурилась, ничего не ответив. Вряд ли его бы устроил мой ответ, да и говорить теперь особо не хотелось. Отныне я буду следовать совету травницы Мэнни, да держать язык за зубами. Особенно сейчас. Особенно с этим человеком.

– И почему оно подчинилось тебе? – тихим, но требовательным голосом сказал Моран.

Я посмотрела в его глаза. В них отражались красные язычки пламени, и привычного холодного блеска не было. Мы молча смотрели друг на друга, в его глазах застыл вопрос, ответ на который он терпеливо ждал.

– Почему? – тем же тихим голосом он повторил.

Я отвернулась и уставилась в танцующее пламя.

– Потому что я хотела узнать тебя лучше, – произнесла я безжизненным голосом, – понять тебя.

Это была правда. Я хотела понять, что движет им, что в его голове, в его душе, в его мыслях. А еще я считала, что это будет, как минимум, справедливо и правильно. Справедливо по отношению ко мне. Вслух, конечно, я говорить этого не стала. Потому что хватить уже болтать попусту – это приносило только вред.

– И многое ли ты поняла? – прервал мои размышления Моран. В голосе послышались знакомые металлические нотки.

Перед внутренним взором всплыло его отражение в том зеркале. Молодое, смеющееся... С кровью на руках.

– Не совсем, – сухо ответила я, – а многое ли понял ты из того, что зеркало показало обо мне?

– Достаточно, – лаконично произнес он и снова посмотрел на огонь, – то, что ты сделала в пещере... И то, что произошло после этого, не останется без последствий. Ты это понимаешь?

Голос у него был на удивление тихим и уставшим. Словно он взвалил на себя непомерно тяжелую ношу и долго нес ее без передышки. А теперь просто устал. На мгновение мне странным образом передалось его состояние. Но через секунду эти ощущения развеялись. На смену им пришла злость. Моя собственная злость, не переданная ни взглядами, ни прикосновениями, ни чем-то еще. Никакой чертовой эмпатии.

Я злилась на себя за то, что была ослеплена чувствами, как глупая школьница. Злилась на него за его жестокие поступки. Злилась на этот безумный мир, в котором какой бы шаг я ни сделала, какое бы слово ни сказала, это неизменно оборачивалось против меня. Злилась, что в каждом моем поступке видели преступление и очередной повод обвинить в новых преступлениях.

– Меня казнят за то, что я хотела узнать твои намерения и сущность? – произнесла я с насмешкой.

Моран помолчал некоторое время и ответил спокойным, ледяным тоном:

– Разве невинному человеку, не связанному сговором с эльфом, нужно знать намерения Хранителя Цитадели света?

«Вообще-то нужно, – подумала я, – если этот невинный человек – женщина на грани нервного срыва».

– Нет, – ответил он за меня, – невинный человек не будет пытаться узнать планы хранителя, не боясь быть наказанным.

– Я не хотела узнать твои планы, – резко сказала я, глядя на него, – я хотела узнать тебя, Моран. Тебя.

Моран ничего не ответил. Он поднял какую-то сухую веточку, задумчиво покрутил ее в руке, кинул в костер и пристально смотрел, как она сгорает. Затем опустил голову, потер лоб рукой и тихо вздохнул.

– Поразительно, – тихим голосом произнес он, – до чего может довести одна неверная фраза, сказанная невзначай. До чего может довести неведение. До обвинения. До режущих кожу оков. До унижительных проверок. Знай ты о нашем мире больше, вряд ли бы стала говорить об эльфах.

Я с изумлением уставилась на него. Я не ослышалась? Это точно он сейчас говорит? Он головой ударился, что ли?

– Ты веришь мне? Веришь, что я невиновна? – недоверчиво спросила я, глядя в его глаза, казавшиеся теперь темно-синими.

– Тот, кто находится в сговоре с эльфом, не станет говорить во всеулышание о том, что видел его. Твои предположения о том, что ты увидела чьи-то воспоминания, а не настоящего эльфа, очень похожи на правду...

Я отвернулась и нахмурилась. В чем-то был подвох. Не может он мне верить.

– Но, с другой стороны, – продолжил Моран, – человек, не имеющий скрытых мотивов, не станет тайно забираться в башню Хранителя.

– Но я... – начала я говорить, но Моран прервал меня:

– И уж тем более, невиновный человек ни за что не станет пытаться узнать намерения Хранителя. Невиновный человек не станет требовать зеркало показать намерения и сущность хранителя... Пролану был нужен малейший повод, чтобы заточить тебя в тюрьме. И он нашел его. Ты сама преподнесла ему его на блюдечке. Ему даже ничего делать для этого не пришлось. Для него это – неопровержимое доказательство того, что твои намерения нечисты. Что ты служишь эльфам. Своим поступком в пещере ты подарила Пролану возможность посадить тебя в камеру. Или хуже того, казнить...

Я фыркнула. Судя по всему, в этом мире про презумпцию невиновности не слышали.

– Меня не могут казнить за то, чего я не совершала! – воскликнула я, – это просто абсурдно! И вообще, почему бы этому Пролану, да и всем вам не заняться поиском того, кто пытался меня отравить! Это – настоящее преступление! Меня же обвиняют, следуя какой-то безумной логике и ложным доводам.

– Преступника ищут, – медленно произнес Моран, – я имею в виду того, кто покушался на твою жизнь. Остальное мы можем обсудить позже. Пора уходить.

Хранитель с тяжелым вздохом поднялся на ноги и протянул мне руку. Я этот жест проигнорировала и отвернулась от него. Нехотя встала и осмотрелась. По-прежнему стояла глубокая ночь.

– Разве мы не переместимся, как обычно? – спросила я.

– Нет, – отрезал он, – не здесь.

И решительным шагом направился в сторону гор. Ничего не оставалось, как идти следом. Я глазела по сторонам и раздумывала о том, не сбежать ли сейчас, пока он не видит. Это была очень заманчивая мысль. Вот только бежать было некуда. Пустынная местность, по которой мы шли, была обрамлена горами. В какую сторону я бы не побежала, на моем пути везде вставали высокие хребты. А в одиночку их не перейти. Но как только мы пересечем горы...

– Надеюсь, у тебя хватить здравого смысла не сбежать, – прервал мои размышления Моран, не оборачиваясь, – в этом месте ты непременно погибнешь.

Я хмуро посмотрела ему вслед.

– Ты что, умеешь мысли читать? – не сдержавшись, спросила я и услышала тихий смех.

– Не обязательно уметь читать мысли, чтобы понимать очевидные вещи, – ответил он, не сбавляя шаг.

Я промолчала. Глеющий позади костер какое-то время освещал дорогу. Но с каждым шагом становилось темнее. Я взглянула на небо. Тусклый месяц находился на том же месте, что и час назад. Небо, деревья и весь унылый пейзаж в этом месте словно застыли в одном мгновении. Как кадр на фотоснимке. Даже ветер однообразно завывал на одной протяжной ноте, как заевшая пластинка. Меня это насторожило.

– Моран, – обратилась я, глядя на его спину, – как скоро будет рассвет?

– Здесь не бывает рассвета, – ответил он, не поворачивая головы, – это место вечной ночи.

Я поежилась. Ночь я любила, конечно. Но здесь она была мрачной, неподвижной. Мертвой. Отсюда хотелось убежать сломя голову. До тех пор, пока над головой не засияет солнце. На бег сил не было. Но все-таки я прибавила шагу и сравнялась с Хранителем.

– Где мы? – спросила я, – что это за место такое?

Вообще-то я должна была раньше спросить об этом. Но меня интересовали более насущные вопросы, да и в голове еще был легкий сумбур.

– В Пограничье. На границе между миром людей и миром теней. Там, – он указал рукой назад, туда, где мы сидели, – дальше за горами находятся низины. А вот за этим хребтом, – теперь он указывал вперед, – уже наш мир. Мир людей, жизни и солнца.

Я посмотрела на то место, куда он показывал. Расстояние до гор было приличное. За день бы одолеть. Точнее, за ночь. О том, как долго мы будем карабкаться по горам, и насколько это будет опасным, я старалась не думать.

– И все-таки, почему бы нам просто не переместиться? – спросила я.

Конечно, я вовсе не спешила вернуться в Цитадель, но и это место большого восторга не вызывало. Кто знает, что за существа могут здесь таиться.

– Потому что магия искажения пространства здесь не действует. Любой, кто решится отправиться в низины, пересечь Пограничье и вернуться, должен пройти этот путь сам. Своими ногами.

– Понятно. Но почему мы оказались именно здесь? Почему не в Цитадели? Это произошло из-за разрушения пещеры? Из-за того, что мы упали в пропасть?

– Потому что я так решил, – твердым голосом ответил он, – а теперь давай помолчим. Побереги силы для долгого пути.

От удивления я сбавила шаг и на мгновение остановилась.

«Потому что я так решил».

Но зачем? Для чего ему понадобилось перемещаться сюда? В это лишенное жизни место? Если бы он хотел бросить меня здесь, то давно бы сделал это. Он мог оставить меня еще там, в визжащей пещере.

Вопросов прибавилось еще больше. А ответов все не было. Сплошной квест какой-то. Я пообещала себе, что найду ответы. А пока предстояло пересечь эту местность с Хранителем, нравилось мне это, или нет. Но как только мы окажемся в мире, полном жизни и солнца, я сбегу. Довольно проверок и новых обвинений! Пока я смутно себе представляла, как сделаю это, но у меня еще было время, чтобы подумать об этом.

Я взглянула на высокую фигуру Хранителя, и проклятая иголочка уколола сердце, заставив на секунду съежиться от нахлынувших эмоций.

«Нет, – твердо сказала я самой себе, – больше никаких чувств. Главное теперь – моя жизнь и свобода».

Свобода. Вот, чего больше всего жаждала моя душа.

Глава 17

Неизвестно, сколько мы шли по этому мрачному царству ночи. Иногда мы делали привал, и Моран зажигал небольшой костер. Пили воду, настоянную на травах. Она придавала сил, но совершенно не спасала от голода. Есть хотелось зверски.

После очередного привала, мы поднимались и снова шли вперед. Каждый раз Моран не гасил костер. Большую часть пути мы шли молча, каждый погруженный в свои мысли. Иногда я нарушала эту тишину. Нет, вопросов я больше не задавала. Я тихо напевала песни из своего мира, казавшегося теперь таким далеким. Меня успокаивало собственное пение и отвлекало от однообразного пейзажа и протяжного воя ветра.

– О чем была эта песня? – неожиданно спросил Моран, когда я закончила петь и замолчала. Конечно, он-то моего языка не знал.

– В ней поется следующее: солнце мое, взгляни на меня, – сказала я, переводя слова культовой в моем мире песни на его язык, – моя ладонь превратилась в кулак. Если есть... э-э-э ...свечи, дай огня, – пороха в этом мире не было, по крайней мере, такого слова в моем словарном запасе не было. Поэтому я изменила его на «свечи».

– Мне нравятся эти слова. Они наполнены смыслом, – медленно сказал он, – спой еще что-нибудь. Пожалуйста.

Он удивил своей просьбой. Некоторое время я упрямо молчала, не желая выполнять ее. Но давящая тишина и вой ветра действовали на нервы. Не выдержав, я тихо запела очередную песню. Простенькую такую, лишённую глубокого смысла. Зато веселую. Веселья особенно не хватало. Впрочем, как света и тепла.

Так мы и шли. Я пела, Моран молча слушал, иногда спрашивая, о чем была та или иная песня. Если бы не тьма, холод и голод, это вполне можно было назвать приятной прогулкой. Правда, немного изнуряющей.

Расстояние между нами и горами сокращалось. С одной стороны, я радовалась этому. Но с другой, совсем не хотелось спешить. Я опасалась, что Моран переместит нас в Цитадель, как только мы окажемся на той стороне. А если так произойдет, то не останется никаких шансов на побег.

«Но все-таки у меня будет в запасе несколько мгновений, пока Моран выстраивает заклинание для перемещения, – успокоила я себя, – этого времени может хватить для того, чтобы улизнуть».

Конечно, в моем плане были явные пробелы. Но все-таки это был иной путь, помимо Цитадели и Пограничья. Путь к свободе. Меня подстегивали решимость и уверенность, что все получится.

Когда уже все песни, что я знала, были спеты, а вода в бурдюке закончилась, мы наконец подошли к подножию гор. Они были иссиня-черные, кривые и напроць лишённые какой бы то ни было растительности. До этого дня мне никогда не приходилось карабкаться по горам и покорять вершины. Я панически боялась высоты с раннего детства.

– Они впечатляют, не так ли? – произнес Моран, глядя на горы с восторгом. Я его чувств не разделяла.

– Меня они больше пугают, – ответила я, пытаясь разглядеть вершину, что скрывалась за густыми тучами.

– Эти горы намного древнее нашей расы. Они стоят здесь вечность, пожалуй, с самого сотворения мира, – Моран прикоснулся к холодному камню, – подумать только, сколько всего они повидали... Сколько тайн в себе хранят. Каждый раз, приходя сюда, я думаю об этом.

Я вспомнила о том, как некогда Галвин сказал, что Хранитель бывал в низинах, что были как раз неподалеку.

– Как часто ты бывал здесь? – спросила я, впрочем, не надеясь, что он ответит.

– Достаточно, – сухо ответил он и указал путь рукой, – сюда. Ты идешь первая. Если оступишься – я поймаю.

Я увидела узкую тропу. Глубоко вдохнула и, подавив в себе панику, сделала шаг. Следом поднялся Моран. Я старалась не смотреть по сторонам и тем более вниз. Только вперед и под ноги. Только на узкую тропу, что петляла и змеилась под ногами.

Я не останавливалась. Потому что знала, если остановлюсь, то не выдержу и посмотрю вниз. И умру от ужаса, от своей глупой фобии, от которой тряслись поджилки и потели ладошки.

Лишь присутствие Морана, что молчаливой тенью шел позади, придавало сил и немного успокаивало. Немного. Но этого было вполне достаточно, чтобы преодолеть горный кряж.

Глава 18

Невероятно, но я сделала это. Мы сделали. Пройдя длинный путь, спотыкаясь и чуть не падая от усталости, мы оказались на вершине горы. Вид оттуда открывался просто поразительный.

Слева – черный, безжизненный мир, который освещала вечная луна. Справа – дикий лес, утопающий в предрассветном тумане. Живое и мертвое. Черное и белое. Это был пугающий, но в то же время прекрасный в своей мрачности контраст.

– Теперь можем передохнуть, – сказал Моран, озираясь по сторонам. На его лице не было никаких следов усталости. Он был таким же, как всегда. Спокойное дыхание, равнодушный цепкий взгляд, бесстрастное выражение лица. Как ему это удается?

Моран подошел к ровной площадке, подобрал какую-то веточку и начертил загадочные символы на земле. Закончив, он стал на одно колено, положил ладонь на землю и прошептал невнятные слова. Символы загорелись синим пламенем, и тишину наполнил тихий шелест. Он усиливался, становясь все громче.

Этот звук был шелестом крыльев. Вокруг нас парили десятки воронов. Угольки их глаз сверкали синим огнем.

Один из воронов сел на плечо Морану и склонил голову к его лицу. Вид у обоих был такой... Так радуется домашнее животное возвращению своего хозяина. Моран улыбнулся, одним пальцем погладил ворона по голове и что-то ему прошептал. Ворон два раза каркнул, взмахнул широкими крыльями и взвился в небо. За ним полетели и остальные птицы. Мгновение – и вороны скрылись из виду, а затем и вовсе исчезли.

– Вороны? – только и смогла вымолвить я.

– Да, – с улыбкой ответил он. Я готова была поклясться, что в его интонации было столько любви в тот момент, сколько некоторые за всю свою жизнь не испытывали.

– Что ты ему сказал?

– Сказал, что мы проголодались.

– Разве они смогут помочь?

– Они смогут, – ответил он и создал очередной костер, присел возле него.

– Присядь, – сказал Моран, – ты прекрасно справилась с подъемом. Не каждый мужчина способен выдержать его. А теперь нужно дать отдых ногам.

Я с громким вздохом облегчения села на землю и вытянула гудящие ноги. Мы сидели молча и смотрели на костер, когда вновь прилетели вороны. Один из них подлетел ближе всех, из его клюва что-то выпало.

Хранитель поднял сверток и с улыбкой показал мне его.

Это был холщовый мешок, в котором оказались хлеб, сыр, немного вяленого мяса и вода. Я взяла немного хлеба с сыром и стала жадно есть.

Мысль о побеге не покидала меня ни на минуту. С вершины горы сбегать глупо, конечно. Это верная смерть. Следовало каким-то образом выяснить, когда и где Моран намерен переместиться, и подготовиться к этому.

Но как вытянуть хоть что-то из этого человека? Я перевела взгляд на Морана. Он ласково гладил ворона, затем что-то шепнул ему, и стая скрылась за горизонтом.

Какое-то время мы ели молча. Насытившись, я спросила:

– Где они взяли этот мешок?

Моран улыбнулся. Он так часто улыбался за последние полчаса, что это начинало смущать и настораживать.

– Они взяли это на кухне в Цитадели. Там всегда держат несколько таких мешков с провизией для подобных случаев, – ответил он.

– И часто бывают такие незапланированные путешествия? – спросила я.

– Я – Хранитель. Мне часто приходится бывать в самых разных местах. И кто сказал, что это путешествие было незапланированным? – произнес он и опять улыбнулся.

Я удивленно уставилась на него. Он вел себя непривычно. Хотя бы потому, что много улыбался. К тому же, я была пленницей, подозреваемой во всех мыслимых и немыслимых преступлениях. Он, по идее, должен был меня на привязи вести. А вместо этого кормит, песни слушает, улыбается.

– И для чего же это путешествие? – спросила я, пытаясь побороть смущение.

Моран проигнорировал мой вопрос и поднялся на ноги. Подошел к самому краю вершины и устремил свой взор на темное Пограничье. Глубоко вздохнул, раскинул широко руки и поднял голову, подставляя лицо прохладному ветру.

Я с интересом наблюдала за ним, ожидая, что сейчас он произнесет какое-нибудь заклинание или что-то вроде того. Но Хранитель молчал, лишь изредка громко вздыхая. Это был вздох...облегчения? Спустя долгое молчание Моран, наконец, повернулся ко мне.

Я взглянула в его лицо...и не узнала. Никогда прежде я не видела его таким. Глаза ярко сияли, складки на лбу разгладились, а уголки рта растянулись в легкой улыбке. В этот момент он выглядел счастливым, по-настоящему счастливым.

– Большинство людей, – спокойным голосом произнес Моран, указывая рукой на Пограничье, – боятся этого места. Так же, как и низин. Ведь там нет ни солнца, ни жизни, ни других людей, – он снова глубоко вдохнул и закрыл глаза, – но именно здесь я чувствую себя по-настоящему живым.

Я с изумлением смотрела на него.

– Почему? – прохрипела я.

– Потому что только здесь я могу быть собой, – Моран грустно улыбнулся и сел рядом со мной.

– И кто же ты?

Он нахмурился и взял бурдюк из моих рук, сделал несколько глотков и устремил взгляд вдаль. В сторону Пограничья.

– Ты знаешь это, – помолчав, промолвил он, – я – Хранитель Цитадели света. Тот, кто должен оберегать мир от хаоса и тьмы. Я был совсем мальчишкой, когда надел плащ Хранителя. Тогда я верил, что смогу изменить мир к лучшему, сделаю его чище и принесу людям свет. Я был идеалистом. Проще говоря, глупцом. Но с годами пришло понимание...и разочарование.

– И это место тебе нравится потому, – тихо сказала я, – что здесь нет людей?

– Нет сотен любопытных глаз обезумевшей толпы, – мрачно произнес он, поднялся на ноги и вновь стал разглядывать Пограничье.

Я тоже встала и приблизилась к нему.

– Но почему ты разговариваешь об этом со мной? – спросила я.

Меня поразил этот порыв откровения от него. От того, по чьей милости я чуть не погибла. От того, кто считает меня преступницей. О том, что он помог лекарю спасти меня от яда, я решила не вспоминать.

Моран обернулся и взглянул мне в глаза.

– А с кем же еще я могу говорить об этом? – невозмутимо ответил он и отвернулся.

Я ничего не ответила, и молча стояла рядом, вглядываясь в бескрайнее царство ночи, где застыла вечная луна. Теперь и мне это место не казалось таким мрачным. В чем-то он был прав. Да, там не было жизни в привычном ее понимании, но там не было и дикого мракобесия, злобной толпы и извращенного правосудия. Лишь вечная ночь и вечное одиночество. Или...

– Свобода... – прошептала я, – ты несвободен, Моран. Так же, как и я. Ваш мир не очень-то отличается от моего. Каждый здесь играет свою роль, и любое отклонение от нормы жестко карается.

Хранитель повернулся и посмотрел на меня пристальным взглядом.

– Свобода? – повторил он, – а что для тебя значит свобода?

Я удивилась этому вопросу, впрочем, как и удивлялась последние несколько часов его странной перемене.

– Быть собой, – ответила я после минутного молчания, – не боясь осуждения. И, конечно, иметь возможность жить там, где хочешь. Делать то, что хочешь и свободно говорить, не опасаясь быть закованной в кандалы и запертой в четырех стенах! Каждое существо имеет право на свободу!

Я отвернулась и стремительно подошла к костру. Дразнит он меня, что ли, такими вопросами? Издевается? Я начала нарезать круги, не обращая на него внимания. К чему все эти разговоры, когда он целенаправленно ведет меня в Цитадель, на новый допрос? К чему это, если вскоре я снова окажусь в камере?

«Нет, этому не бывать!» – подумала я и украдкой взглянула на Хранителя.

Какая-то часть меня хотела просто подойти и обнять его. Глупые, глупые эмоции! Видимо, у этой части напрочь отсутствует разум. Другая же часть желала никогда его больше не видеть.

Единственное спасение – сбежать. И от оков, и от этих непрощенных чувств. Больше я никому не позволю проверять себя. Не позволю унижать допросами и абсурдными обвинениями. Не позволю выставлять на обозрение алчущей развлечений толпе. Нет! Я выберусь. Непременно.

Я расхаживала туда-сюда и не сразу заметила, что Хранитель пристально смотрит на меня. Как долго это длилось? Я придала себе невозмутимый вид и села у огня. Моран подошел ближе, не сводя с меня глаз.

– Пора отправляться дальше, – сказал он, подавая мне руку, – неподалеку здесь есть место, где мы сможем спокойно переночевать.

Я встала и обреченно посмотрела вниз. Спускаться предстояло долго. Бесконечно долго. Но, чем скорее спустимся, тем быстрее появится шанс обрести свободу.

Мы снова отправились в путь узкой тропой. Постепенно менялся ландшафт вокруг. Кое-где появлялись карликовые деревья и чахлая трава. Чем дальше мы шли, тем гуще становилась трава и выше деревья. Мы возвращались в мир людей, солнечного света и жизни. Я была рада этому. Рада, несмотря на то, что в этом мире меня ожидали сплошные трудности.

Когда мы спустились и ступили на землю, уже вовсю светило солнце. Было прохладно и влажно. Перед нами открывался густой непроходимый лес.

Моран шел рядом. Он огляделся по сторонам и повел меня в самую чащу леса. Мы прошли около ста метров, и за стволами вековых деревьев показался дом.

Старый двухэтажный дом из серого камня. Стены его были увиты плющом, забор превратился в руины, а крышу облюбовали птицы для разведения гнезд. Он был явно заброшенным, но при этом не казался ни мрачным, ни отталкивающим. Почему-то хотелось как можно скорее забежать внутрь, да там и остаться.

– Мы на месте, – сказал Моран и повел в дом, который словно ждал нас, глядя темными глазами окон.

Мы вошли внутрь, и я с изумлением отметила, что разрушение здания никак не сказалось на его убранстве.

Дом внутри и дом снаружи разительно отличались, словно это были два разных места. Здесь, внутри, все было чисто и аккуратно. Ковер на полу. Камин в стене с остатками золы.

Массивный диван с плюшевой обивкой. Два кресла, потертый стол. На кухне – все необходимое убранство, очаг и посуда.

За домом явно следили и наводили уборку. Несмотря на скромную обстановку, здесь было по-домашнему уютно и спокойно.

– Как же здесь хорошо! – воскликнула я, поворачиваясь к Морану, – в таком месте я хотела бы жить.

Он как-то почти незаметно дернулся. Зрачки его расширились, глаза потемнели, становясь темно-синими. Много было в этом взгляде. И изумление, и скрытый гнев, и потаенная боль. Так мне показалось. Но через секунду его взгляд изменился и стал прежним – равнодушно-отстраненным.

– Я покажу тебе твою спальню, – холодно произнес он и повел меня на второй этаж.

Это прозвучало так, словно я была гостьей в его доме. И действительно, чей это был дом? Кто жил в нем раньше? И кто следит за ним теперь? Не вороны же.

Комната, куда привел меня Моран, была маленькой, светлой и уютной. Кровать так и манила, обещая подарить покой и сладкий сон.

Только увидев ее, я поняла, насколько же устала. Просто адски, смертельно устала. Сколько времени я провела без сна? Сутки? Или больше? Я не знала наверняка, но чувствовала, что последние силы иссякли. Не сказав Морану ни слова, и даже не удостоверившись, что он ушел, я с громким вздохом облегчения забралась на кровать и мгновенно заснула.

Глава 19

Снова снился туманный коридор. Безликие голоса звали меня. И я бежала, смеясь и плача одновременно. В конце черного коридора узкий проход. Мне надо туда! Это дверь в другой мир! Я подбежала к нему и остановилась. Знакомая фигура стояла с той стороны, ожидая меня. Я шагнула. И случилось что-то страшное. Сотни голосов слились в единый вой. Я утратила... Потеряла нечто важное. То, без чего не смогу жить.

Меня разбудили ласковые лучи солнца и трели птиц. Сновидение растаяло в воздухе. Я силится вспомнить, чье же лицо увидела во сне, но тщетно.

С пробуждением пришло новое чувство. Ощущение, что при переходе в другой мир я потеряла нечто важное и ценное. Но что? Память? Возможно, но не то. Разум? Я усмехнулась. Нет, причиной этому был вовсе не проход. Так что же? Очередная загадка, которую еще предстояло разгадать. А пока нужно было подумать, как выбираться.

Я сладко потянулась и встала с постели. В доме было тихо, светло и спокойно. Ощущение уюта никуда не делось, а лишь усилилось.

Я пригладила платье в надежде придать себе благопристойный вид, подошла к двери и распахнула ее.

Дом встретил утренней тишиной. Я позвала Морана, но ответа не последовало. Пожав плечами, я решила обследовать второй этаж. Напротив моей комнаты была еще одна дверь. Я подергала за ручку. Заперто.

Прошла дальше по коридору и наткнулась на вторую дверь. Она легко отворилась. Передо мной открылась крохотная купальная комната. В центре стояла круглая ванна. Из кранов журчала вода, приглашая поскорее окунуться в нее и смыть все дурные мысли.

Я закрыла за собой дверь, сняла пыльное платье и платок, и погрузилась в теплую воду. Блаженное тепло разлилось по утомленному телу. В тот момент я даже не задумывалась, как в заброшенном доме может быть купальная комната, и тем более вода. Пролежала в ванной я очень долго и с большим трудом заставила себя встать.

Когда я вновь надела на себя платье, причесала пальцами короткие завитки волос, то почувствовала себя лучше и сильнее. В углу висело зеркало, я подошла к нему и поразились своему отражению.

То ли ванна подействовала, то ли крепкий сон в мягкой постели, но выглядела я замечательно. Бледность исчезла, щеки окрасил легкий румянец, привычные синяки под глазами пропали, а сами глаза ярко блестели. Да и короткие кудряшки, доходившие теперь почти до шеи, придавали легкости и очарования.

Я весело встряхнула волосами, улыбнулась своему отражению и отправилась на поиски Хранителя.

В доме его не было. Я обошла второй этаж, гостиную и уютную кухню, громко звала его, но так и не обнаружила.

Шестое чувство подсказывало, что он где-то поблизости, и не оставил меня одну в этом лесу, в этом славном доме.

Убедившись, что в доме пусто, я решила обследовать территорию вокруг. Здесь, конечно, было хорошо, но, в первую очередь, я должна была думать о своей свободе. И о том, как и куда сбежать.

Вокруг дома был дикий и запущенный сад. То тут, то там молча кружили вороны. Значит, Хранитель где-то поблизости. Но где? Неужели он так спокойно оставил меня одну, зная, что я могу сбежать?

«Хотя, вообще-то я не одна, – подумала я, глядя на воронов, – вон, сколько соглядатаев. Чем не стражники?»

Да, и наверняка все тут усеяно его волшебными ловушками и штучками.

Я ступила на разбитую дорожку и пересекла ворота дома. Точнее, то, что от них осталось.

Сразу же за ними открывался лес. Пахло травами и древесной смолой, воздух был свеж и прохладен. Птицы пели на разные голоса. Ветер ласково трепал волосы. Этот лес отличался от тех, что я успела повидать в этом мире. Он был приветливый и светлый.

Я шагнула в лесную чащу, бережно касаясь пальцами ветвей и коры. Вспомнила, как обнимала деревья в далеком детстве. Меня охватило безотчетное желание обнять эти деревья, я склонила голову перед раскидистым дубом и порывисто обняла его.

Сотни ускользящих мыслей и образов заполнили меня, но одна была четкая и громкая.

«Я дома, – кричала во мне каждая клетка, – я дома!»

Я блаженно улыбалась с закрытыми глазами, прикасаясь щекой к шершавой и ароматной коре. Было хорошо. Я была почти счастлива.

– Что ты делаешь? – вернул меня в реальность голос Морана.

Я вздрогнула и обернулась. Он стоял напротив и недоверчиво смотрел на меня сверху вниз. Привычного плаща на нем не было. Моран был одет в простую рубашку на шнуровке и темные штаны.

В руках – тушка кролика. Он не был похож на Хранителя Цитадели, каким я привыкла его видеть. Сейчас я видела перед собой просто мужчину. Красивого мужчину и сильного.

– Я просто обнимаю дерево, – непринужденно сказала я и провела рукой по волосам. Он проследил за моим жестом, затем его взгляд скользнул по моим губам и остановился на глазах.

– Твои волосы быстро растут, – задумчиво проговорил он и дотронулся до моего локона. От этого жеста я вздрогнула и затаила дыхание.

– Да, – еле слышно ответила я, – это все благодаря Галвину и тому зелью, что он мне дал.

– С такими кудрями ты похожа на...

– На ягненка, – ответила я и улыбнулась. Моран тихо рассмеялся.

– Я хотел сказать совсем другое.

– И что же? – весело спросила я, внутренне удивляясь своему настроению.

Моран ничего не ответил. Он молча взирал на меня, пронзая насквозь своими невероятными голубыми глазами. Зрачки его расширились, а губы слегка приоткрылись. Он был совсем рядом, от него исходили волны мрачной чувственности. И силы.

Я хотела прикоснуться к нему. Казалось, что если я не прикоснусь к нему сию минуту, то погибну, сгорю от этого всепоглощающего томления. Но я не шевелилась, мысленно проклиная себя за слабость. Моран снова прикоснулся к моему локону. Я оцепенела и прикусила губу.

– Помнишь ли ты наш последний разговор в саду? – отрывисто произнес он. Я вздрогнула и вышла из оцепенения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.